

ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

№ 3, 2023

ISSN: 2071-4920 (Print)

ISSN: 2712-7818 (Online)

Юридическая МЫСЛЬ

2023 3 (131)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. По 2019 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревнова, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Серeda, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelnia Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартъянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёлкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2023»

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2023 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ruizdatcat@eg-online.ru

в Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2023 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-46-25

Адрес в Интернете: <http://lawinst-spb.ru>; <http://matgip.ru>

E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founder and Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3
Юридический институт (Санкт-Петербург)
Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru
119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12
МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgir2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.09.2023. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 14,54. Усл. п.л. 8,28. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 3 (131), 2023

На обложке – фрагмент картины

С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2023

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

3 (131)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Банникова О.М.

Участие Уполномоченного по правам человека
в Российской Федерации в толковании права 9

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Комаров С.А., Ковальский Е.С.Ч.

Правовая инфильтрация принципа равноправия как основы
конституционно-правового содержания идеи прав человека 19

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Медяник О.В.

Исследования когнитивных искажений в цифровой экономике..... 33

Зудов А.С.

Инновационное развитие жилищно-коммунального хозяйства
в г. Москве..... 71

Зудов А.С.

Инвестиции как средство обеспечения инновационного
развития жилищно-коммунальной сферы 77

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Винокуров В.А., Шманцарь Д.А.

Актуальная потребность декриминализации преступления, связанного
с уничтожением или повреждением имущества по неосторожности 86

Гареев М.Ф.

Отдельные аспекты предупреждения экстремистской деятельности
на примере законодательства царской России..... 103

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Bannikova O.M.</i> Participation of the human rights ombudsman in the Russian Federation in the interpretation of the law	14
--	----

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Komarov S.A., Kowalski E.S.Ch.</i> Legal infiltration of the principle of equality as the basis of the constitutional legal content of the idea of human rights	26
--	----

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Medyanik O.V.</i> Research on cognitive distortions in the digital economy	53
<i>Zudov A.S.</i> Innovative development of housing and communal services in Moscow	74
<i>Zudov A.S.</i> Investments as a means of ensuring innovative development of the housing and communal sector.....	81

5.1.4. – CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Vinokurov V.A., Shmantsar D.A.</i> The urgent need to decriminalize crimes related to the destruction or damage of property by negligence	94
<i>Gareev M.F.</i> Selected aspects of prevention of extremist activities on the example of legislation of Tsar Russia.....	110

Индексация журнала

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.9

УЧАСТИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТОЛКОВАНИИ ПРАВА

О.М. Банникова*

Аннотация. В статье анализируется правовое положение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации в сфере использования права законодательной инициативы и толкования права. Отмечается наличие сложностей, ввиду молодости данного института и недостаточной проработанности нормативной базы. Делается вывод о том, что толкование правовых норм Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации является важной составляющей механизма защиты прав человека и гражданина на современном этапе развития российского государства.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченный по правам человека в субъектах Российской Федерации, толкование права, правореализация, механизм защиты прав человека и гражданина.

Рассматривая источники права, их значение и дальнейшее развитие, важно учитывать ряд дополнительных факторов, которые в комплексе влияют на перспективность и эффективность функционирования того или иного источника права. Среди данных факторов важно выделять субъекты правотворческой деятельности и институт толкования источников права.

Право, регулируя общественные отношения в обществе, взаимодействует с человеком, так как оно призвано защищать права личности и граждан. В этом свете большое значение обретает механизм защиты прав человека, который тесно связан с таким институтом как Уполномоченный по

* Банникова Ольга Михайловна, ассистент кафедры правовой культуры и защиты прав человека; аспирант Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: podkoraeva777@yandex.ru

Научный руководитель – Дроздова Александра Михайловна, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный по правам человека, омбудсмен).

Деятельность и правовой статус омбудсмена регулируется Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [2].

Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждается в соответствии с Конституцией Российской Федерации [1; 8] в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами [2].

Если рассматривать Уполномоченного по правам человека в качестве субъекта, который осуществляет деятельность, связанную с правотворчеством, то особое значение приобретает Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» [3]. Данный нормативный акт объективировал статус регионального омбудсмена и в целом оптимизировал правовые условия работы данного института.

Говоря об эффективности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, важно понимать наличие сложностей, ввиду молодости данного института и недостаточной проработанности нормативной базы.

Так, стоит согласиться с мнением Дроздовой А.М., исходя из которого, наличие значительных пробелов в законодательстве порождают порой ситуации, когда омбудсмены ищут нормативное регулирование в иных нормативных правовых актах и ими пользуются [6, с. 212].

Мнение нынешнего Уполномоченного по правам человека Москальковой Т.Н., отраженное в бюллетене Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации также говорит о важности оказания внимания особому статусу омбудсмена как субъекта правотворчества и толкования права.

Право законодательной инициативы, например, в 2017 году имели около тридцати региональных омбудсменов, а возможность обсуждать законопроекты, которые затрагивают права и свободы человека около шестидесяти семи уполномоченных субъектов Российской Федерации. В этом случае можно говорить о некой разобщенности регулирования правового статуса омбудсменов на уровне субъекта Российской Федерации. Важным шагом стало принятие федерального закона о региональных Уполномоченных, который внес единообразие в предоставлении прав региональным омбудсменам [4].

Важно отметить, что особенности толкования права Уполномоченным по правам человека тесно связано с его правотворческой функцией, которая реализуется посредством использования права законодательной инициативы, а также инициации со стороны омбудсмена принятия, изменения или отмены того или иного нормативного акта или его отдельного положения [9, с. 73].

К основным видам правовой деятельности омбудсмена необходимо отнести интерпретационную форму, которая заключается в неофициальном толковании права и связанное с уяснением и разъяснением содержательной и целевой составляющей нормативных актов. Процесс толкования

правовых норм – это важная составляющая, как механизма правового регулирования, так и механизма защиты прав человека в целом. «Толкование правовых норм занимает существенное место в процессе правореализации, особенно в правоприменении, ведь прежде, чем применить право, нужно уяснить его смысл и содержание нормы права. В процессе толкования нужно определить историко-политические условия, цель и социальную направленность правовой нормы» [7, с. 426]. Толкование норм права имеет цель точного и единообразного понимания и применения законов.

Одним из субъектов неофициального толкования считается персонифицированный орган в лице омбудсмена. Наделение данного персонифицированного органа именно этой функцией говорит о высокой ответственности и авторитете в области защиты прав граждан и совершенствования механизма по их защите.

В юридической доктрине справедливо выделяют виды неофициального толкования, среди которых: обыденное, профессиональное и научное.

Говоря о толковании правовых норм омбудсменом, необходимо отметить некий дуализм, так как нельзя отнести толкование норм права омбудсмена к какому-либо конкретному виду. Толкование норм права данным субъектом обладает своей спецификой, которая заключается в симбиозе профессионального и научного вида толкования норм права.

Уполномоченный по правам человека как субъект толкования – это лицо, обладающее безупречной репутацией, имеющее высшее образование, а также познания в области прав и свобод человека и гражданина, опыт их защиты. Однако если основным критерием профессионального неофициального толкования нормы права является обязательное наличие юридического образования, которое для Уполномоченного по правам человека, среди предъявляемых требований, не является обязательным, то нельзя с точностью относить данное толкование к какому-либо конкретному виду.

Важно отметить, что Уполномоченный по правам человека использует элементы толкования норма права, давая как устные консультации, так и ответ на жалобы и обращения граждан. Если говорить о доктринальном толковании, стоит говорить о толковании права омбудсменом как о компетентном доктринальном неофициальном толковании. Омбудсмен также может осуществлять толкование норм права в форме: научных трудов, комментариев, заключения, публичного выступления и предложения по совершенствованию законодательства (законодательная инициатива). Такая возможность толкования правовых норм играет важную роль, связанную с оказанием существенной помощи, как органам власти, так и простым гражданам, права которых нарушены.

В подтверждении тому, стоит привести пример из практики. Согласно данным официального сайта Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Государственная Дума ФС РФ поддержала законодательную инициативу, инициированную региональным омбудсменом Челябинской области.

13 марта 2019 года депутатом Государственной Думы Андреем Красовым повторно был внесен проект закона, согласно которому фактические воспитатели военнослужащего получили право на получение единовремен-

ного пособия и ежемесячной денежной компенсации [5]. Данный проект поддержали 51 депутат нижней палаты Федерального Собрания РФ.

16 мая 2019 года проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» приняли в первом чтении.

Было установлено, что право на получение единовременного пособия и ежемесячной денежной компенсации в случае гибели военнослужащего, гражданина призванного на военные сборы или инвалида по военной травме, предоставляется лицу, признанному судом как фактически воспитывавшим или содержавшим военнослужащего в течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия [10].

Напомним, еще в 2013 году в аппарат Уполномоченного по правам человека в Челябинской области Алексею Ковалеву обратилась гражданка Б. – бабушка военнослужащего, который погиб при исполнении воинских обязанностей.

До призыва на военную службу юноша был на воспитании у бабушки, так как его мать погибла, а отца лишили родительских прав. Гражданка Б. стала опекуном, заменившим погибшему обоим родителям. После смерти при исполнении обязанностей на военной службе страховая компания отказала ей в получении единовременного пособия, выплачиваемого членам семьи погибшего военнослужащего.

Женщина обратилась в суд, но апелляционным определением Челябинского областного суда заявительнице было отказано в удовлетворении требований о взыскании единовременного пособия. Отказ обосновали отсутствием бабушек в числе таких лиц в Федеральном законе «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

После этого бабушка решила обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с целью оспорить конституционность части 11 статьи 3 данного закона, в части не включения бабушек в перечень лиц, которые имеют право получать единовременное пособие. Однако Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы.

По вопросу необходимости выступить с законодательной инициативой о внесении изменений в данный закон, Уполномоченным по правам человека в Челябинской области в 2017 году было направлено обращение в Государственную Думу ФС Российской Федерации. Руководителем фракции КПРФ обращение было направлено в Департамент социальных гарантий Министерства обороны Российской Федерации, предложение было учтено.

Ходатайство Уполномоченного по правам человека в Челябинской области в виде законодательной инициативы о включении в перечень близких родственников бабушек и дедушек было поддержано Членом Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от Челябинской области. По его мнению права близких родственников, в том числе бабушек и дедушек, воспитывающих будущего защитника отечества, при этом заменяя родителей, не должны ущемляться, причем законодательная инициатива, в первую очередь, должна строиться на принципах социальной ответственности перед всеми гражданами [5].

Таким образом, толкование правовых норм омбудсменом выступает в качестве важного критерия для развития и эффективности защиты прав человека в государстве. Специфика толкования также заключена в его дуализме, исходя из которого, данная форма толкования имеет в своем содержании как элементы профессионального, так и доктринального компетентного толкования, выражающиеся в различных направлениях работы омбудсмена. В целом сама специфика толкования права уполномоченными по правам человека, заложена в правовом статусе данного персонифицированного органа. Без преувеличения можно сказать, что толкование правовых норм Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации является важной составляющей механизма защиты прав человека и гражданина на современном этапе развития российского государства и общества.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.
3. Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1640.
4. Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: [Электронный ресурс // URL: <https://www.pencioner.ru> (дата обращения: 1.12.2023).
5. В Государственной Думе РФ поддержали законодательную инициативу, инициированную уполномоченным по правам человека в Челябинской области // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ: [Электронный ресурс] // URL: https://ombudsmanrf.org/news/v_rossii/view/v_gosudarstvennoj_dume_rf_podderzhali_zakonodatelnuju_iniciativu_iniciirovannuju_upolnomochennym_po_pravam_cheloveka_v_cheljabinskoj_oblasti (дата обращения: 1.12.2023).
6. Дроздова А.М. Институт Уполномоченного по правам человека: учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – С. 212.
7. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 4-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2022. – 333 с.
9. Трифонов С. Г. Конституционно-правовой институт уполномоченного по правам человека: формы и принципы организации деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 4 – С. 72–80.
10. Фактические воспитатели военнослужащего получили право на получение единовременного пособия и ежемесячной денежной компенсации // <http://council.gov.ru/events/news/118398/>

Для цитирования: Банникова О.М. Участие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в толковании права: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 3 (131). – С. 9–13.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.9

PARTICIPATION OF THE HUMAN RIGHTS OMBUDSMAN IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INTERPRETATION OF THE LAW

Olga M. Bannikova*

Annotation. The article analyzes the legal status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, commissioners for human rights in the constituent entities of the Russian Federation in the field of using the right of legislative initiative and interpretation of law. It is noted that there are difficulties due to the youth of this institute and the insufficient development of the regulatory framework. It is concluded that the interpretation of legal norms by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation is an important component of the mechanism for protecting human and civil rights at the present stage of development of the Russian state.

Key words: Constitution of the Russian Federation, Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Commissioner for Human Rights in the constituent entities of the Russian Federation, interpretation of law, legal implementation, mechanism for the protection of human and civil rights.

When considering the sources of law, their significance and further development, it is important to take into account a number of additional factors that collectively affect the prospects and effectiveness of the functioning of a particular source of law. Among these factors, it is important to highlight the subjects of law-making activity and the institution of interpretation of sources of law.

Law, regulating social relations in society, interacts with a person, as it is designed to protect the rights of individuals and citizens. In this light, the mechanism for the protection of human rights, which is closely connected with such an institution as the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation (hereinafter referred to as the Commissioner for Human Rights, Ombudsman), acquires great importance.

The activities and legal status of the Ombudsman are regulated by the Federal Constitutional Law “On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation” [2].

The position of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation is established in accordance with the Constitution of the Russian Federation [1; 8] in order to ensure guarantees of state protection of the rights and freedoms of citizens, their observance and respect by state bodies, local governments and officials [2].

If we consider the Commissioner for Human Rights as a subject who carries out activities related to law-making, then the Federal Law “On Commissioners for Human Rights in the Subjects of the Russian Federation” takes on

* **Bannikova Olga Mikhailovna**, assistant of the department of legal culture and protection of human rights; postgraduate student at the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol). E-mail: podkopaeva777@yandex.ru

Scientific supervisor – **Alexandra Mikhailovna Drozdova**, professor of the department of legal culture and protection of human rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol), Doctor of Law, professor. E-mail: temp17@rambler.ru

special significance [3]. This regulatory act objectified the status of the regional ombudsman and generally optimized the legal conditions for the work of this institution.

Speaking about the effectiveness of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, it is important to understand the presence of difficulties, due to the youth of this institution and the insufficient development of the regulatory framework.

Thus, it is worth agreeing with the opinion of Drozdova A.M., based on which, the presence of significant gaps in legislation sometimes gives rise to situations when ombudsmen look for normative regulation in other normative legal acts and use them [6, p. 212].

The opinion of the current Commissioner for Human Rights T.N. Moskalkova, reflected in the bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, also speaks of the importance of paying attention to the special status of the Ombudsman as a subject of lawmaking and interpretation of law.

For example, in 2017, about thirty regional ombudsmen had the right to initiate legislation, and about sixty-seven authorized subjects of the Russian Federation had the opportunity to discuss bills that affect human rights and freedoms. In this case, we can talk about certain disunity in regulating the legal status of ombudsmen at the level of a constituent entity of the Russian Federation. An important step was the adoption of the federal law on regional ombudsmen, which introduced uniformity in the provision of rights to regional ombudsmen [4].

It is important to note that the peculiarities of the interpretation of law by the Commissioner for Human Rights are closely related to his law-making function, which is implemented through the use of the right of legislative initiative, as well as the initiation by the Ombudsman of the adoption, amendment or repeal of a particular normative act or its individual provision [9, p. . 73].

The main types of legal activity of the ombudsman include the interpretive form, which consists of an informal interpretation of the law associated with the understanding and explanation of the content and target components of regulations. The process of interpretation of legal norms is an important component of both the mechanism of legal regulation and the mechanism for the protection of human rights in general. "The interpretation of legal norms occupies an essential place in the process of legal implementation, especially in law enforcement, because before applying the law, you need to understand its meaning and the content of the rule of law. In the process of interpretation, it is necessary to determine the historical and political conditions, the purpose and social orientation of the legal norm" [7, p. 426]. Legal interpretation has the goal of accurate and uniform understanding and application of laws.

One of the subjects of unofficial interpretation is considered to be a personalized body in the person of the Ombudsman. The endowment of this personalized body with this particular function indicates high responsibility and authority in the field of protecting the rights of citizens and improving the mechanism for their protection.

Legal doctrine rightly distinguishes types of unofficial interpretation, including: ordinary, professional and scientific.

Speaking about the interpretation of legal norms by the ombudsman, it is necessary to note a certain dualism, since the interpretation of the ombudsman's legal norms cannot be attributed to any specific type. The interpretation of the rules of law by this subject has its own specificity, which lies in the symbiosis of the professional and scientific type of interpretation of the rules of law.

The Commissioner for Human Rights as a subject of interpretation is a person with an impeccable reputation, a higher education, as well as knowledge in the field of human and civil rights and freedoms, and experience in their protection. However, if the main criterion for professional unofficial interpretation of a rule of law is the mandatory presence of legal education, which is not mandatory for the Commissioner for Human Rights, among the requirements, then it is impossible to accurately attribute this interpretation to any specific type.

It is important to note that the Commissioner for Human Rights uses elements of interpretation of the rule of law, giving both oral consultations and responses to complaints and appeals from citizens. If we talk about doctrinal interpretation, it is worth talking about the interpretation of the law by the ombudsman as a competent doctrinal informal interpretation. The Ombudsman can also interpret legal norms in the form of scientific works, comments, conclusions, public speeches, proposals for improving legislation (legislative initiative). This ability to interpret legal norms plays an important role in providing significant assistance to both government authorities and ordinary citizens whose rights have been violated.

To confirm this, it is worth giving an example from practice. According to the official website of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation supported the legislative initiative initiated by the regional ombudsman of the Chelyabinsk region.

On March 13, 2019, State Duma deputy Andrei Krasov reintroduced a draft law, according to which the actual educators of a military serviceman received the right to receive a one-time benefit and monthly monetary compensation [5]. This project was supported by 51 deputies of the lower house of the Federal Assembly of the Russian Federation.

On May 16, 2019, the draft Federal Law "On Amendments to Article 3 of the Federal Law "On Monetary Allowances for Military Personnel and Provision of Separate Payments to Them" was adopted in the first reading.

It was established that the right to receive a one-time benefit and monthly monetary compensation in the event of the death of a serviceman, a citizen called up for military training or a disabled person due to a military injury, is granted to a person recognized by the court as having actually raised or supported the serviceman for at least five years until he reached the age of majority [10].

Let us recall that back in 2013, citizen B., the grandmother of a serviceman who died while performing military duties, contacted the office of the Commissioner for Human Rights in the Chelyabinsk Region, Alexei Kovalev.

Before being called up for military service, the young man was raised by his grandmother, since his mother died and his father was deprived of parental

rights. Citizen B. became the guardian, replacing both parents of the deceased. After her death while on duty in military service, the insurance company denied her a one-time benefit paid to family members of a deceased serviceman.

The woman went to court, but the appellate ruling of the Chelyabinsk Regional Court refused to satisfy the applicant's demands for the recovery of a one-time benefit. The refusal was justified by the absence of grandmothers among such persons in the Federal Law "On monetary allowances for military personnel and the provision of separate payments to them."

After this, the grandmother decided to appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation in order to challenge the constitutionality of Part 11 of Article 3 of this law, in terms of not including grandmothers in the list of persons who have the right to receive a one-time benefit. However, the Constitutional Court of the Russian Federation refused to accept the complaint for consideration.

On the issue of the need to come up with a legislative initiative to amend this law, the Commissioner for Human Rights in the Chelyabinsk Region sent an appeal to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2017. The head of the Communist Party of the Russian Federation faction sent an appeal to the Department of Social Guarantees of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the proposal was taken into account.

The petition of the Commissioner for Human Rights in the Chelyabinsk Region in the form of a legislative initiative to include close relatives of grandparents in the list was supported by a Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation from the Chelyabinsk Region. In his opinion, the rights of close relatives, including grandparents, raising the future defender of the fatherland, while replacing parents, should not be infringed, and the legislative initiative, first of all, should be built on the principles of social responsibility to all citizens [5].

Thus, the interpretation of legal norms by the Ombudsman acts as an important criterion for the development and effectiveness of human rights protection in the state. The specificity of interpretation also lies in its dualism, based on which, this form of interpretation contains in its content both elements of professional and doctrinal competent interpretation, expressed in various areas of the ombudsman's work. In general, the very specificity of the interpretation of law by human rights ombudsmen is inherent in the legal status of this personalized body. Without exaggeration, we can say that the interpretation of legal norms by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation is an important component of the mechanism for protecting human and civil rights at the present stage of development of the Russian state and society.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru
2. Federal constitutional law of February 26, 1997 No. 1-FKZ "On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation" (as amended on January 31, 2016) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 9. Art. 1011.

3. Federal Law of March 18, 2020 No. 48-FZ “On Commissioners for Human Rights in the Subjects of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 12. Art. 1640.

4. Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: [Electronic resource // URL: <https://www.pencioner.ru> (access date: 12/1/2023).

5. The State Duma of the Russian Federation supported the legislative initiative initiated by the Commissioner for Human Rights in the Chelyabinsk Region // Official website of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: [Electronic resource] // URL: https://ombudsmanrf.org/news/v_rossii/view/v_gosudarstvennoj_dume_rf_podderzhali_zakonodatelnuju_iniciativu_inicirovannuju_upolnomochennym_po_pravam_cheloveka_v_cheljabinskoj_oblasti (date of access: 12/1/2023).

6. Drozdova A.M. Institute of the Commissioner for Human Rights: training manual. Stavropol: Publishing House of North Caucasian Federal University, 2016. P. 212.

7. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S.A. Komarov. 10th ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.

8. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 4th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house “Urayt”, 2022. 333 p.

9. Trifonov S. G. Constitutional and legal institution of the Commissioner for Human Rights: forms and principles of organizing activities // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2019. T. 5 (71). No. 4. P. 72–80.

10. Actual caregivers of a serviceman received the right to receive a one-time benefit and monthly monetary compensation // <http://council.gov.ru/events/news/118398/>

For citation: Bannikova O.M. Participation of the human rights ombudsman in the Russian Federation in the interpretation of the law: article // Legal Thought. 2023. No. 3 (131). P. 14–18.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.9

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.19

ПРАВОВАЯ ИНФИЛЬТРАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИЯ КАК ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ИДЕИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Е.С.Ч. Ковальски*

С.А. Комаров**

Аннотация. В статье авторы рассматривают процесс правовой инфильтрации принципа равноправия в содержание Всеобщей Декларации прав человека, Декларацию о правах и свободах человека и гражданина, в конституционно-правовое закрепление категории «равноправие» в системе российского и европейского законодательства в историко-правовом аспекте. На примерах ряда стран Европы проанализирован переход от концепции юридического позитивизма к идее естественно-юридического понимания прав и свобод человека.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституция Республики Польша, Декларация прав и свобод человека и гражданина, Всеобщая Декларация прав человека, Международные пакты о правах человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, европейские стандарты в области права человека, равноправие, права и обязанности.

Принцип равенства есть универсальный принцип, закрепленный в правовом статусе человека, личности, гражданина как в мире вообще, так и в ряде конституционно-правовых актов. Прежде всего, сошлемся на Всеобщую Декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, где в ст. 1 сказано, что «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и долж-

* **Ковальски Ежи Сергей Чеславович** – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой российского права Высшей школы торговли и права им. Р.Лазарского (г. Варшава, Республика Польша).

** **Комаров Сергей Александрович**, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Уфимского университета науки и технологий, президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государств и права», доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru; //http://orcid.org/0000-0002-0425-0897

ны поступать в отношении друг друга в духе братства» [1]. Более того, 2 ст. Всеобщей Декларации конкретизирует эту правовую норму, устанавливая, что «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [1].

Как стандарт, принцип равенства содержится во всех европейских конституциях. Например, в ст. 1 Конституции Французской Республики закреплено положение о том, что «Франция является неделимой, светской, социальной, демократической Республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания» [10].

Конституция Королевства Испании в ст. 14 закрепляет идею равенства: «Все испанцы равны перед законом, и не может быть какой-либо дискриминации по мотивам рождения, расы, пола, вероисповедания, взглядам или по каким-либо иным условиям личного или социального характера» [11].

Конституция Греции в ст. 4 содержит конституционную норму о том, что греки равны перед законом, причем греки и гречанки имеют равные права и обязанности [12].

Конституция Бельгии в ст. 10 определяет, что «В государстве не существует никаких сословных различий. Бельгийцы равны перед законом; только они допускаются к гражданским и военным должностям, за исключением отдельных случаев, предусмотренных законом» [13].

В Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 года принцип равенства содержится во втором разделе «Свободы, права и обязанности человека и гражданина. Общие принципы» в ст. 32: «Все равны перед законом. Все имеют право на равное отношение к ним публичных властей. Никто ни по какой причине не может подвергаться дискриминации в политической, социальной или экономической жизни» [14].

Принцип равенства нашёл также отражение в преамбуле Конституции Республики Польша, в которой устанавливаются равные права и обязанности по отношению к общему благу – Польше [14]. Закрепление принципа равенства и недискриминации в польском основном законе имеет особое специальное значение в контексте ч. 2 ст. 8, которая определяет высшую юридическую силу Конституции, ее верховенство в системе нормативных правовых актов Республики Польша, а также вводит непосредственное применение ее Конституции. «Конституция есть верховное право Республики Польша. Положения Конституции применяются непосредственно, если Конституция не устанавливает другое» (перевод – Е.К., С.К.) [14]. Иными словами, каждый гражданин как субъект права может перед судебными или административными органами отстаивать свои права, опираясь непосредственно на соответствующие конституционные правовые нормы.

Аналогичное положение закреплено в ч.1 ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Рос-

сийской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». А в ст. 18 Конституции провозглашается важнейший правовой принцип: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [8; 18].

Как видно из приведенного обзора конституционных положений государств как «старой демократии» как и «новой демократии», принцип равенства есть генеральный принцип, содержащийся во всех конституциях европейских государств. Принцип равенства перед законом в современных демократических государствах есть один из основных юридических принципов, и он лежит в основе формирования гражданского общества [19, с. 41].

У идеи равенства есть отдалённая историческая родословная – в европейском цивилизационно-культурном кругу она формируется в Древней Греции и Риме, относя её только к совокупности свободных граждан (Греция), или к совокупности римских граждан. В период средневековья принцип равенства дифференцируется в зависимости от сословной и групповой структуры общества. Идея всеобщего эгалитаризма, сформулированная лишь в современный период времени, в политической мысли французского Просвещения (Ш.-Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо) – выражаемая в состоянии политических свобод для всех (свобода мысли, совести, слова, печати и т.п.).

Идея равенства находит свое отражение в Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года, где в ст. 1 провозглашено, что «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» [9].

Эта декларация, исходя из концепции естественного права, признает за всеми людьми равные права, начиная с рождения, без установления каких-либо цензов и других ограничений. В настоящее время этот принцип закрепляется в праве, находит отражение во много различных международных документах, становясь не только одной из норм международного права, но тоже своеобразным определителем реализации демократических принципов государственной и общественной жизни.

Такое свидетельство признания необходимости интернационализации принципа равенства и недискриминации закрепляется на Нью-Йоркской пленарной сессии 1929 г. Института международного права, когда была принята Декларация международных прав человека. В этом документе рассматривались права на эмиграцию, въезд и убежище, проблемы беженцев, лиц без гражданства и изгнанников [17, с. 96].

В ней основное внимание было уделено не формальному, а фактическому закреплению принципа равенства, его эффективному, а не номинальному исполнению, где всякая дискриминация как непосредственная, так и косвенная должна быть запрещена. Хотя эта декларация была в то время лишена юридического значения, однако она всё же имела важное значение для международного общественного мнения, показывая, что проблему равенства и недискриминации невозможно было обеспечить усилиями только государственных органов [15, с. 78; 20, с. 54].

Лишь после окончания II Мировой войны произошло фактическое интернационализирование проблематики равенства и недискриминации в юридическом значении, что нашло свое отражение в Уставе ООН. В преамбуле в этом документе признается, что целью создаваемой Организации Объединённых Наций является восстановление веры «... в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций» [2].

Основополагающий принцип равенства и недискриминации отражен в ч. 3 ст. 1 Устава ООН «Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии», причем согласно ст. 56, в которой закреплено, что все Члены Организации обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией для достижения цели создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, включая обеспечение всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии [2].

Последующие конвенции ООН дополняют Всеобщую Декларацию прав человека с точки зрения оптимизации обеспечения равенства и недискриминации. Например, в Конвенции 1958 года Международной Организации Труда № 111, касающейся дискриминации в сфере труда и занятий, отмечается, что «Принимая во внимание, что в Филадельфийской Декларации провозглашается, что все люди, независимо от расы, веры или пола, имеют право на осуществление своего материального благосостояния и духовного развития в условиях свободы и достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей» в ст. 2 провозглашает идею о том, что «Каждый член Организации, в отношении которого действует настоящая Конвенция, обязуется провозгласить и проводить национальную политику, направленную посредством согласованных с национальными условиями и практикой методов на поощрение равенства возможностей и обращения в отношении труда и занятий с целью искоренения всякой дискриминации в этой области» [3].

И наконец существенное значение имеют Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4] (1966 г.) и Международный пакт о гражданских и политических правах [5].

Принципы равенства и недискриминации нашли полное отражение в упомянутых документах, был создан Комитет прав человека, который должен стоять на охране принятых принципов и давать их толкование. Гарантии для реализации принципа равенства и недискриминации содержат тоже международные договоры регионального характера. Например, в европейском изменении надо обратить внимание на Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года. Её ст. 14 определяет, что «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было

дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам» [6].

Учитывая международно-правовое регулирование, можно констатировать, что закрепленный в российской Декларации прав и свобод человека и гражданина (полностью инкорпорированной в текст Конституции Российской Федерации 1993 года) принцип равенства целиком отвечает признанным международным стандартам, в частности, в ст. I устанавливается, что «Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР», в ст. 14 «Каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, религиозной или атеистической деятельности. Каждый вправе свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выбирать, иметь и распространять религиозные либо атеистические убеждения и действовать в соответствии с ними при условии соблюдения закона» [7].

В ст. 28 Конституции РФ была закреплена иная редакция этой нормы: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [8; 18]. Эта конституционная правовая норма имеет отношение ко всему правовому статусу человека, личности, гражданина. Например, в Постановлении Конституционного трибунала Республики Польша от 03.03.87 г. № П2.87 опротестовывался нормативный акт Министерства здравоохранения и социальной опеки, установивший лимиты поступления на первый год обучения в медицинские академии. Конституционный суд постановил, что принцип равенства касается всего комплекса прав, свобод, обязанностей гражданина. Любые их ограничения, не вытекающие из стремления к углублению фактического социального равновесия, являются недопустимыми. Недопустимо разделение людей на основе критериев, которые порождают возникновение замкнутых групп граждан с различным правовым статусом [21].

Проблематика свободы совести и ее признания может тоже выступить в другом контексте – как международного стандарта прав человека. Ввиду наличия сильных религиозных традиций в Польше, учитывая историческую роль доминирующего римско-католического сознания, стоит указать на ряд обстоятельств, отраженных в Конституции Республики Польша.

Согласно ст. 53 каждому обеспечивается свобода совести и религии. Свобода религии включает в себе свободу исповедовать или принимать религию по собственному выбору, а также индивидуально или вместе с другими, публично или частным образом, выражать свою религию путем отправления культа, моления, участия в обрядах, осуществления практик и обучения. Свобода религии включает в себе также владение храмами и иными местами культа в зависимости от потребностей верующих, равно как и право лиц пользоваться религиозной помощью по месту своего нахождения.

При этом никто не может принуждаться участвовать или не участвовать в религиозных практиках, быть обязан органами публичной власти раскрывать свое мировоззрение, религиозные убеждения или вероисповедание [14].

Следует отметить еще одну традицию, в частности – родители имеют право обеспечивать детям моральное и религиозное воспитание и обучение согласно своим убеждениям. Однако такое воспитание должно учитывать степень зрелости ребенка, а также свободу его совести и вероисповедания, равно как и его убеждения.

Религия церкви или иного вероисповедного союза, юридическое положение которого урегулировано, может являться учебным предметом в школе, однако при этом не может нарушаться свобода совести и религии других лиц [14]. Право на обучение религии в школах есть польская традиция, однако никто не может принуждаться участвовать или не участвовать в религиозных практиках.

Российское конституционное право разделяет права и свободы на экономические, политические, социальные и духовные согласно сферам государственной и общественной жизни.

Важно подчеркнуть, что достоинство человека, личности, гражданина предполагает свободное развитие во всех сферах существования – физической, психической, юридической, свободных от всяких незаконных действий, от любого незаконного внешнего вмешательства

В настоящее время, к сожалению, недружественные государства, злоупотребляя большинством в Комитете министров Совета Европы (КМСЕ), продолжают линию на разрушение организации и всего гуманитарно-правового пространства в этой части света, считают в МИД России: «Ход событий становится необратимым. Россия не намерена мириться с этими подрывными действиями, осуществляемыми коллективным Западом в русле насаждения "порядка, основанного на правилах" на замену попираемого США и их сателлитами международного права».

Россия вступила в Совет Европы зимой 1996 года, с тех пор в стране действует мораторий на смертную казнь. Спустя два года была ратифицирована Европейская конвенция о защите прав и свобод человека, подтверждена приверженность принципам гуманизма и демократии. Несколько раз Россию лишали права голоса в Парламентской Ассамблее Совета Европы несмотря на то, что она является крупнейшим спонсором организации. После начала спецоперации на Украине Совет Европы приостановил членство России. По мнению сенатора Константина Косачева, выход из Совета предполагает одновременную денонсацию его устава и Конвенции по правам человека. Предлагается незамедлительно прекратить работу в Совете Европы, а также остановить любые выплаты в его пользу [16].

Библиографический список

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // <https://legalacts.ru/doc/vseobshchaja-deklaratsija-prav-cheloveka-prinjata-generalnoi-assambleei/?ysclid=lqjtkotlm278221879>

2. «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // [https://legalacts.ru/doc/ustav-organizatsii-obedinennykh-natsii-prinjat-v-g/?ysclid=lqjlzobw4a635985670](https://legalacts.ru/doc/ustav-organizatsii-obedinennykh-natsii-prinjat-v-g/)

3. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // <https://legalacts.ru/doc/konventsija-n-111-mezhdunarodnoi-organizatsii-truda-otnositelno/?ysclid=lqjmsulbel131903476>

4. «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // <https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-ob-ekonomicheskikh-sotsialnykh/?ysclid=lqjqvmer2i813101517>

5. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // <https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-o-grazhdanskikh-i/?ysclid=lqjn589zt2916025015>

6. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/?ysclid=lqjr2c2rsi540749053>

7. Постановление ВС РФ от 22.11.1991 N 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rsfsr-ot-22111991-n-1920-1/?ysclid=lqjribotvy33452974>

8. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

9. Декларация прав человека и гражданина от 26.08.1789 г. // https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/hisresources2/igpzio35

10. Конституция Французской Республики // Конституции государств Европейского Союза / Под общей редакцией Л. А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М. – НОРМА, 1997. – С. 665–682.

11. Конституция Королевства Испании // <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf?ysclid=lqjemex30234357833>

12. Конституция Греции // <https://legalns.com/download/books/cons/greece.pdf?ysclid=lqjer97q9t605693696>

13. Конституция Бельгии // <https://legalns.com/download/books/cons/belgium.pdf?ysclid=lqjgwk0pw8880180695>

14. Конституция Республики Польша // <https://anotherlife.info/konstituciya-respubliki-polsha-na-russkom-yazyke/?ysclid=lqjeiqvzk1423237992>

15. *Верушевски Г.* Принцип равенства и недискриминации / В сб.: Права человека. Юридическая модель / Под. ред. Г. Верушевски. – Варшава-Краков, 1991. С. 78.

16. В МИД не видят смысла оставаться в Совете Европы // https://ria.ru/20220310/evropa1777411640.html?utm_source=yhnews&utm_medium=desktop.

17. *Дорская А.А.* Институт международного права: опыт неофициального научного сообщества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 134. С. 88–101.

18. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. М.: Изд-во «Юрайт», 2023. 325 с.

19. Лукашевич Й. Справедливые предпосылки принципа равенства. Жешов, 2004. С. 41 др.

20. Свободы и права человека в Конституции РП /Под. ред. М. Хмай. – Варшава-Краков: Закамыче, 2006. С. 54.

21. Эволюция трактовки принципа равенства в постановлениях Конституционного трибунала // <https://www.bygeo.ru/strany/polsha/1103-evolyuciya-traktovki-principa-ravenstva-v-postanovleniyah-konstitucionnogo-tribunala.html>

Для цитирования: Ковальский Е.С.Ч., Комаров С.А. Правовая инфильтрация принципа равноправия как основы конституционно-правового содержания идеи прав человека: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 3 (131). – С. 19–26.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.19

LEGAL INFILTRATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY AS THE BASIS OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL CONTENT OF THE IDEA OF HUMAN RIGHTS

Ezhi Sergei Ch. Kowalski*

Sergey A. Komarov**

Annotation. In the article, the authors examine the process of legal infiltration of the principle of equality into the content of the Universal Declaration of Human Rights, the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen, into the constitutional and legal consolidation of the category “equality” in the system of Russian and European legislation in the historical and legal aspect. Using examples from a number of European countries, the transition from the concept of legal positivism to the idea of a natural-legal understanding of human rights and freedoms is analyzed.

Key words: Constitution of the Russian Federation, Constitution of the Republic of Poland, Declaration of Rights and Freedoms of Man and Citizen, Universal Declaration of Human Rights, International Covenants on Human Rights, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European standards in the field of human rights, equality, rights and obligations.

The principle of equality is a universal principle enshrined in the legal status of a person, an individual, a citizen, both in the world in general and in a number of constitutional legal acts. First of all, let us refer to the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948, where in Art. 1 states that “All men are born free and equal in

* **Kowalski Ezhi Sergei Cheslavovich** – Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Law at the Higher School of Trade and Law named after. R. Lazarski (Warsaw, Republic of Poland).

** **Komarov Sergey Aleksandrovich**, scientific director of the Private Educational Institution of Higher Education "Institute of Law" (St. Petersburg), professor of the Department of Theory of State and Law at the Ufa University of Science and Technology, president of the Interregional Association of Theoreticians of State and Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: matgip2017@yandex.ru; // <http://orcid.org/0000-0002-0425-0897>

dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and must act towards each other in a spirit of brotherhood" [1]. Moreover, 2 tbsp. The Universal Declaration specifies this legal norm, establishing that "Everyone is entitled to all the rights and freedoms set forth in this Declaration, without distinction of any kind, such as race, color, sex, language, religion, political or other beliefs, national or social origin, property, class or other status" [1].

As a standard, the principle of equality is contained in all European constitutions. For example, in Art. 1 of the Constitution of the French Republic enshrines the provision that "France is an indivisible, secular, social, democratic Republic. It ensures equality before the law for all citizens without distinction of origin, race or religion. It respects all religions" [10].

Constitution of the Kingdom of Spain in art. 14 enshrines the idea of equality: "All Spaniards are equal before the law, and there can be no discrimination on the grounds of birth, race, sex, religion, opinions or any other conditions of a personal or social nature" [11].

Greek Constitution in Art. 4 contains the constitutional norm that Greeks are equal before the law, and Greeks and Greek women have equal rights and obligations [12].

Belgian Constitution in Art. 10 determines that "There are no class differences in the state. Belgians are equal before the law; only they are allowed to hold civil and military positions, with the exception of certain cases provided for by law" [13].

In the Constitution of the Republic of Poland of April 2, 1997, the principle of equality is contained in the second section "Freedoms, rights and responsibilities of man and citizen. General principles" in Art. 32: "Everyone is equal before the law. Everyone has the right to be treated equally by public authorities. No one shall be subjected to discrimination for any reason in political, social or economic life" [14].

The principle of equality is also reflected in the preamble of the Constitution of the Republic of Poland, which establishes equal rights and responsibilities in relation to the common good – Poland [14]. Enshrining the principle of equality and non-discrimination in the Polish Basic Law has a special meaning in the context of Part 2 of Art. 8, which determines the supreme legal force of the Constitution, its supremacy in the system of normative legal acts of the Republic of Poland, and also introduces the direct application of its Constitution. "The Constitution is the supreme law of the Republic of Poland. The provisions of the Constitution are applied directly, unless the Constitution provides otherwise" (translation – E.K., S.K.) [14]. In other words, every citizen, as a subject of law, can defend his rights before judicial or administrative bodies, relying directly on the relevant constitutional legal norms.

A similar provision is enshrined in Part 1 of Art. 15 of the Constitution of the Russian Federation: "The Constitution of the Russian Federation has supreme legal force, direct effect and is applied throughout the entire territory of the Russian Federation. Laws and other legal acts adopted in the Russian Federation must not contradict the Constitution of the Russian Federation." And in Art. 18 of the Constitution proclaims the most important legal principle: "The rights and freedoms of man and citizen are directly applicable. They determine

the meaning, content and application of laws, the activities of the legislative and executive powers, local self-government and are ensured by justice” [8; 18].

As can be seen from the above review of the constitutional provisions of states of both the “old democracy” and the “new democracy”, the principle of equality is a general principle contained in all constitutions of European states. The principle of equality before the law in modern democratic states is one of the basic legal principles, and it underlies the formation of civil society [19, p. 41].

The idea of equality has a distant historical pedigree – in the European civilizational and cultural circle it was formed in Ancient Greece and Rome, referring it only to the totality of free citizens (Greece), or to the totality of Roman citizens. During the Middle Ages, the principle of equality was differentiated depending on the class and group structure of society. The idea of universal egalitarianism, formulated only in the modern period of time, in the political thought of the French Enlightenment (C.-L. Montesquieu, J.-J. Rousseau) – expressed in a state of political freedoms for everyone (freedom of thought, conscience, speech, press, etc.).

The idea of equality is reflected in the Declaration of the Rights of Man and the Citizen of August 26, 1789, where in Art. 1 proclaims that “Men are born and remain free and equal in rights. Social differences can only be based on common benefit” [9].

This declaration, based on the concept of natural law, recognizes equal rights for all people, starting from birth, without establishing any qualifications or other restrictions. Currently, this principle is enshrined in law and is reflected in many different international documents, becoming not only one of the norms of international law, but also a kind of determinant of the implementation of democratic principles of state and public life.

This recognition of the need to internationalize the principle of equality and non-discrimination was consolidated at the 1929 New York Plenary Session of the Institute of International Law, when the Declaration of International Human Rights was adopted. This document examined the rights to emigration, entry and asylum, the problems of refugees, stateless persons and exiles [17, p. 96].

It focused not on the formal, but on the actual consolidation of the principle of equality, its effective rather than nominal implementation, where all discrimination, both direct and indirect, should be prohibited. Although this declaration was devoid of legal significance at that time, it was still important for international public opinion, showing that the problem of equality and non-discrimination could not be achieved through the efforts of state bodies alone [15, p. 78; 20, p. 54].

Only after the end of World War II there was an actual internationalization of the issue of equality and non-discrimination in legal terms, which was reflected in the UN Charter. The preamble to this document recognizes that the purpose of the United Nations is to restore faith “... in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equality of men and women and in the equal rights of nations large and small” [2].

The fundamental principle of equality and non-discrimination is reflected in Part 3 of Art. 1 of the UN Charter “To carry out international cooperation in

resolving international problems of an economic, social, cultural and humanitarian nature and in promoting and developing respect for human rights and fundamental freedoms for all, without distinction as to race, sex, language or religion,” and according to Art. 56, which stipulates that all Members of the Organization undertake to take joint and independent actions in cooperation with the Organization to achieve the goal of creating conditions of stability and prosperity necessary for peaceful and friendly relations between nations, based on respect for the principle of equal rights and self-determination of peoples, including ensuring universal respect and observance of human rights and fundamental freedoms for all, without distinction of race, gender, language or religion [2].

Subsequent UN conventions complement the Universal Declaration of Human Rights in terms of optimizing equality and non-discrimination. For example, the International Labor Organization Convention No. 111, 1958, relating to discrimination in employment and occupation, notes that “Whereas the Declaration of Philadelphia declares that all persons, regardless of race, creed or sex, have the right to enjoy their material well-being and spiritual development in conditions of freedom and dignity, economic sustainability and equal opportunities” in Art. 2 proclaims the idea that “Each Member to which this Convention is in force undertakes to proclaim and pursue a national policy aimed, through methods consistent with national conditions and practice, at promoting equality of opportunity and treatment in respect of employment and occupation, with a view to the eradication of all discrimination in this area” [3].

Finally, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [4] (1966) and the International Covenant on Civil and Political Rights [5] are essential.

The principles of equality and non-discrimination are fully reflected in the mentioned documents; the Human Rights Committee was created, which should protect the accepted principles and provide their interpretation. International treaties of a regional nature also contain guarantees for the implementation of the principle of equality and non-discrimination. For example, in the European change, attention should be paid to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950. Its Art. 14 states that “The enjoyment of the rights and freedoms recognized in this Convention shall be ensured without discrimination of any kind on the basis of sex, race, color, language, religion, political or other opinion, national or social origin, national minorities, property status, birth or any other characteristics” [6].

Taking into account international legal regulation, it can be stated that the principle of equality enshrined in the Russian Declaration of Rights and Freedoms of Man and Citizen (fully incorporated into the Constitution of the Russian Federation of 1993) fully complies with recognized international standards, in particular in Art. I establish that “Generally recognized international norms related to human rights have precedence over the laws of the RSFSR and directly give rise to the rights and obligations of citizens of the RSFSR”, in Art. 14 “Everyone is guaranteed freedom of conscience, religion, religious or atheistic activity. Everyone has the right to freely profess any religion or not to profess any, to choose, have and disseminate religious or atheistic beliefs and act in accordance with them, subject to compliance with the law” [7].

In Art. 28 of the Constitution of the Russian Federation, a different version of this norm was enshrined: "Everyone is guaranteed freedom of conscience, freedom of religion, including the right to profess individually or together with others any religion or not to profess any, to freely choose, have and disseminate religious and other beliefs and act in accordance with them " [8; 18]. This constitutional legal norm relates to the entire legal status of a person, an individual, a citizen. For example, in the Resolution of the Constitutional Tribunal of the Republic of Poland dated 03.03.87 No. P2.87, the regulatory act of the Ministry of Health and Social Care, which established limits for admission to the first year of study at medical academies, was protested. The Constitutional Court ruled that the principle of equality concerns the entire complex of rights, freedoms, and duties of a citizen. Any restrictions that do not stem from the desire to deepen actual social balance are unacceptable. It is unacceptable to divide people based on criteria that give rise to the emergence of closed groups of citizens with different legal status [21].

The issue of freedom of conscience and its recognition can also appear in a different context – as an international standard of human rights. Due to the presence of strong religious traditions in Poland, taking into account the historical role of the dominant Roman Catholic consciousness, it is worth pointing out a number of circumstances reflected in the Constitution of the Republic of Poland.

According to Art. 53 everyone is guaranteed freedom of conscience and religion. Freedom of religion includes the freedom to profess or adopt a religion of one's own choice, and also, individually or in community with others, in public or private, to express one's religion through worship, etc. deer, participation in rituals, implementation of practices and training. Freedom of religion also includes the ownership of churches and other places of worship depending on the needs of believers, as well as the right of individuals to use religious services at their place of worship o finding.

At the same time, no one can be forced to participate or not to participate in religious practices, or be obliged by public authorities to disclose their worldview, religious beliefs or religion [14].

One more tradition should be noted, in particular – parents have the right to provide their children with moral and religious education and training in accordance with their convictions. However, such upbringing must take into account the degree of maturity of the child, as well as his freedom of conscience and religion, as well as his beliefs.

The religion of a church or other religious union, the legal status of which is regulated, can be a subject in school, however, the freedom of conscience and religion of other persons cannot be violated [14]. The right to teach religion in schools is a Polish tradition, but no one can be forced to participate or not to participate in religious practices.

Russian constitutional law divides rights and freedoms into economic, political, social and spiritual according to the spheres of state and public life. It is important to emphasize that the dignity of a person, an individual, a citizen presupposes free development in all spheres of existence – physical, mental, legal, free from any unlawful actions, from any illegal external interference

At present, unfortunately, unfriendly states, abusing their majority in the Committee of Ministers of the Council of Europe (CMCE), are continuing their policy of destroying the organization and the entire humanitarian and legal space in this part of the world, the Russian Foreign Ministry believes: “The course of events is becoming irreversible. Russia does not intend to put up with these subversive actions carried out by the collective West in line with the imposition of a “rules-based order” to replace the international law trampled upon by the United States and its satellites.”

Russia joined the Council of Europe in the winter of 1996, and since then the country has had a moratorium on the death penalty. Two years later, the European Convention for the Protection of Human Rights and Freedoms was ratified, and commitment to the principles of humanism and democracy was confirmed. Russia has been deprived of voting rights in the Parliamentary Assembly of the Council of Europe several times, despite the fact that it is the organization's largest donor. After the start of the special operation in Ukraine, the Council of Europe suspended Russia's membership. According to Senator Konstantin Kosachev, withdrawal from the Council implies the simultaneous denunciation of its charter and the Human Rights Convention. It is proposed to immediately stop working in the Council of Europe, as well as stop any payments in its favor [16].

Bibliography

1. “Universal Declaration of Human Rights” (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // <https://legalacts.ru/doc/vseobshchaja-deklaratsija-prav-cheloveka-prinjata-generalnoi-assamblei/?ysclid=lqjtkotlm278221879>
2. “Charter of the United Nations” (Adopted in San Francisco on June 26, 1945) (as amended and supplemented on December 20, 1971) // <https://legalacts.ru/doc/ustav-organizatsii-obedinennykh-natsii-prinjat-v-g/?ysclid=lqjlzo6w4a635985670>
3. Convention No. 111 of the International Labor Organization “Concerning discrimination in the field of work and occupation” (adopted in Geneva on June 25, 1958 at the 42nd session of the ILO General Conference) // <https://legalacts.ru/doc/konventsija-n-111-mezhdunarodnoi-organizatsii-truda-otnositelno/?ysclid=lqjmsulbel131903476>
4. “International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights” (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // <https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-ob-ekonomicheskikh-sotsialnykh/?ysclid=lqjqvmer2i813101517>
5. “International Covenant on Civil and Political Rights” (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // <https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-o-grazhdanskikh-i/?ysclid=lqjn589zt2916025015>
6. “Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms” (Concluded in Rome on November 4, 1950) (as amended on June 24, 2013) (together with “Protocol [N 1]” (Signed in Paris on March 20, 1952), “Protocol No. 4 on ensuring certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and the first Protocol thereto” (Signed in Strasbourg on September 16, 1963), “Protocol No. 7” (Signed in Strasbourg on November 22, 1984)) // <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/?ysclid=lqjr2c2rsi540749053>

7. Resolution of the Supreme Court of the RSFSR dated November 22, 1991 N 1920-1 "On the Declaration of Rights and Freedoms of Man and Citizen" // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rsfsr-ot-22111991-n-1920-1/?ysclid=lqjribovty33452974>

8. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

9. Declaration of the Rights of Man and Citizen of August 26, 1789 // https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/hisresources2/igpzio35

10. Constitution of the French Republic // Constitutions of the States of the European Union / Under the general editorship of L. A. Okunkov. – M.: Publishing group INFRA-M. – NORM, 1997. – P. 665–682.

11. Constitution of the Kingdom of Spain // <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf?ysclid=lqjemex30234357833>

12. Constitution of Greece // <https://legalns.com/download/books/cons/greece.pdf?ysclid=lqjer97q9t605693696>

13. Constitution of Belgium // <https://legalns.com/download/books/cons/belgium.pdf?ysclid=lqjgwk0pw8880180695>

14. Constitution of the Republic of Poland // <https://anotherlife.info/konstituciya-pespubliki-polsha-na-russkom-yazyke/?ysclid=lqjeiqvzk1423237992>

15. Veruszewski G. The principle of equality and non-discrimination / In the collection: Human Rights. Legal model / Under. ed. G. Wieruszewski. – Warsaw-Krakow, 1991. P. 78.

16. The Ministry of Foreign Affairs does not see the point of remaining in the Council of Europe // https://ria.ru/20220310/evropa1777411640.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

17. Dorskaya A.A. Institute of International Law: Experience of the Unofficial Scientific Community // News of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. 2010. No. 134. pp. 88–101.

18. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p.

19. Lukashovich J. Fair prerequisites for the principle of equality. Zheshov, 2004. P. 41 others.

20. Freedoms and human rights in the Constitution of the Republic of Poland / Under. ed. M. Khmay. Warsaw-Krakow: Zakamyche, 2006. P. 54.

21. Evolution of the interpretation of the principle of equality in the decisions of the Constitutional Tribunal // <https://www.bygeo.ru/strany/polsha/1103-evolyuciya-traktovki-principa-ravenstva-v-postanovleniyah-konstitucionnogo-tribuna-la.html>

For citation: Kowalski E.S.Ch., Komarov S.A. Legal infiltration of the principle of equality as the basis of the constitutional and legal content of the idea of human rights: article // Legal Thought. 2023. No. 3 (131). P. 26–32.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.19

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.132.1

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.33

ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

О.В. Медяник*

Аннотация. В статье рассматривается проблема социоинженерных атак, основанных на использовании когнитивных искажений в финансовом поведении пользователей. Автор проводит обзор научных статей и публикаций по теме, изучают основные когнитивные искажения, их проявления и последствия в условиях социоинженерных атак, а также выявляет психологические закономерности когнитивных искажений. Для достижения цели исследования автор использует метод анализа научной литературы. Ожидаемыми результатами являются выявление основных когнитивных искажений, которые могут быть использованы социоинженерами при манипуляции финансовым поведением пользователей, а также разработка классификации когнитивных искажений. Исследование является актуальным в свете увеличения количества социоинженерных атак и необходимости разработки мер по защите от них.

Ключевые слова: социоинженерные атаки, когнитивные искажения, финансовое поведение, кибермошенничество.

Введение. В настоящее время социоинженерные атаки становятся все более распространенными, а их жертвами часто становятся пользователи финансовых услуг. Социоинженерия представляет собой манипуляции сознанием и поведением людей с целью получения доступа к конфиденциальной информации или финансовым ресурсам. При этом социоинженеры используют различные методы воздействия на психологические особенности человека, включая когнитивные искажения. Изучение когнитивных искажений финансового поведения пользователя в условиях социоинженерных атак является актуальной темой для исследования. В настоящее время существует недостаток практических рекомендаций по защите от социоинженерных атак, основанных на понимании когнитивных искажений.

* Медяник Ольга Викторовна, доцент кафедры управления рисками и страхования экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук. E-mail: medyanikov@list.ru

Объектом исследования является когнитивные искажения финансового поведения пользователя в условиях социоинженерных атак.

Цель данного теоретического исследования – изучить когнитивные искажения финансового поведения пользователя в условиях социоинженерных атак. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: провести обзор научных статей и публикаций по теме когнитивных искажений финансового поведения; изучить основные когнитивные искажения, их проявления и последствия в условиях социоинженерных атак; выявить психологические закономерности когнитивных искажений финансового поведения.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучение психологических характеристик когнитивных искажений, которые могут привести к ошибкам в принятии решений в условиях социоинженерных атак.

2. Анализ проявлений когнитивных искажений в условиях социоинженерных атак в различных аспектах.

3. Разработка классификации когнитивных искажений в условиях кибермошенничества.

Новизна данного исследования заключается в том, что оно позволит выявить основные когнитивные искажения, которые могут быть использованы социоинженерами при манипуляции финансовым поведением пользователей. Это исследование предлагает новый подход к изучению когнитивных искажений финансового поведения пользователя в условиях социоинженерных атак.

В этом анализе будут рассмотрены поведенческие, экономические и социальные последствия когнитивных искажения финансового поведения в условиях социоинженерного вреда с различных теоретических, контекстуальных и методологических точек зрения.

Дизайн исследования предполагает анализ научных статей и публикаций по теме когнитивных искажений финансового поведения, изучение основных когнитивных искажений, их проявлений и последствий в условиях социоинженерных атак, а также выявление психологических закономерностей когнитивных искажений. Для этого будет использоваться метод анализа научной литературы.

Ожидаемые результаты исследования – выявление основных когнитивных искажений, которые могут быть использованы социоинженерами при манипуляции финансовым поведением пользователей, а также разработка классификации.

Когнитивные искажения – это систематические ошибки в мышлении, которые влияют на то, как люди воспринимают и анализируют информацию. Эти ошибки могут привести к неверным выводам и решениям, особенно в области финансов, где каждое решение может иметь серьезные последствия.

Атаки социальной инженерии – это манипулятивные действия злоумышленников, направленные на получение конфиденциальной информации или выполнение определенных действий от жертвы. Такие атаки могут осуществляться через различные каналы связи, например, по телефону, по электронной почте или через социальные сети.

Коды манипулятивного воздействия на пользователей – это определенные приемы и техники, которые используются для влияния на поведение и мышление людей с целью достижения определенных целей. Эти коды могут быть использованы в различных сферах, включая маркетинг, политику, социальную инженерию и кибербезопасность. Примерами таких кодов могут быть использование эмоциональных обращений, создание чувства срочности, убеждение в необходимости действий и т.д. В контексте кибербезопасности, злоумышленники могут использовать эти коды для проведения фишинг-атак и других видов мошенничества. Поэтому важно обучать пользователей безопасности и проводить тестирование на уязвимость для защиты от таких атак.

Когнитивные искажения в финансовом поведении человека являются результатом влияния психологических факторов на процесс принятия финансовых решений. Они могут быть вызваны различными причинами, такими как эмоциональное состояние, личностные характеристики, средовые влияния. Изучение когнитивных искажений в цифровой экономике и психологии является важным направлением исследований. Оно позволяет лучше понимать, как люди принимают финансовые решения, и как можно улучшить процесс принятия этих решений.

1. Обзор научных статей и публикаций по теме когнитивных искажений финансового поведения/

1.1. Исследования когнитивных искажений в цифровой экономике. Общественные организации по всему миру внедряют цифровые технологии с целью повышения эффективности и результативности процессов. Во многом из-за заметного расширения применения информационных систем с начала глобальной пандемии коронавируса широкое использование технологий стало скорее нормой, чем исключением [61].

Исследования показывают, что психологические предубеждения, влияющие на специалистов по финансовому планированию, могут приводить к ошибочным решениям. На индивидуальные когнитивные способности сотрудников могут влиять когнитивные предубеждения в их процессах принятия решений, что может привести к систематическим ошибкам из-за слепых зон. Это серьезная проблема в отношении принятия финансовых решений. Когнитивные способности могут быть нарушены восприятием и эмоциональным состоянием на рабочем месте лиц, принимающих решения [19].

В литературе установлено, что инвесторы и клиенты финансовых услуг также демонстрируют когнитивные искажения. Хотя и специалисты по финансовому планированию, и их клиенты подвержены влиянию когнитивных искажений, этот вопрос не был изучен эмпирически, что привело к пробелу в исследованиях.

1.2. Кибермошенничество и когнитивные искажения. Кибермошенничество относится к преступной деятельности, осуществляемой в Интернете с целью обмана отдельных лиц или организаций для получения несанкционированного доступа к их конфиденциальной информации, финансовым ресурсам или интеллектуальной собственности. Когнитивные искажения, с другой стороны, представляют собой иррациональные

модели мышления, которые могут привести к тому, что люди будут воспринимать реальность неточно или негативно [12]. Эти искажения могут повлиять на принятие решений, эмоциональное благополучие и подверженность манипуляциям, в том числе стать жертвой кибермошенничества.

Когнитивные искажения могут играть значительную роль как в совершении кибермошенничества, так и в уязвимости людей перед попаданием в мошеннические схемы. Вот как когнитивные искажения могут пересекаться с кибермошенничеством.

1. Эффект подтверждения: это искажение заставляет людей искать, интерпретировать и запоминать информацию таким образом, который подтверждает их предубеждения. Кибер-мошенники пользуются этим, создавая сообщения или контент, которые соответствуют существующим убеждениям жертвы, что повышает вероятность того, что они будут доверять мошенническим сообщениям.

2. Эффект дефицита: может привести к тому, что люди будут хвататься за возможности, которые кажутся редкими или срочными, даже если они не обоснованы. Киберпреступники часто создают ощущение безотлагательности в своих аферах, заставляя жертв действовать быстро, прежде чем они успеют подумать рационально.

3. Эффект привязки: привязка происходит, когда люди слишком полагаются на первую часть информации, которую они получают. Киберпреступники могут предоставить первоначальную заманчивую информацию, например, обещанную крупную сумму денег, чтобы закрепить представление жертвы о потенциальном вознаграждении [33].

4. Излишняя самоуверенность: переоценка своих способностей или знаний может сделать людей более уязвимыми для кибермошенничества. Кто-то, кто считает, что он слишком сообразителен, чтобы попасться на удочку, может игнорировать предупреждающие знаки или упускать из виду потенциальные риски.

5. Эмоциональное мышление: предполагает принятие решений на основе чувств, а не фактов. Кибермошенники часто вызывают сильные эмоции, такие как страх или волнение, чтобы манипулировать жертвами, заставляя их принимать импульсивные решения без надлежащего контроля.

6. Эффект доверия: люди обычно склонны доверять другим, особенно когда общение происходит в Интернете. Киберпреступники используют это, создавая убедительных персонажей или выдавая себя за доверенных лиц или организации.

7. Эффект фрейминга: то, как представлена информация, может существенно повлиять на принятие решений. Кибермошенники формируют свои сообщения, чтобы воздействовать на эмоции жертвы, делая мошенничество более законным или срочным.

8. Заблуждение необратимых затрат: жертвы кибермошенничества могут продолжать вкладывать время, деньги или усилия в мошенничество, потому что они уже выделили ресурсы, даже когда становится ясно, что их обманывают.

Борьба с кибермошенничеством включает не только улучшение технических мер безопасности, но и повышение осведомленности о когнитивных искажениях, которые делают людей уязвимыми.

1.3. Анализ социо-инженерных атак в контексте финансовых когнитивных искажений. Анализ социо-инженерных атак в контексте финансовых когнитивных искажений представляет собой исследование того, как манипуляции и манипулятивные техники используются злоумышленниками для обмана людей и внушения им неверных убеждений в отношении финансовых решений и действий. Социо-инженерные атаки обычно базируются на понимании человеческой психологии и использовании когнитивных искажений в целях управления решениями и поведением людей. В контексте финансов, такие атаки могут быть направлены на мошенничество, взлом финансовых аккаунтов, вымогательство, фишинг и другие аферы. Вот как анализ может выглядеть.

1. Идентификация целевой аудитории [46].
2. Исследование типов когнитивных искажений.
3. Сценарии социо-инженерных атак.
4. Анализ успешных атак.
5. Профилактика и образование.
6. Технические меры.

Социо-инженерные атаки в финансовой сфере могут иметь серьезные финансовые и эмоциональные последствия для жертв. Понимание когнитивных искажений и их роли в таких атаках позволяет разрабатывать эффективные стратегии предотвращения и защиты от манипуляций злоумышленников.

Многие экономисты исследовали взаимосвязь между экономическими и когнитивными науками. Например, Смит, Маршалл, Пигу, Фишер и Кейнс изучали психологические основы предпочтений и убеждений [60].

Исходя из этих соображений, можно рассматривать два научных вклада в контексте моделирования полной рациональности экономических агентов как основные теоретические предпосылки поведенческих финансов. К ним относятся работы Канемана и Тверски об эвристике и предпочтениях соответственно, а также о так называемой теории перспектив, новой альтернативной теории ожидаемой полезности, теоретической основе для изучения человеческих решений, разработанной в «40-е годы» Джона фон Неймана и Оскара Моргенберна.

Теория ожидаемой полезности предполагала наличие оптимизирующего поведения и рационального принятия решений, но она не учитывала некоторые важные переменные, участвующие в процессе принятия решений, такие как, например, оценка альтернативных вариантов выбора, связанных со сложностью задачи, и пределы когнитивных ресурсов личности [13]. Однако аксиомы, на которых основана теория, не находят эмпирического подтверждения [53].

Исходя из этого наблюдения, теория перспектив принимает индуктивно-дескриптивный подход: цель состоит в том, чтобы интегрировать теорию ожидаемой полезности и обеспечить более точное представление

поведения при принятии решений. За работами Канемана и Тверски [33] вскоре последовали работы Рихарда Талера [57, 58, 59].

Использование заранее установленных теоретических моделей, основанных на полной рациональности, должно привести менеджеров к процессу принятия решений и должно обеспечить восприятие риска «невыживания». В действительности менеджеры или отдельные лица в целом используют поведенческие модели, которые не являются полностью рациональными, подвержены эмоциональным факторам, которые могут оказывать большее или меньшее влияние на корпоративное управление и на процесс принятия решений [41].

Таким образом, набор заранее определенных моделей может быть недостаточным, а иногда и неадекватным для исследования структурированного процесса принятия решений.

Для повышения знаний о процессе принятия предпринимательских решений необходимо внедрение когнитивного подхода, позволяющего учитывать также существование эмоциональных факторов, характеризующих личность и, следовательно, менеджмент [34].

Согласно теоретической базе когнитивной науки [26], когнитивные искажения, участвующие в поведении человека, делятся на три категории: *Эвристика, Предубеждения, Эффекты кодирования.*

Эвристика – это быстрый способ думать, принимать решения и оценивать, с помощью которого люди могут решать проблемы, выносить суждения и принимать решения, сталкиваясь со сложными ситуациями или с неполной информацией. Обоснование их существования основано на утверждении, что человеческая когнитивная система основана на ограниченных ресурсах и, не будучи в состоянии решать проблемы с помощью чистых алгоритмических процессов, использует эвристику как эффективные стратегии для упрощения решений и проблем. Когда количество и регулярность информации увеличиваются, мозг пытается найти некие «короткие пути», позволяющие сократить время обработки, чтобы все равно принять решение.

Эти ярлыки определяются эвристикой (или эмпирическими правилами). Они позволяют быстро и выборочно управлять информацией, но могут привести к неправильным или исключительно упрощенным выводам.

Основные эвристические модели поведения, которые могут привести к ошибкам в процессе принятия решений: *Эвристическая репрезентативность, Эвристическая доступность, Эвристическая привязка, Эвристический эффект.*

Эвристическая репрезентативность относится к склонности экономических агентов делать прогнозы, суждения и свой выбор на основе правил, использующих сходства или стереотипы.

Эвристическая доступность представляет собой тип поведения, потенциально являющийся источником ошибок. Это выражается в тенденции некоторых людей использовать ту информацию, которая более доступна, чем другая, которая в меньшей степени. Люди склонны приписывать событию вероятность, основываясь на количестве и легкости, с которой они помнят событие, произошедшее в прошлом [51]. Поэтому они стараются

запомнить или мысленно сгенерировать случаи, способные дать им благоприятные указания.

Эта эвристика представляет собой поведение, определяемое неспособностью людей адаптироваться к изменениям.

Речь идет о склонности людей оставаться на якоре, когда им приходится сталкиваться с неопределенной ситуацией и принимать решение относительно эталонного значения, не обновляя должным образом свои оценки [51].

Это лежит в основе консервативных взглядов, часто принимаемых экономическими агентами. Эта эвристика представляет собой поведение человека, который верит в свои возможности и действует согласно своей интуиции и инстинктам.

Многие люди основывают свой выбор и решения на том, что с эмоциональной точки зрения помогает им чувствовать себя лучше. В связи с этим очень важная часть поведения людей связана с эмоциональным аспектом. Следуя эмоциям и инстинктам, иногда больше, чем логическим рассуждениям, некоторые люди могут принять решение принять решение в рискованной ситуации, но не выполнять его в другой, очевидно, более безопасной ситуации [35].

Предвзятость можно считать систематической ошибкой и представляет собой форму искажения, вызванную предубеждением против какой-либо точки зрения или идеологии. Наиболее распространенными предубеждениями, которые могут привести к ошибкам в процессе принятия решений, являются: *Излишняя самоуверенность, Чрезмерный оптимизм, Предвзятость подтверждения, Иллюзия контроля.*

Чрезмерная самоуверенность, которая кажется естественной чертой человеческого поведения, и чрезмерный оптимизм являются частью более широкого состояния ума, при котором человек в данном контексте склонен переоценивать свои способности и навыки, что может определять иррациональное поведение.

Психический процесс, заключающийся в придании наибольшего значения среди полученной информации тем, которые отражают и подтверждают личные убеждения, и, *наоборот*, в игнорировании или принижении тех, которые отрицают внутренние убеждения, называется предвзятостью подтверждения. Этот процесс может даже привести к тому, что отдельный человек или сообщество станет отрицать очевидное.

В психологии мы говорим о восприятии или впечатлении управляемости (иллюзии контроля), чтобы указать на субъективное ощущение человеком влияния на события. В этом смысле некоторые люди считают, что их личное участие может повлиять на исход события, что приводит к тому, что у них возникают ожидания успеха, часто превышающие объективные [45].

Эффекты фрейминга вытекают из теории перспектив, цель которой – объяснить, как и почему выборы систематически отличаются от тех, которые предсказываются стандартной теорией принятия решений.

Его теоретическую основу можно интерпретировать как синтетическое представление наиболее значительных аномалий, обнаруживаемых в процессах принятия решений в условиях неопределенности.

Анализ, проведенный Хаберманом и Тверски [33], выдвигает на первый план некоторые виды поведения, рассматриваемые как нарушение ожидаемой полезности, которую они определили как «эффекты фрейминга».

Основными эффектами фрейминга являются эффект *потери* и *отвращение к определенным потерям*, которые заставляют людей предпочитать более безопасные операции с низкой степенью риска, даже если с более низкой ценностью, чем у других, чья степень риска выше [55].

Когнитивные искажения представляют собой систематические ошибки в способе мышления, которые могут влиять на наше восприятие, оценку и принятие решений. Эти искажения могут оказывать значительное влияние на финансовые решения, в том числе на принятие рисков, инвестирование и потребительские выборы. Вот некоторые из психологических характеристик, связанных с когнитивными искажениями.

1. Эффект подтверждения. Люди имеют тенденцию искать и интерпретировать информацию так, чтобы она подтверждала их существующие убеждения [55].

2. Иллюзия контроля. Люди могут чувствовать, что у них больше контроля над событиями, чем это действительно имеет место.

3. Эффект уверенности. Люди могут ошибочно переоценивать свои знания, навыки и способности, что может приводить к рискованным решениям и недооценке возможных угроз.

4. Смещение утверждений. Эффект якоря заключается в том, что первоначальная информация (якорь) может сильно влиять на наши оценки и решения, даже если эта информация является несвязанной с решением.

5. Иллюзия потерь и выигрышей. Люди склонны более сильно реагировать на потери, чем на выигрыши, и часто делают рискованные решения, чтобы избежать потерь, даже если это нерационально с точки зрения выгоды.

6. Эффект статус-кво. Люди имеют тенденцию предпочитать сохранять текущее состояние вещей, даже если изменение может быть более выгодным.

7. Эффект доступности. Люди могут оценивать вероятность события на основе доступности информации об этом событии в их памяти. Это может привести к неправильной оценке рисков и возможностей [31].

8. Социальное доказательство (Social Proof): Люди склонны следовать мнению и поведению других, особенно в неопределенных ситуациях.

9. Искажение надежности (Reliability Bias): Люди могут полагаться на информацию или рекомендации от лиц, которым они доверяют, даже если эта информация не является надежной.

10. Иллюзия сглаживания (Smoothing Effect): Люди могут склонны недооценивать колебания и изменения, происходящие с течением времени, и ожидать более плавного развития событий.

Эти и многие другие когнитивные искажения могут влиять на финансовое поведение, делая нас менее рациональными и более подверженными эмоциям и интуитивным решениям. Понимание этих искажений может помочь нам осознаннее принимать финансовые решения и избегать типичных ошибок (Таблица 1).

Таблица 1.

**Классификация когнитивных искажений
финансового поведения**

№ п/п	Вид когнитивного искажения	Смысловой компонент	Авторы, разработчики когнитивного искажения
1.	гиперболическое дисконтирование (hyperbolic discounting)	Психологический эффект, при котором люди предпочитают меньшую награду в настоящем, чем большую награду в будущем.	Kahneman D. (1979, 2011) [44], Ainslie G. (1992) [2], Laibson D. (1997) [39]; Thaler R. (1999, 2008) [57, 58], Hofmann W. (2012) [32], Green L. (2013) [23],
2.	«эффект потери» (loss aversion)	Психотический эффект, при котором люди переживают сильнее финансовую потерю, чем выигрыш того же размера.	Loewenstein G (1993) [42], Кирби К.Н (1995) [38], Green L (2004) [24], Madden G. J. (2010) [44], Bickel W. K. (2012) [9]
3.	«эффект доверия» (trust effect)	Психологический эффект, когда люди больше доверяют другим людям, даже если информация не является достоверной	Simon H. (1955) [30], Tversky A. (1974) [3], Akerlof G. (2009) [25], Tannenbaum D. (2011) [17]
4.	«эффект авторитета» (authority bias)	Психологический эффект, когда люди склонны доверять мнению или рекомендации авторитетных людей без достаточной проверки информации.	Milgram, S. (1974) [47], Cialdini, R. B. (2001) [16]
5.	«эффект обещаний» (promise effect)	Психологический эффект, при котором люди становятся более склонны к выполнению задачи или покупке товара, если им было дано обещание вознаграждения за это действие.	Lepper, M. R. (1973) [40], Deci, E. L (1999) [18], Frey, B (2001) [20], Ariely, D (2009) [1]
6.	«эффект дефицита» (scarcity effect)	Психологический эффект, при котором присутствие срочности в задаче или цели усиливает мотивацию человека к их выполнению.	Worchel S. (1975) [62], Fuchs C. (2010) [21]
7.	"эффект подтверждения" (confirmation bias)	Психологический эффект, при котором ищут и интерпретируют информацию таким образом, чтобы она подтверждала уже существующие убеждения и стереотипы.	Brehm, J. W (1966) [10], Snyder, M. (1977) [56], Petty, R. E. (1986) [49], Berger J., (2012) [7]
8.	«эффект подталкивания» (nudge effect)	Психологический эффект, при котором люди принимают идеи и мнения, которые им были предложены, без достаточного анализа их правильности и обоснованности.	Taler, R. (2009) [58], Halpern, D. (2015) [28]

Гиперболическое дисконтирование. Гиперболическое дисконтирование – это психологический феномен, связанный с тем, как люди оценивают ценность награды или потери в зависимости от времени. Гиперболическое дисконтирование отличается от экспоненциального дисконтирования, используемого в экономической теории, в котором степень дисконтирования (снижения ценности) постоянна с течением времени. В случае гиперболического дисконтирования степень дисконтирования меняется в зависимости от временного горизонта, и это приводит к нерациональным решениям. Гиперболическое дисконтирование может сильно влиять на наше финансовое поведение и решения. Понимание этого феномена может помочь нам более осознанно подходить к финансовым решениям, разрабатывать стратегии укрепления самоконтроля и избегать недолгосрочных и нерациональных решений [43].

Эффект потери. Эффект потери – это психологический феномен, который описывает тенденцию людей относиться к потерям сильнее, чем к выигрышам. В рамках этого эффекта мы более сильно реагируем на возможные потери, чем на равноценные выигрыши, даже если рационально это не всегда оправдано.

Эффект потери имеет важное значение для принятия финансовых решений и может оказать сильное воздействие на инвестирование, потребительское поведение и решения о риске. Вот некоторые ключевые аспекты этого феномена.

1. Эмоциональная реакция на потери: люди испытывают более сильные негативные эмоции при потерях, чем позитивные эмоции при выигрышах. Эта эмоциональная реакция может влиять на наше решение продолжать или завершить определенную деятельность.

2. Нежелание рисковать потерями: из-за эффекта потери мы склонны избегать рисков, которые могут привести к потерям, даже если потенциальная награда значительно превышает риск. Это может приводить к консервативным финансовым решениям и упущению возможностей.

3. Избегание потерь: люди часто принимают решения, направленные на избегание потерь, даже если это означает сохранение текущего статуса-кво, которое может быть менее выгодным в долгосрочной перспективе.

4. Эффект вариантов: эффект потери может сказаться на наших предпочтениях в ситуациях выбора между разными вариантами. Мы можем склоняться к сохранению текущего варианта, чтобы избежать потенциальной потери, даже если другой вариант может быть более выгодным [14].

5. Финансовые решения: В инвестициях, например, эффект потери может приводить к тому, что инвесторы будут сильно реагировать на падение цен и потери денег, что может привести к решениям о продаже активов на низком уровне и упущению возможности восстановления.

Понимание эффекта потери важно для финансовой грамотности и принятия осознанных решений. Инвесторы и потребители могут использовать этот инсайт для более рационального и объективного оценивания рисков и наград, а также для разработки стратегий, которые учитывают психологические факторы.

Влияние эмоций и интуиции при принятии финансовых решений. Эмоции и интуиция играют значительную роль при принятии финансовых решений, их влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Вот как эти факторы могут воздействовать на наши финансовые решения:

Положительное влияние.

1. Интуитивные решения: интуиция может иногда предоставлять нам ценную информацию, основанную на нашем опыте и подсознательных знаниях. Быстрые решения, принятые на интуитивном уровне, могут быть эффективными, особенно в ситуациях, когда нет времени для тщательного анализа.

2. Эмоциональная мотивация: эмоции могут мотивировать нас действовать. Например, страх убытков может побудить к более осторожным инвестиционным решениям, а радость от успешных результатов может укрепить мотивацию к достижению финансовых целей.

3. Личная связь с инвестициями: эмоциональная привязанность к определенным активам или проектам может способствовать более тщательному анализу и участию в долгосрочных инвестициях.

Отрицательное влияние.

1. Подверженность когнитивным искажениям: Эмоции и интуиция могут усилить когнитивные искажения, такие как предвзятость, стремление к подтверждению и другие, что может привести к нерациональным решениям [22].

2. Импульсивные решения: сильные эмоции или интуитивные ощущения могут привести к принятию импульсивных решений, которые не всегда основаны на адекватном анализе и планировании.

3. Избегание риска или упущение возможностей: сильные негативные эмоции, такие как страх и неуверенность, могут привести к избеганию риска, что может привести к упущению потенциальных выгодных возможностей.

4. Чувство паники и погоня за трендами: во времена финансовых кризисов или бумов, эмоции могут заставить инвесторов принимать решения на основе паники или погони за популярными трендами, что может привести к негативным результатам.

Чтобы добиться более уравновешенных и рациональных финансовых решений, важно научиться управлять воздействием эмоций и интуиции. Это может включать в себя более тщательный анализ, установление четких целей, планирование, обучение финансовой грамотности и возможно даже консультации с профессиональными финансовыми советниками.

Влияние социальных норм и ожиданий своего окружения или искажение групповой мысли. Социальные нормы, ожидания окружения и групповая динамика могут оказывать сильное влияние на наши финансовые решения. Вот как это может проявляться:

Влияние социальных норм и ожиданий окружения.

1. Сравнение с другими: Люди часто сравнивают свои финансовые решения и положение с другими людьми в своем окружении. Если они видят, что другие действуют определенным образом, это может оказать давление на них, чтобы следовать подобным действиям, даже если это может быть неразумно.

2. Социальное давление: Ожидания и мнения окружающих могут оказать давление на нас принимать решения, которые соответствуют общепринятым нормам или желаниям группы.

3. Подражание: Люди могут подражать поведению других, особенно если видят, что это приносит успех или признание. Например, инвесторы могут повторять инвестиционные решения, которые видят у других.

Искажение групповой мысли.

1. Согласие для сохранения гармонии: в групповой динамике люди могут избегать высказывания контраргументов, чтобы сохранить гармонию и избежать конфликта. Это может привести к принятию решений без критического анализа и обсуждения.

2. Игнорирование рисков: в поиске консенсуса группа может игнорировать риски и потенциальные недостатки решения, что может привести к нерациональным и рискованным решениям.

3. Усиление уверенности: в группе люди могут усиливать уверенность друг друга в правильности принимаемых решений, что может подталкивать к более агрессивным и необдуманным действиям.

4. Ограничение информации: если группа ограничивает доступ к разнообразной информации и мнениям, это может привести к узкому взгляду на проблему и упущению важных аспектов.

Чтобы минимизировать влияние социальных норм и групповой динамики на финансовые решения, важно разрабатывать: навыки критического мышления и анализа; объективно оценивать информацию и принимать решения, основанные на фактах; проводить независимый анализ, исходя из своих финансовых целей и обстоятельств [5]; быть бдительным в отношении давления группы на принятие решений; обсуждать преимущества и недостатки решения с разнообразными источниками и мнениями.

Понимание влияния социальных факторов и осознанность при принятии решений могут помочь вам избежать нерациональных действий и принимать решения, соответствующие вашим целям и интересам.

Основные характеристики и влияние искажения групповой мысли состоят в следующем.

1. Исключение критики: в групповой динамике члены группы могут избегать выражения сомнений или критики предлагаемых идей, чтобы избежать конфликта или отвержения со стороны группы.

2. Поиск консенсуса: члены группы стараются достичь консенсуса и единства в мнениях, что может привести к поддержке популярных или доминирующих мнений даже без адекватного обсуждения альтернатив.

3. Самоцензура: люди могут сдерживать свои собственные мнения и идеи, опасаясь, что они могут быть отвергнуты или не поддержаны группой.

4. Иллюзия бессознательного единства: группа может начать считать, что у всех членов есть одинаковое мнение, даже если это не так.

5. Отсутствие критического мышления: групповая динамика может привести к уменьшению критического анализа и размышлений, так как индивиды склонны поддерживать мнение группы, не подвергая его сомнению [27].

Искажение групповой мысли может иметь негативное влияние на принятие решений, включая финансовые решения, так как оно ограничивает разнообразие точек зрения и подавляет критическое мышление.

2.5. Искажение подтверждения. Искажение подтверждения – это когнитивное искажение, которое заключается в том, что мы склонны искать, интерпретировать и помнить информацию таким образом, чтобы она подтверждала или поддерживала наши существующие убеждения, мнения или предположения. Это искажение может приводить к неполному искажению реальности и ограничению нашего видения, так как мы игнорируем или преувеличиваем информацию, которая противоречит нашим убеждениям.

2. Разработка классификации видов кибермошенничества и когнитивных искажений.

В Таблице 2 представлены различные виды кибермошенничества, которые могут распространяться через социальные сети, электронную почту и SMS-рассылки. Для каждого вида мошенничества указаны эффект социальной инженерии, код манипулятивного воздействия и когнитивные искажения, которые используются мошенниками для убеждения жертв в своей правоте.

Например, для мошенничества с использованием кредитных карт или банковских счетов указаны следующие эффекты: профайлинг и эффект авторитета. Мошенники выдают себя за представителей банков или других авторитетных организаций, чтобы убедить жертву предоставить им свои личные данные или совершить финансовую операцию.

Также в таблице указаны когнитивные искажения, которые могут использоваться мошенниками для убеждения жертв в своей правоте. Например, для мошенничества с предложением быстрого и легкого заработка без особых усилий указан эффект подтверждения, который может привести к тому, что жертва поверит обманчивым обещаниям мошенников.

Таким образом, данная таблица помогает классифицировать различные виды кибермошенничества и понять, какие манипулятивные приемы используются мошенниками для убеждения жертв в своей правоте.

Таблица 2.

Классификация видов кибермошенничества и когнитивных искажений (канал распространения: социальные сети, электронная почта, SMS-рассылки)

№ п/п	Виды кибермошенничества	Эффект социальной инженерии	Код манипулятивного воздействия	Когнитивные искажения
1	2	3	4	5
1.	Предложение быстрого и легкого заработка без особых усилий.	Мошенники используют обманчивые обещания и убеждения, чтобы убедить людей вложить деньги в непроверенные или недостоверные схемы заработка.	Фантомная фиксация	"эффект подтверждения" (confirmation bias)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
2.	Ложные обещания о высокой доходности инвестиций	Мошенники используют психологические методы, чтобы убедить жертву вложить деньги в их схему, обещая высокую доходность и минимальные риски.	Фантомная фиксация	«эффект доверия» (trust effect)
3.	Скрытые комиссии и скрытые условия при оформлении кредита или займа	Мошенники могут использовать доверие клиента к банку или финансовой организации, чтобы скрыть дополнительные расходы или условия, которые могут быть невыгодны для клиента.	Ландшафтный дизайн	«эффект доверия» (trust effect)
4.	Фальшивые лотереи и конкурсы, требующие оплаты за участие	Мошенники используют этот эффект, чтобы убедить людей платить за участие в фальшивых лотереях и конкурсах, которые на самом деле не существуют или не предоставляют обещанных выигрышей.	Ландшафтный дизайн	«эффект доверия» (trust effect)
5.	Навязывание ненужных услуг или продуктов при оформлении кредита или займа.	Мошенники могут использовать страх и угрозы, чтобы заставить людей принимать решения в их пользу, угрожая отказом в выдаче кредита или займа.	Страх	«эффект авторитета» (authority bias)
6.	Мошенничество с использованием кредитных карт или банковских счетов.	Мошенники могут выдавать себя за представителей банков, правительственных органов или других авторитетных организаций, чтобы убедить жертву предоставить им свои личные данные или совершить финансовую операцию.	Профайлинг	«эффект авторитета» (authority bias)
7.	Подделка документов для получения кредита или займа.	Мошенники могут подделывать документы, чтобы создать впечатление, что они имеют высокий социальный статус или имеют доступ к конфиденциальной информации.	Экспертность	«эффект авторитета» (authority bias)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
8.	Ложные обещания о снижении процентной ставки по кредиту или займу	Ложные обещания о снижении процентной ставки на кредит или займ могут убедить людей взять кредит или займ, которые они не могут позволить себе, что приведет к финансовым проблемам.	Ландшафтный дизайн	«эффект обещаний» (promise effect)
9.	Навязывание дополнительных услуг при оформлении страховки или кредитной карты.	Продавец предлагает клиенту дополнительные товары или услуги, которые могут быть необязательными или не совсем необходимыми.	Страх	«эффект подталкивания» (nudge effect)
10.	Ложные обещания о возможности получения кредита или займа без проверки кредитной истории.	Злоумышленник использует различные методы и техники, чтобы обмануть свою жертву и получить от нее нужную информацию или выполнить определенное действие.	Профайлинг	«эффект доверия» (trust effect)
11.	Навязывание недвижимости или инвестиционных продуктов, которые не соответствуют потребностям клиента.	Продавец создает искусственную ситуацию, при которой клиенту кажется, что он должен срочно принимать решение о покупке, не давая ему достаточно времени на обдумывание и анализ.	Дефицит	«эффект дефицита» (scarcity effect)
12.	Предложение работы с высокой зарплатой без опыта и образования, которая оказывается нелегальной или мошеннической.	Злоумышленник может распространять ложную информацию или представлять себя как надежный источник, чтобы убедить людей в своей правоте и получить доступ к их личным данным или деньгам	Экспертность	"эффект подтверждения" (confirmation bias)
13.	Мошенничество при продаже товаров через интернет, например, продажа поддельных товаров или неисправных устройств.	Мошенники могут создавать видимость надежности и доверия, например, путем использования фальшивых отзывов или подделки сертификатов качества, чтобы убедить покупателей в том, что они покупают настоящий и качественный товар.	Экспертность	"эффект подтверждения" (confirmation bias)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
14.	Мошенничество с использованием криптовалюты, например, фейковые ICO или пирамиды	Мошенники создают ложное чувство доверия и убеждают людей вложить деньги в фейковые проекты, обещая высокую доходность.	Фантомная фиксация	«эффект доверия» (trust effect)
15.	Навязывание услуг по ремонту или обслуживанию техники, которые не требуются или являются переплатой.	Мошенники выдают себя за экспертов или представителей компаний и убеждают людей в необходимости оплаты услуг, которые на самом деле не нужны.	Экспертность	«эффект авторитета» (authority bias)
16.	Ложные обещания о получении государственных пособий или льгот	Мошенники используют ложные обещания о получении государственных пособий или льгот, чтобы обмануть людей и получить от них деньги или личные данные.	Фантомная фиксация	«эффект обещаний» (promise effect)
17.	Мошенничество при продаже товаров через интернет, например, продажа поддельных товаров или неисправных устройств	Мошенники используют ложную информацию о товаре и обманывают покупателей, чтобы получить от них деньги.	Экспертность	"эффект подтверждения" (confirmation bias)
18.	Навязывание услуг по установке программного обеспечения, которые не нужны или могут быть установлены бесплатно.	Мошенники убеждают покупателя в том, что им необходимы дополнительные услуги, которые на самом деле не нужны или могут быть получены бесплатно.	Страх	«эффект дефицита» (scarcity effect)
19.	Ложные обещания о возможности заработка на онлайн-опросах или кликах на рекламу	Этот случай относится к эффекту манипуляции обещаниями, так как ложные обещания о возможности заработка создают у людей ожидание вознаграждения и стимулируют их к выполнению задания	Фантомная фиксация	«эффект обещаний» (promise effect)

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
20.	Мошенничество при продаже билетов на мероприятия, например, продажа поддельных билетов или переплата за билеты	Мошенники используют обманчивые методы, чтобы убедить людей в том, что они получают настоящие билеты или получают их по низкой цене.	Дефицит	«эффект иллюзия контроля» (Illusion of control)
21.	Навязывание услуг по продвижению сайтов или брендов, которые не являются эффективными или не нужны клиенту.	Пользователю создается ложное ощущение того, что он может контролировать ситуацию и принимать решения, когда на самом деле он попадает под влияние маркетинговых приемов и манипуляций.	Сравнение	«эффект иллюзии контроля» (Illusion of control)
22.	Навязывание услуг по оформлению документов, которые можно оформить самостоятельно или за меньшую плату.	Пользователю предлагается услуга, которая кажется ему более надежной и профессиональной, чем самостоятельное оформление документов.	Экспертность	«эффект авторитета» (authority bias)
23.	Ложные обещания о возможности снижения долгов или улучшения кредитной истории.	Злоумышленник предлагает жертве ложные обещания, чтобы получить доступ к ее финансовым ресурсам.	Авторитет	"эффект подтверждения" (confirmation bias)
24.	Навязывание услуг по оформлению виз или гражданства, которые могут быть получены только через официальные каналы	Данный случай соответствует эффекту авторитетности, когда злоумышленник выступает под видом официального представителя и убеждает жертву в необходимости использования его услуг.	Экспертность	"эффект подтверждения" (confirmation bias)
25.	Ложные обещания о возможности получения бесплатных услуг или товаров, которые требуют оплаты.	Злоумышленник использует различные методы обмана и манипуляции, чтобы получить доступ к конфиденциальной информации или денежным средствам.	Дефицит	«эффект дефицита» (scarcity effect)

Заключение. Искажения когнитивных процессов играют значительную роль в финансовых решениях пользователей. Они могут влиять на наше восприятие рисков, оценку вероятностей, принятие рискованных или консервативных стратегий, а также на способность видеть альтернативы и анализировать информацию объективно.

Понимание этих искажений, таких как гиперболическое дисконтирование, эффект потери, эффект доступности, эффект подтверждения, групповой мысли, поможет стать более осведомленными и ответственными пользователями.

Осознание склонностей к этим искажениям, а также использование стратегий для снижения их воздействия, может помочь принимать более рациональные и обдуманые решения, выстраивать более устойчивое финансовое будущее. Важно развивать навыки критического мышления, анализа и самосознания, чтобы минимизировать влияние этих искажений на наши деньги и финансовые решения.

Чтобы успешно принимать решения в сложных финансовых ситуациях, важно понимать эти искажения и разрабатывать стратегии и методы для минимизации их воздействия. От образования и повышения финансовой грамотности до развития навыков критического мышления – мы можем укрепить наши способности справляться с этими когнитивными искажениями и принимать более обоснованные и осознанные финансовые решения.

Библиографический список

1. Ariely, D., Gneezy, U., Loewenstein, G., & Mazar, N. (2009). Large stakes and big mistakes. *Review of Economic Studies*, 76(2), 451–469 // <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2009.00523.x>
2. Ainslie, G. (1992). *Pico economics: The strategic interaction of successive motivational states within the person*. Cambridge University Press.
3. Amos Tversky and Daniel Kahneman (Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131, 1974) // <https://science.sciencemag.org/content/185/4157/1124>
4. Branikas, I., Hong, H. & Xu, J. Location choice, portfolio choice. *J. Financ. Econ.* 138, 74–94 (2020).
5. Bruijn, E.-J. de & Antonides, G. Poverty and economic decision making: A review of scarcity theory. *Theory Decis.* 92, 5–37 (2022).
6. Blank, R. M. & Barr, M. S. *Insufficient Funds: Savings, Assets, Credit, and Banking Among Low-Income Households* (Russell Sage Foundation, 2009).
7. Berger, J., & Milkman, K. L. (2012). What makes online content viral? *Journal of Marketing Research*, 49(2), 192–205. Doi: 10.1509/jmr.10.0353
8. Bertrand, M., Mullainathan, S. & Shafir, E. A behavioral-economics view of poverty. *Am. Econ. Rev.* 94, 419–423 (2004).
9. Bickel, W. K., Jarmolowicz, D. P., Mueller, E. T., Gatchalian, K. M., & McClure, S. M. (2012). Are executive function and impulsivity antipodes? A conceptual reconstruction with special reference to addiction. *Psychopharmacology*, 221(3), 361–387 // <https://doi.org/10.1007/s00213-012-2689-x>
10. Brehm, J. W. (1966). *A theory of psychological reactance*. New York: Academic Press.
11. Browman, A. S., Destin, M., Kearney, M. S. & Levine, P. B. How economic inequality shapes mobility expectations and behavior in disadvantaged youth. *Nat. Hum. Behav.* 3, 214–220 (2019).
12. Calvet, L. E., Campbell, J. Y. & Sodini, P. Down or out: Assessing the welfare costs of household investment mistakes. *J. Polit. Econ.* 115, 707–747 (2007).
13. Cronqvist, H., Thaler, R. H. & Yu, F. When nudges are forever: Inertia in the Swedish Premium Pension Plan. *AEA Pap. Proc.* 108, 153–158 (2018).

14. Chavez, A. & Martinez, C. Growing up in a Developing Community: A Bio-ecologic Study of the Development of Children from Poor Peasant Families in Mexico (Instituto Nacional de la Nutrición, 1982).

15. Costa, D. F., de Melo Carvalho, F., de Melo Moreira, B. C. & do Prado, J. W. Bibliometric analysis on the association between behavioral finance and decision making with cognitive biases such as overconfidence, anchoring effect and confirmation bias. *Scientometrics* 111, 1775–1799 (2017).

16. Cialdini, R. B. (2001). *Influence: Science and Practice* (4th ed.). Boston: Allyn & Bacon.

17. David Tannenbaum, Craig R. Fox, and Noah J. Goldstein (“Loss Aversion” in Riskless Choice: A Reference-Dependent Model. *Quarterly Journal of Economics*, 126(4), 1643–1675, 2011) // <https://www.jstor.org/stable/23016504>

18. Deci, E. L., Koestner, R., & Ryan, R. M. (1999). A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation. *Psychological bulletin*, 125(6), 627–668 // <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.6.627>

19. Falk, A. et al. Global evidence on economic preferences. *Q. J. Econ.* 133, 1645–1692 (2018).

20. Frey, B. S., & Jegen, R. (2001). Motivation crowding theory. *Journal of economic surveys*, 15(5), 589–611 // <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00150>

21. Fuchs, C., Prandelli, E., & Schreier, M. (2010). The psychological effects of empowerment strategies on consumers' product demand. *Journal of Marketing*, 74(1), 65–79. Doi: 10.1509/jmkg.74.1.65

22. Ghai, S. It's time to reimagine sample diversity and retire the WEIRD dichotomy. *Nat. Hum. Behav.* 5, 971–972 (2021).

23. Green, L., & Myerson, J. (2013). How many impulsivities? A discounting perspective. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 99(1), 3–13 // <https://doi.org/10.1002/jeab.2>

24. Green, L., & Myerson, J. (2004). A discounting framework for choice with delayed and probabilistic rewards. *Psychological Bulletin*, 130(5), 769–792 // <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.5.769>

25. George Akerlof and Robert Shiller (*Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 2009) // <https://www.amazon.com/Animal-Spirits-Psychology-Drives-Economy/dp/0691142335>

26. Hadna, A. H. & Askar, M. W. The impact of conditional cash transfers on low-income individuals in Indonesia. *Adv. Southeast Asian Stud.* 15, 23–41 (2022).

27. Hagger, M. S. & Weed, M. DEBATE: Do interventions based on behavioral theory work in the real world? *Int. J. Behav. Nutr. Phys. Act.* 16, 36 (2019).

28. Halpern, D., Service, O., Thaler, R. H., & Behavioral Insights Team (Great Britain). (2015). *Inside the Nudge Unit: How small changes can make a big difference*. Illustrated edition. W. H. Allen. ISBN 0753556545, 9780753556542. Total pages: 383.

29. Haushofer, J. & Shapiro, J. The short-term impact of unconditional cash transfers to the poor: Experimental evidence from Kenya. *Q. J. Econ.* 131, 1973 (2016).

30. Herbert Simon (A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, 69(1), 99–118, 1955) // <https://www.jstor.org/stable/1884852>

31. Hilbert, L. P., Noordewier, M. K. & van Dijk, W. W. Financial scarcity increases discounting of gains and losses: Experimental evidence from a household task. *J. Econ. Psychol.* 92, 102546 (2022).

32. Hofmann, W., Schmeichel, B. J., & Baddeley, A. D. (2012). Executive functions and self-regulation. *Trends in Cognitive Sciences*, 16(3), 174–180 // <https://doi.org/10.1016/j.tics.2012.01.006>

33. Huberman, G. Familiarity breeds investment. *Rev. Financ. Stud.* 14, 659–680 (2001).
34. Jaroszewicz, A., Jachimowicz, J., Hauser, O. & Jamison, J. How effective is (more) money? Randomizing unconditional cash transfer amounts in the US. SSRN Scholarly Paper <https://doi.org/10.2139/ssrn.4154000>
35. Jetten, J. et al. Consequences of economic inequality for the social and political vitality of society: A social identity analysis. *Polit. Psychol.* 42, 241–266 (2021).
36. Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263–291 // <https://doi.org/10.2307/1914185>
37. Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux. Penguin, 496 pp.
38. Kirby K.N. and Herrnstein R.J. "Delay-discounting in humans: A preference for smaller, immediate rewards or larger, delayed rewards?" // *Psychological Science*, 1995, 6(3), 173–178 // <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1995.tb00500.x>
39. Laibson, D. (1997). Golden eggs and hyperbolic discounting. *The Quarterly Journal of Economics*, 112(2), 443–478 // <https://doi.org/10.1162/003355397555253>
40. Lepper, M. R., Greene, D., & Nisbett, R. E. (1973). Undermining children's intrinsic interest with extrinsic reward: A test of the "overjustification" hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 28(1), 129–137 // <https://doi.org/10.1037/h0035519>
41. Linos, E., Prohofskey, A., Ramesh, A., Rothstein, J. & Unrath, M. Can nudges increase take-up of the EITC? Evidence from multiple field experiments. *Am. Econ. J. Econ. Policy* <https://doi.org/10.1257/pol.20200603> (2022).
42. Loewenstein, G., & Prelec, D. (1993). Preferences for sequences of outcomes. *Psychological Review*, 100(1), 91–108 // <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.1.91>
43. Mackintosh, U. A. T., Marsh, D. R. & Schroeder, D. G. Sustained positive deviant child care practices and their effects on child growth in Viet Nam. *Food Nutr. Bull.* 23, 18–27 (2002).
44. Madden, G. J., & Johnson, P. S. (2010). A delay-discounting primer. In *Impulsivity: The Behavioral and Neurological Science of Discounting* (pp. 11–37). American Psychological Association // <https://doi.org/10.1037/12069-002>
45. Marsh, D. R., Schroeder, D. G., Dearden, K. A., Sternin, J. & Sternin, M. The power of positive deviance. *BMJ* 329, 1177–1179 (2004).
46. Massa, M. & Simonov, A. Hedging, familiarity and portfolio choice. *Rev. Financ. Stud.* 19, 633–685 (2006).
47. Milgram, S. (1974). *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row.
48. Plantinga, A., Krijnen, J. M. T., Zeelenberg, M. & Breugelmans, S. M. Evidence for opportunity cost neglect in the poor. *J. Behav. Decis. Mak.* 31, 65–73 (2018).
49. Petty, R. E., & Cacioppo, J. T. (1986). *Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change*. New York: Springer-Verlag.
50. Ruggeri, K. et al. The globalizability of temporal discounting. *Nat. Hum. Behav.* <https://doi.org/10.1038/s41562-022-01392-w> (2022).
51. Ruggeri, K. & Folke, T. Unstandard deviation: The untapped value of positive peviance for reducing inequalities. *Perspect. Psychol. Sci.* 17, 711–731 (2022).
52. Ruggeri, K. et al. Nudging New York: Adaptive models and the limits of behavioral interventions to reduce no-shows and health inequalities. *BMC Health Serv. Res.* 20, 363 (2020).
53. Reñosa, M. D. C. et al. Nudging toward vaccination: A systematic review. *BMJ Glob. Health* 6, e006237 (2021).
54. Shah, A. K., Shafir, E. & Mullainathan, S. Scarcity frames value. *Psychol. Sci.* 26, 402–412 (2015).

55. Sussman, A. B. & O'Brien, R. L. Knowing when to spend: Unintended financial consequences of earmarking to encourage savings. *J. Mark. Res.* 53, 790–803 (2016).
56. Snyder, M., Tanke, E. D., & Berscheid, E. (1977). Social perception and interpersonal behavior: On the self-fulfilling nature of social stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35(9), 656–666. Doi: 10.1037/0022-3514.35.9.656
57. Thaler, R. H. (1999). Mental accounting matters. *Journal of Behavioral Decision Making*, 12(3), 183–206 // [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199909\)12:3<183:AID-BDM318>3.0.CO;2-F](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199909)12:3<183:AID-BDM318>3.0.CO;2-F)
58. Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press.
59. Taler, R., & Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press. Doi: 10.2307/j.ctt1nq9bx9.
60. Vissing-Jorgensen, A. Towards an explanation of household portfolio choice heterogeneity: Nonfinancial income and participation cost structures. Working Paper at <https://doi.org/10.3386/w8884> (2002).
61. Williams, K. E. G., Sng, O. & Neuberg, S. L. Ecology-driven stereotypes override race stereotypes. *Proc. Natl. Acad. Sci.* 113, 310–315 (2016).
62. Worchel, S., Lee, J., & Adewole, A. (1975). Effects of supply and demand on ratings of object value. *Journal of Personality and Social Psychology*, 32(5), 906–914. Doi: 10.1037/0022-3514.32.5.906

Для цитирования: Медяник О.В. Исследования когнитивных искажений в цифровой экономике: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 3. – С. 33–53.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.33

RESEARCH ON COGNITIVE DISTORTIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Olga V. Medyanik*

Annotation. This research article addresses the problem of social engineering attacks based on the use of cognitive distortions in the financial behavior of users. The author conducts a review of scientific articles and publications on the topic, studies the main cognitive distortions, their manifestations and consequences in the conditions of social engineering attacks, as well as identifies psychological patterns of cognitive distortions. To achieve the research goal, the author uses the method of analyzing scientific literature. The expected results are the identification of the main cognitive distortions that can be used by social engineers in manipulating the financial behavior of users, as well as the development of the classification of cognitive distortions. The study is relevant in light of the increasing number of social engineering attacks and the need to develop measures to protect against them.

Keywords: social engineering attacks, cognitive distortions, financial behavior, cyber fraud.

Introduction. Currently, social engineering attacks are becoming more common, and users of financial services often become their victims. Social en-

* **Medyanik Olga Viktorovna**, Associate Professor of the Department of Risk Management and Insurance, Faculty of Economics, St. Petersburg State University, Candidate of Psychological Sciences. E-mail: medyanikov@list.ru

gineering is the manipulation of people's consciousness and behavior in order to gain access to confidential information or financial resources. At the same time, social engineers use various methods of influencing the psychological characteristics of a person, including cognitive distortions. The study of cognitive distortions in a user's financial behavior under conditions of social engineering attacks is a relevant topic for research. Currently, there is a lack of practical recommendations for protecting against social engineering attacks based on an understanding of cognitive biases.

The object of the study is cognitive distortions of the user's financial behavior under conditions of social engineering attacks.

The purpose of this theoretical study is to study the cognitive distortions of a user's financial behavior under conditions of social engineering attacks. To achieve the goal, it is necessary to solve the following tasks: review scientific articles and publications on the topic of cognitive distortions of financial behavior; study the main cognitive distortions, their manifestations and consequences in the context of social engineering attacks; identify psychological patterns of cognitive distortions in financial behavior.

To achieve this goal, the following tasks were set:

1. Study of the psychological characteristics of cognitive distortions that can lead to errors in decision making under conditions of social engineering attacks.

2. Analysis of the manifestations of cognitive distortions under conditions of social engineering attacks in various aspects.

3. Development of a classification of cognitive distortions in conditions of cyber fraud.

The novelty of this study lies in the fact that it will identify the main cognitive distortions that can be used by social engineers when manipulating the financial behavior of users. This study offers a new approach to studying cognitive distortions in user financial behavior under social engineering attacks.

This analysis will examine the behavioral, economic, and social consequences of cognitive biases in financial behavior in the context of socially engineered harm from a variety of theoretical, contextual, and methodological perspectives.

The research design involves the analysis of scientific articles and publications on the topic of cognitive distortions in financial behavior, the study of the main cognitive distortions, their manifestations and consequences in the context of social engineering attacks, as well as the identification of psychological patterns of cognitive distortions. For this purpose, the method of analyzing scientific literature will be used.

The expected results of the study are the identification of the main cognitive distortions that can be used by social engineers when manipulating the financial behavior of users, as well as the development of a classification.

Cognitive biases are systematic errors in thinking that affect how people perceive and analyze information. These errors can lead to incorrect conclusions and decisions, especially in the field of finance, where every decision can have serious consequences.

Social engineering attacks are manipulative actions by attackers aimed at obtaining confidential information or performing certain actions from the victim. Such attacks can be carried out through various communication channels, for example, by telephone, email or social networks.

Codes of manipulative influence on users are certain methods and techniques that are used to influence the behavior and thinking of people in order to achieve certain goals. These codes can be used in a variety of fields, including marketing, politics, social engineering and cybersecurity. Examples of such codes include using emotional appeals, creating a sense of urgency, persuading the need for action, etc. In a cybersecurity context, attackers can use these codes to conduct phishing attacks and other types of fraud. Therefore, it is important to provide security training and vulnerability testing to protect against such attacks.

Cognitive distortions in a person's financial behavior are the result of the influence of psychological factors on the process of making financial decisions. They can be caused by various reasons, such as emotional state, personal characteristics, environmental influences. The study of cognitive biases in the digital economy and psychology is an important area of research. It provides insight into how people make financial decisions and how the decision-making process can be improved.

1. Review of scientific articles and publications on the topic of cognitive distortions in financial behavior/

1.1. Research on cognitive biases in the digital economy. Public organizations around the world are adopting digital technologies to improve the efficiency and effectiveness of processes. Largely due to the marked increase in the use of information systems since the onset of the global coronavirus pandemic, widespread use of technology has become the norm rather than the exception [61].

Research shows that psychological biases affecting financial planners can lead to poor decisions. Employees' individual cognitive abilities can be influenced by cognitive biases in their decision-making processes, which can lead to systematic errors due to blind spots. This is a serious problem in relation to financial decision making. Cognitive abilities can be impaired by the perceptions and emotional states of decision makers in the workplace [19].

The literature has found that investors and clients of financial services also exhibit cognitive biases. Although both financial planners and their clients are susceptible to cognitive biases, this issue has not been studied empirically, resulting in a research gap.

1.2. Cyber fraud and cognitive biases. Cyber fraud refers to criminal activity carried out on the Internet to defraud individuals or organizations into gaining unauthorized access to their confidential information, financial resources or intellectual property. Cognitive distortions, on the other hand, are irrational thinking patterns that can cause people to perceive reality inaccurately or negatively [12]. These biases can affect decision making, emotional well-being, and susceptibility to manipulation, including becoming a victim of cyber fraud.

Cognitive biases can play a significant role both in the perpetration of cyber fraud and in people's vulnerability to being caught up in fraudulent schemes. Here's how cognitive biases can intersect with cyber fraud.

1. Confirmation effect: This bias causes people to search for, interpret, and remember information in a way that confirms their preconceptions. Cyber scammers take advantage of this by crafting messages or content that fit the victim's existing beliefs, making them more likely to trust the scam messages.

2. Scarcity effect: can cause people to grab opportunities that seem rare or urgent, even if they are not warranted. Cybercriminals often create a sense of urgency in their scams, forcing victims to act quickly before they have time to think rationally.

3. Anchoring effect: Anchoring occurs when people rely too heavily on the first piece of information they receive. Cybercriminals may provide initial enticing information, such as the promise of a large sum of money, to reinforce the victim's perception of a potential reward [33].

4. Overconfidence: Overestimating one's abilities or knowledge can make people more vulnerable to cyber fraud. Someone who believes they are too smart to fall for the scam may ignore warning signs or overlook potential risks.

5. Emotional thinking: involves making decisions based on feelings, not facts. Cyber scammers often evoke strong emotions, such as fear or anxiety, to manipulate victims into making impulsive decisions without proper supervision.

6. Trust Effect: People generally tend to trust others, especially when communication takes place online. Cybercriminals exploit this by creating convincing personas or impersonating trusted individuals or organizations.

7. Framing effect: the way information is presented can significantly influence decision making. Cyber scammers shape their messages to appeal to the victim's emotions, making the scam appear more legitimate or urgent.

8. Sunk Cost Fallacy: Victims of cyber fraud may continue to invest time, money, or effort into the scam because they have already committed resources, even when it becomes clear that they are being scammed.

Combating cyber fraud involves not only improving technical security measures, but also raising awareness of the cognitive biases that make people vulnerable.

1.3. Analysis of social engineering attacks in the context of financial cognitive distortions. The analysis of social engineering attacks in the context of financial cognitive biases is the study of how manipulation and manipulative techniques are used by attackers to deceive people and instill in them incorrect beliefs regarding financial decisions and actions. Social engineering attacks are usually based on understanding human psychology and using cognitive biases to control people's decisions and behavior. In the context of finance, such attacks can be aimed at fraud, hacking of financial accounts, extortion, phishing and other scams. Here's what the analysis might look like.

1. Identification of the target audience [46].
2. Study of types of cognitive distortions.
3. Scenarios of social engineering attacks.
4. Analysis of successful attacks.
5. Prevention and education.

6. Technical measures.

Social engineering attacks in the financial sector can have serious financial and emotional consequences for victims. Understanding cognitive biases and their role in such attacks allows us to develop effective strategies to prevent and protect against manipulation by attackers.

Many economists have explored the relationship between economics and cognitive sciences. For example, Smith, Marshall, Pigou, Fisher, and Keynes studied the psychological basis of preferences and beliefs [60].

Based on these considerations, two scientific contributions can be considered in the context of modeling the full rationality of economic agents as the main theoretical premises of behavioral finance. These are the works of Kahneman and Tversky, respectively, on heuristics and preferences, as well as on the so-called prospect theory, a new alternative theory of expected utility, a theoretical framework for the study of human decisions developed in the "40s" by John von Neumann and Oskar Mohrgentern.

Expected utility theory assumed the presence of optimizing behavior and rational decision making, but it did not take into account some important variables involved in the decision-making process, such as, for example, the assessment of alternative choices related to the complexity of the task and the limits of an individual's cognitive resources [13]. However, the axioms on which the theory is based do not find empirical confirmation [53].

Based on this observation, prospect theory adopts an inductive-descriptive approach: the goal is to integrate expected utility theory and provide a more accurate representation of decision-making behavior. The work of Kahneman and Tversky [33] was soon followed by the work of Richard Thaler [57, 58, 59].

The use of pre-established theoretical models based on complete rationality should guide managers into the decision-making process and should ensure the perception of the risk of "non-survival". In reality, managers or individuals in general use behavioral patterns that are not completely rational and are subject to emotional factors that may have a greater or lesser impact on corporate governance and the decision-making process [41].

Thus, a set of predefined models may be insufficient and sometimes inadequate for studying the structured decision-making process.

To increase knowledge about the process of making business decisions, it is necessary to introduce a cognitive approach that also allows one to take into account the existence of emotional factors that characterize the individual and, consequently, management [34].

According to the theoretical basis of cognitive science [26], cognitive distortions involved in human behavior are divided into three categories: Heuristics, Biases, Coding Effects.

Heuristics are a quick way of thinking, deciding, and evaluating that people use to solve problems, make judgments, and make decisions when faced with complex situations or incomplete information. The rationale for their existence is based on the assertion that the human cognitive system is based on limited resources and, not being able to solve problems through pure algorithmic processes, uses heuristics as effective strategies for simplifying solutions

and problems. When the quantity and frequency of information increases, the brain tries to find some “shortcuts” to reduce processing time in order to still make a decision.

These labels are determined by heuristics (or rules of thumb). They allow information to be manipulated quickly and selectively, but can lead to incorrect or extremely simplistic conclusions.

The main heuristic models of behavior that can lead to errors in the decision-making process: Heuristic representativeness, Heuristic availability, Heuristic binding, Heuristic effect.

Heuristic representativeness refers to the tendency of economic agents to make predictions, judgments and choices based on rules using similarities or stereotypes.

Availability heuristic is a type of behavior that is potentially a source of error. This is expressed in the tendency of some people to use information that is more accessible than other information that is less accessible. People tend to attribute probability to an event based on the quantity and ease with which they remember an event that happened in the past [51]. Therefore, they try to remember or mentally generate cases that can give them favorable instructions.

This heuristic represents behavior determined by people's inability to adapt to change.

This refers to the tendency of people to remain anchored when faced with an uncertain situation and make a decision regarding a reference value without properly updating their estimates [51].

This underlies the conservative views often adopted by economic agents. This heuristic represents the behavior of a person who believes in his capabilities and acts according to his intuition and instincts.

Many people base their choices and decisions on what makes them feel better from an emotional standpoint. In this regard, a very important part of human behavior is related to the emotional aspect. Following emotions and instincts, sometimes more than logical reasoning, some people may decide to make a decision in a risky situation, but not carry it out in another, apparently safer situation [35].

Bias can be considered a systematic error and is a form of distortion caused by prejudice against a point of view or ideology. The most common biases that can lead to errors in the decision-making process are: Overconfidence, Overoptimism, Confirmation Bias, and Illusion of Control.

Overconfidence, which seems to be a natural feature of human behavior, and excessive optimism are part of a broader state of mind in which a person in a given context tends to overestimate his abilities and skills, which can determine irrational behavior. The mental process of placing the most weight among received information on those that reflect and confirm personal beliefs, and, conversely, in ignoring or belittling those that deny internal beliefs, is called confirmation bias. This process may even lead an individual or community to deny the obvious.

In psychology, we talk about the perception or impression of controllability (illusion of control) to indicate a person's subjective sense of influence over

events. In this sense, some people believe that their personal involvement can influence the outcome of an event, which leads them to have expectations of success that often exceed objective ones [45].

Framing effects arise from prospect theory, which aims to explain how and why choices systematically differ from those predicted by standard decision theory.

Its theoretical framework can be interpreted as a synthetic representation of the most significant anomalies found in decision-making processes under conditions of uncertainty.

The analysis by Haberman and Tversky [33] highlights certain behaviors seen as violations of expected utility, which they term “framing effects”.

The main effects of framing are the *loss effect and loss aversion*, which lead people to prefer safer, low-risk transactions; even if at a lower value than others whose risk is higher [55].

Cognitive biases are systematic errors in the way we think that can influence our perception, evaluation and decision making. These distortions can have a significant impact on financial decisions, including risk taking, investing and consumer choices. These are some of the psychological characteristics associated with cognitive distortions.

1. Confirmation effect. People tend to seek and interpret information in a way that confirms their existing beliefs [55].

2. Illusion of control. People may feel that they have more control over events than is actually the case.

3. Confidence effect. People may mistakenly overestimate their knowledge, skills and abilities, which can lead to risky decisions and underestimation of possible threats.

4. Statement bias. The anchor effect is that initial information (anchor) can greatly influence our assessments and decisions, even if this information is unrelated to the decision.

5. The illusion of losses and gains. People tend to react more strongly to losses than to gains, and often make risky decisions to avoid losses, even if it is irrational from a gain perspective.

6. Status quo effect. People tend to prefer to maintain the current state of things, even if a change might be more beneficial.

7. Availability effect. People can estimate the likelihood of an event based on the availability of information about that event in their memory. This may lead to an incorrect assessment of risks and opportunities [31].

8. Social Proof: People tend to follow the opinions and behavior of others, especially in uncertain situations.

9. Reliability Bias: People may rely on information or recommendations from people they trust, even if that information is not reliable.

10. Smoothing Effect: People may tend to underestimate the fluctuations and changes that occur over time and expect smoother developments.

These and many other cognitive biases can influence financial behavior, making us less rational and more susceptible to emotions and intuitive decisions. Understanding these biases can help us make more informed financial decisions and avoid common mistakes (Table 1).

Table 1.**Classification of cognitive distortions in financial behavior**

No. p/p	Type of cognitive distortion	Semantic component	Authors, developers of cognitive distortion
1.	hyperbolic discounting	A psychological effect in which people prefer a smaller reward in the present to a larger reward in the future.	Kahneman D. (1979, 2011) [44], Ainslie G. (1992) [2], Laibson D. (1997) [39]; Thaler R. (1999, 2008) [57, 58], Hofmann W. (2012) [32], Green L. (2013) [23]
2.	loss aversion	A psychotic effect in which people experience a financial loss more strongly than a gain of the same size	Loewenstein G (1993) [42], Кирби К.Н (1995) [38], Green L (2004) [24], Madden G. J. (2010) [44], Bickel W. K. (2012) [9]
3.	trust effect	Psychological effect when people trust other people more, even if the information is incomplete	Simon H. (1955) [30], Tversky A. (1974) [3], Akerlof G. (2009) [25], Tannenbaum D. (2011) [17]
4.	«authority bias	A psychological effect where people tend to trust the opinions or recommendations of authority figures without sufficient verification of the information.	Milgram, S. (1974) [47], Cialdini, R. B. (2001) [16]
5.	promise effect	A psychological effect in which people become more willing to complete a task or purchase a product if they have been given the promise of a reward for that action.	Lepper, M. R. (1973) [40], Deci, E. L (1999) [18], Frey, B (2001) [20], Ariely, D (2009) [1]
6.	scarcity effect	A psychological effect in which the presence of urgency in a task or goal increases a person's motivation to complete it.	Worchel S. (1975) [62], Fuchs C. (2010) [21]
7.	confirmation bias	A psychological effect in which information is sought and interpreted in such a way that it confirms already existing beliefs and stereotypes.	Brehm, J. W (1966) [10], Snyder, M. (1977) [56], Petty, R. E. (1986) [49], Berger J., (2012) [7]
8.	nudge effect	A psychological effect in which people accept ideas and opinions that have been proposed to them without sufficient analysis of their correctness and validity.	Taler, R. (2009) [58], Halpern, D. (2015) [28]

Hyperbolic discounting. Hyperbolic discounting is a psychological phenomenon related to how people evaluate the value of a reward or loss over time. Hyperbolic discounting differs from exponential discounting used in economic theory, in which the rate of discounting (reduction in value) is constant over time. In the

case of hyperbolic discounting, the degree of discounting varies depending on the time horizon, and this leads to irrational decisions. Hyperbolic discounting can greatly influence our financial behavior and decisions. Understanding this phenomenon can help us be more mindful of financial decisions, develop strategies to strengthen self-control, and avoid short-term and irrational decisions [43].

Loss effect. The loss effect is a psychological phenomenon that describes the tendency of people to relate to losses more strongly than to gains. As part of this effect, we react more strongly to possible losses than to equal gains, even if this is not always rationally justified.

The loss effect is important for financial decision-making and can have a strong impact on investing, consumer behavior and risk decisions. Here are some key aspects of this phenomenon.

1. Emotional reaction to losses: people experience stronger negative emotions during losses than positive emotions during gains. This emotional reaction can influence our decision to continue or end a certain activity.

2. Loss risk aversion: Because of the loss effect, we tend to avoid risks that could lead to losses, even if the potential reward far outweighs the risk. This can lead to conservative financial decisions and missed opportunities.

3. Loss Avoidance: People often make decisions to avoid losses, even if it means maintaining the current status quo, which may be less profitable in the long run.

4. The Options Effect: The loss effect can affect our preferences in situations where we have to choose between different options. We may be inclined to maintain the current option to avoid a potential loss, even if another option may be more profitable [14].

5. Financial Decisions: In investing, for example, the loss effect can cause investors to react strongly to falling prices and losing money, which can lead to decisions to sell assets at low levels and miss recovery opportunities.

Understanding the effect of loss is important for financial literacy and making informed decisions. Investors and consumers can use this insight to more rationally and objectively evaluate risks and rewards, and to develop strategies that take psychological factors into account.

The influence of emotions and intuition in financial decision making. Emotions and intuition play a significant role in making financial decisions, and their influence can be both positive and negative. Here's how these factors can impact our financial decisions.

Positive influence.

1. Intuitive Decisions: Intuition can sometimes provide us with valuable information based on our experience and subconscious knowledge. Quick decisions made on an intuitive level can be effective, especially in situations where there is no time for careful analysis.

2. Emotional motivation: Emotions can motivate us to act. For example, fear of losses can motivate more cautious investment decisions, while joy from successful results can strengthen motivation to achieve financial goals.

3. Personal connection to investments: An emotional attachment to certain assets or projects can encourage more careful analysis and participation in long-term investments.

Bad influence.

1. Susceptibility to cognitive biases: Emotions and intuition can increase cognitive biases such as bias, confirmation seeking, and others, which can lead to irrational decisions [22].

2. Impulsive decisions: Strong emotions or gut feelings can lead to impulsive decisions that are not always based on adequate analysis and planning.

3. Risk avoidance or missed opportunities: Strong negative emotions such as fear and uncertainty can lead to risk avoidance, which can lead to missing potential profitable opportunities.

4. Feelings of panic and chasing trends: During times of financial crises or booms, emotions can cause investors to make decisions based on panic or chasing popular trends, which can lead to negative results.

To achieve more balanced and rational financial decisions, it is important to learn to manage the influence of emotions and intuition. This may include more careful analysis, setting clear goals, planning, financial literacy training, and perhaps even consulting with professional financial advisors.

The influence of social norms and expectations of one's environment or the distortion of group thought. Social norms, environmental expectations, and group dynamics can have a strong influence on our financial decisions. Here's how it can manifest itself.

The influence of social norms and environmental expectations.

1. Comparison with others: People often compare their financial decisions and situations with other people in their environment. If they see others acting in a certain way, this may put pressure on them to follow similar actions, even though it may not be reasonable.

2. Social pressure: The expectations and opinions of others can pressure us to make decisions that conform to the generally accepted norms or desires of the group.

3. Imitation: People may imitate the behavior of others, especially if they see it bringing success or recognition. For example, investors may repeat investment decisions that they see in others.

Group thought distortion.

1. Agree to maintain harmony: In group dynamics, people may avoid voicing counterarguments in order to maintain harmony and avoid conflict. This can lead to decisions being made without critical analysis and discussion.

2. Ignoring risks: In seeking consensus, a group may ignore the risks and potential shortcomings of a decision, which can lead to irrational and risky decisions.

3. Increased confidence: in a group, people can increase each other's confidence in the correctness of their decisions, which can push them to more aggressive and rash actions.

4. Limiting information: If a group limits access to a variety of information and opinions, this can lead to a narrow view of the problem and missing important aspects.

To minimize the influence of social norms and group dynamics on financial decisions, it is important to develop critical thinking and analysis skills; objectively evaluate information and make decisions based on facts; conduct

an independent analysis based on your financial goals and circumstances [5]; be alert to group pressure on decision making; discuss the advantages and disadvantages of a solution with a variety of sources and opinions.

Understanding the influence of social factors and being mindful when making decisions can help you avoid irrational actions and make decisions that align with your goals and interests.

The main characteristics and impact of the group thought distortion are as follows.

1. **Avoiding Criticism:** In group dynamics, group members may avoid expressing doubts or criticizing proposed ideas in order to avoid conflict or rejection from the group.

2. **Consensus seeking:** Group members try to achieve consensus and unity of opinion, which can lead to support for popular or dominant opinions even without adequate discussion of alternatives.

3. **Self-censorship:** People may hold back their own opinions and ideas for fear that they may be rejected or not supported by the group.

4. **Illusion of unconscious unity:** A group may begin to believe that all members have the same opinion, even when this is not the case.

5. **Lack of critical thinking:** Group dynamics can lead to a decrease in critical analysis and reflection, as individuals tend to support the group's opinion without questioning it [27].

Groupthink bias can have a negative impact on decision making, including financial decisions, because it limits the diversity of perspectives and inhibits critical thinking.

2.5. Confirmation bias. Confirmation bias is a cognitive bias in which we tend to seek, interpret, and remember information in ways that confirm or support our existing beliefs, opinions, or assumptions. This distortion can lead to an incomplete distortion of reality and a limitation of our vision as we ignore or exaggerate information that contradicts our beliefs.

2. Development of a classification of types of cyber fraud and cognitive distortions.

Table 2 presents the various types of cyber fraud that can be spread through social networks, email and SMS campaigns. For each type of fraud, the effect of social engineering, the code of manipulative influence and cognitive distortions that are used by scammers to convince victims that they are right are indicated.

For example, for fraud using credit cards or bank accounts, the following effects are indicated: profiling and authority effect. Fraudsters pose as representatives of banks or other reputable organizations in order to convince the victim to provide them with their personal information or complete a financial transaction.

The table also shows cognitive distortions that can be used by scammers to convince victims that they are right. For example, for scams that offer quick and easy money without much effort, a confirmation effect is specified, this can lead the victim to believe the deceptive promises of the scammers.

Thus, this table helps to classify various types of cyber fraud and understand what manipulative techniques are used by scammers to convince victims that they are right.

Table 2.

**Classification of types of cyber fraud and cognitive distortions
(distribution channel: social networks, email, SMS mailings)**

№ p/p	Types of cyber fraud	Social engineering effect	Manipulative influence code	Cognitive distortions
1	2	3	4	5
1.	Offering quick and easy money without much effort	Scammers use deceptive promises and persuasions to convince people to invest money in untested or misleading money-making schemes	Phantom fixation	confirmation bias
2.	False promises of high investment returns	Fraudsters use psychological methods to convince victims to invest money in their scheme, promising high returns and minimal risks	Phantom fixation	trust effect
3.	Hidden fees and hidden conditions when applying for a loan or loan	Fraudsters may use a customer's trust in a bank or financial institution to hide additional costs or terms that may be disadvantageous to the customer.	Landscape design	trust effect
4.	Fake lotteries and competitions that require payment for participation	Fraudsters use this effect to convince people to pay to enter fake lotteries and contests that don't actually exist or don't deliver the winnings promised.	Landscape design	trust effect
5.	Imposing unnecessary services or products when applying for a loan	Fraudsters can use fear and threats to force people to make decisions in their favor by threatening to refuse a loan or loan.	Fear	authority bias
6.	Fraud using credit cards or bank accounts	Fraudsters may pose as representatives of banks, government agencies, or other reputable organizations to convince victims to provide them with their personal information or complete a financial transaction	Profiling	authority bias
7.	Forging documents to obtain a loan or loan	Fraudsters may falsify documents to create the impression that they have high social status or have access to confidential information	Expertise	authority bias

Continuation of the table

1	2	3	4	5
8.	False promises to reduce the interest rate on a loan or loan	False promises of lower interest rates on loans can persuade people to take out loans they cannot afford, leading to financial problems	Landscape design	promise effect
9.	Imposing additional services when applying for insurance or a credit card	The seller offers the client additional goods or services that may be optional or not entirely necessary	Fear	nudge effect
10.	False promises about the possibility of obtaining a loan or loan without checking your credit history	The attacker uses various methods and techniques to deceive his victim and obtain the necessary information from him or perform a certain action	Profiling	trust effect
11.	Imposing real estate or investment products that do not meet the client's needs	The seller creates an artificial situation in which the client feels that he must urgently make a purchase decision, without giving him enough time to think and analyze	Shortage	scarcity effect
12.	A job offer with a high salary without experience or education, which turns out to be illegal or fraudulent	An attacker may spread false information or present themselves as a reliable source to convince people that they are right and gain access to their personal data or money	Expertise	confirmation bias
13.	Fraud in the sale of goods online, such as the sale of counterfeit goods or faulty devices	Fraudsters can create the appearance of reliability and trust, for example, by using fake reviews or forged quality certificates to convince buyers that they are buying a genuine and quality product	Expertise	confirmation bias
14.	Cryptocurrency scams, such as fake ICOs or pyramid schemes	Fraudsters create a false sense of trust and convince people to invest money in fake projects, promising high returns	Phantom fixation	trust effect

Continuation of the table

1	2	3	4	5
15.	Imposing repair or maintenance services on equipment that are not required or are an overpayment	Fraudsters pose as experts or company representatives and convince people to pay for services that are not really needed	Expertise	authority bias
16.	False promises to receive government benefits or benefits	Fraudsters use false promises of government benefits to trick people into giving them money or personal information	Phantom fixation	promise effect
17.	Fraud in the sale of goods online, such as the sale of counterfeit goods or faulty devices	Fraudsters use false product information and deceive customers in order to get money from them	Expertise	confirmation bias
18.	Imposing software installation services that are not needed or can be installed for free	Fraudsters convince the buyer that they need additional services that are actually not needed or can be obtained for free	Fear	scarcity effect
19.	False promises about earning money from online surveys or clicking on ads	This case relates to the effect of promise manipulation, since false promises about the possibility of earning money create an expectation of reward in people and stimulate them to complete the task	Phantom fixation	promise effect
20.	Fraud in the sale of event tickets, such as selling counterfeit tickets or overpaying for tickets	Scammers use deceptive methods to convince people that they will receive real tickets or receive them at a low price	Shortage	Illusion of control
21.	Imposing services to promote websites or brands that are not effective or are not needed by the client	The user is given a false feeling that he can control the situation and make decisions, when in fact he is being influenced by marketing techniques and manipulations	Comparison	Illusion of control
22.	Imposing services for preparing documents that can be completed independently or for a lower fee	The user is offered a service that seems more reliable and professional than completing documents independently	Expertise	authority bias

End of the table

1	2	3	4	5
23.	False promises about the possibility of reducing debts or improving your credit history	The attacker makes false promises to the victim in order to gain access to their financial resources	Authority	confirmation bias
24.	Imposition of visa or citizenship services that can only be obtained through official channels	This case corresponds to the effect of authority, when the attacker disguises himself as an official representative and convinces the victim of the need to use his services	Expertise	confirmation bias
25.	False promises of free services or goods that require payment	The attacker uses various methods of deception and manipulation to gain access to confidential information or funds	Shortage	scarcity effect

Conclusion. Cognitive biases play a significant role in users' financial decisions. They can influence our perception of risks, assessment of probabilities, adoption of risky or conservative strategies, as well as our ability to see alternatives and analyze information objectively.

Understanding these biases, such as hyperbolic discounting, loss effect, availability effect, confirmation effect, group think, will help you become more aware and responsible users.

Understanding the tendencies to these biases, and using strategies to reduce their impact, can help you make smarter, more thoughtful decisions and build a more sustainable financial future. It is important to develop critical thinking, analysis, and self-awareness skills to minimize the impact of these biases on our money and financial decisions.

To successfully make decisions in complex financial situations, it is important to understand these biases and develop strategies and techniques to minimize their impact. From education and financial literacy to developing critical thinking skills, we can strengthen our abilities to overcome these cognitive biases and make better, more informed financial decisions.

Bibliography

1. Ariely, D., Gneezy, U., Loewenstein, G., & Mazar, N. (2009). Large stakes and big mistakes. *Review of Economic Studies*, 76(2), 451–469 // <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2009.00523.x>

2. Ainslie, G. (1992). *Picoeconomics: The strategic interaction of successive motivational states within the person*. Cambridge University Press.

3. Amos Tversky and Daniel Kahneman (Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131, 1974) // <https://science.sciencemag.org/content/185/4157/1124>

4. Branikas, I., Hong, H. & Xu, J. Location choice, portfolio choice. *J. Financ. Econ.* 138, 74–94 (2020).

5. Bruijn, E.-J. de & Antonides, G. Poverty and economic decision making: A review of scarcity theory. *Theory Decis.* 92, 5–37 (2022).
6. Blank, R. M. & Barr, M. S. *Insufficient Funds: Savings, Assets, Credit, and Banking Among Low-Income Households* (Russell Sage Foundation, 2009).
7. Berger, J., & Milkman, K. L. (2012). What makes online content viral? *Journal of Marketing Research*, 49(2), 192–205. Doi: 10.1509/jmr.10.0353
8. Bertrand, M., Mullainathan, S. & Shafir, E. A behavioral-economics view of poverty. *Am. Econ. Rev.* 94, 419–423 (2004).
9. Bickel, W. K., Jarmolowicz, D. P., Mueller, E. T., Gatchalian, K. M., & McClure, S. M. (2012). Are executive function and impulsivity antipodes? A conceptual reconstruction with special reference to addiction. *Psychopharmacology*, 221(3), 361–387 // <https://doi.org/10.1007/s00213-012-2689-x>
10. Brehm, J. W. (1966). *A theory of psychological reactance*. New York: Academic Press.
11. Browman, A. S., Destin, M., Kearney, M. S. & Levine, P. B. How economic inequality shapes mobility expectations and behavior in disadvantaged youth. *Nat. Hum. Behav.* 3, 214–220 (2019).
12. Calvet, L. E., Campbell, J. Y. & Sodini, P. Down or out: Assessing the welfare costs of household investment mistakes. *J. Polit. Econ.* 115, 707–747 (2007).
13. Cronqvist, H., Thaler, R. H. & Yu, F. When nudges are forever: Inertia in the Swedish Premium Pension Plan. *AEA Pap. Proc.* 108, 153–158 (2018).
14. Chavez, A. & Martinez, C. *Growing up in a Developing Community: A Biologic Study of the Development of Children from Poor Peasant Families in Mexico* (Instituto Nacional de la Nutrición, 1982).
15. Costa, D. F., de Melo Carvalho, F., de Melo Moreira, B. C. & do Prado, J. W. Bibliometric analysis on the association between behavioral finance and decision making with cognitive biases such as overconfidence, anchoring effect and confirmation bias. *Scientometrics* 111, 1775–1799 (2017).
16. Cialdini, R. B. (2001). *Influence: Science and Practice* (4th ed.). Boston: Allyn & Bacon.
17. David Tannenbaum, Craig R. Fox, and Noah J. Goldstein (“Loss Aversion” in Riskless Choice: A Reference-Dependent Model. *Quarterly Journal of Economics*, 126(4), 1643–1675, 2011) // <https://www.jstor.org/stable/23016504>
18. Deci, E. L., Koestner, R., & Ryan, R. M. (1999). A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation. *Psychological bulletin*, 125(6), 627–668 // <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.6.627>
19. Falk, A. et al. Global evidence on economic preferences. *Q. J. Econ.* 133, 1645–1692 (2018).
20. Frey, B. S., & Jegen, R. (2001). Motivation crowding theory. *Journal of economic surveys*, 15(5), 589–611 // <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00150>
21. Fuchs, C., Prandelli, E., & Schreier, M. (2010). The psychological effects of empowerment strategies on consumers' product demand. *Journal of Marketing*, 74(1), 65–79. Doi: 10.1509/jmkg.74.1.65
22. Ghai, S. It's time to reimagine sample diversity and retire the WEIRD dichotomy. *Nat. Hum. Behav.* 5, 971–972 (2021).
23. Green, L., & Myerson, J. (2013). How many impulsivities? A discounting perspective. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 99(1), 3–13 // <https://doi.org/10.1002/jeab.2>
24. Green, L., & Myerson, J. (2004). A discounting framework for choice with delayed and probabilistic rewards. *Psychological Bulletin*, 130(5), 769–792 // <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.5.769>

25. George Akerlof and Robert Shiller (*Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 2009) // <https://www.amazon.com/Animal-Spirits-Psychology-Drives-Economy/dp/0691142335>
26. Hadna, A. H. & Askar, M. W. The impact of conditional cash transfers on low-income individuals in Indonesia. *Adv. Southeast Asian Stud.* 15, 23–41 (2022).
27. Hagger, M. S. & Weed, M. DEBATE: Do interventions based on behavioral theory work in the real world? *Int. J. Behav. Nutr. Phys. Act.* 16, 36 (2019).
28. Halpern, D., Service, O., Thaler, R. H., & Behavioral Insights Team (Great Britain). (2015). *Inside the Nudge Unit: How small changes can make a big difference*. Illustrated edition. W. H. Allen. ISBN 0753556545, 9780753556542. Total pages: 383.
29. Haushofer, J. & Shapiro, J. The short-term impact of unconditional cash transfers to the poor: Experimental evidence from Kenya. *Q. J. Econ.* 131, 1973 (2016).
30. Herbert Simon (*A Behavioral Model of Rational Choice*. *Quarterly Journal of Economics*, 69(1), 99–118, 1955) // <https://www.jstor.org/stable/1884852>
31. Hilbert, L. P., Noordewier, M. K. & van Dijk, W. W. Financial scarcity increases discounting of gains and losses: Experimental evidence from a household task. *J. Econ. Psychol.* 92, 102546 (2022).
32. Hofmann, W., Schmeichel, B. J., & Baddeley, A. D. (2012). Executive functions and self-regulation. *Trends in Cognitive Sciences*, 16(3), 174–180 // <https://doi.org/10.1016/j.tics.2012.01.006>
33. Huberman, G. Familiarity breeds investment. *Rev. Financ. Stud.* 14, 659–680 (2001).
34. Jaroszewicz, A., Jachimowicz, J., Hauser, O. & Jamison, J. How effective is (more) money? Randomizing unconditional cash transfer amounts in the US. SSRN Scholarly Paper <https://doi.org/10.2139/ssrn.4154000>
35. Jetten, J. et al. Consequences of economic inequality for the social and political vitality of society: A social identity analysis. *Polit. Psychol.* 42, 241–266 (2021).
36. Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263–291 // <https://doi.org/10.2307/1914185>
37. Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux. Penguin, 496 pp.
38. Kirby K.N. and Herrnstein R.J. "Delay-discounting in humans: A preference for smaller, immediate rewards or larger, delayed rewards?" // *Psychological Science*, 1995, 6(3), 173–178 // <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1995.tb00500.x>
39. Laibson, D. (1997). Golden eggs and hyperbolic discounting. *The Quarterly Journal of Economics*, 112(2), 443–478 // <https://doi.org/10.1162/003355397555253>
40. Lepper, M. R., Greene, D., & Nisbett, R. E. (1973). Undermining children's intrinsic interest with extrinsic reward: A test of the "overjustification" hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 28(1), 129–137 // <https://doi.org/10.1037/h0035519>
41. Linos, E., Prohovsky, A., Ramesh, A., Rothstein, J. & Unrath, M. Can nudges increase take-up of the EITC? Evidence from multiple field experiments. *Am. Econ. J. Econ. Policy* <https://doi.org/10.1257/pol.20200603> (2022).
42. Loewenstein, G., & Prelec, D. (1993). Preferences for sequences of outcomes. *Psychological Review*, 100(1), 91–108 // <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.1.91>
43. Mackintosh, U. A. T., Marsh, D. R. & Schroeder, D. G. Sustained positive deviant child care practices and their effects on child growth in Viet Nam. *Food Nutr. Bull.* 23, 18–27 (2002).
44. Madden, G. J., & Johnson, P. S. (2010). A delay-discounting primer. In *Impulsivity: The Behavioral and Neurological Science of Discounting* (pp. 11–37). American Psychological Association // <https://doi.org/10.1037/12069-002>

45. Marsh, D. R., Schroeder, D. G., Dearden, K. A., Sternin, J. & Sternin, M. The power of positive deviance. *BMJ* 329, 1177–1179 (2004).
46. Massa, M. & Simonov, A. Hedging, familiarity and portfolio choice. *Rev. Financ. Stud.* 19, 633–685 (2006).
47. Milgram, S. (1974). *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row.
48. Plantinga, A., Krijnen, J. M. T., Zeelenberg, M. & Breugelmans, S. M. Evidence for opportunity cost neglect in the poor. *J. Behav. Decis. Mak.* 31, 65–73 (2018).
49. Petty, R. E., & Cacioppo, J. T. (1986). *Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change*. New York: Springer-Verlag.
50. Ruggeri, K. et al. The globalizability of temporal discounting. *Nat. Hum. Behav.* <https://doi.org/10.1038/s41562-022-01392-w> (2022).
51. Ruggeri, K. & Folke, T. Unstandard deviation: The untapped value of positive peviance for reducing inequalities. *Perspect. Psychol. Sci.* 17, 711–731 (2022).
52. Ruggeri, K. et al. Nudging New York: Adaptive models and the limits of behavioral interventions to reduce no-shows and health inequalities. *BMC Health Serv. Res.* 20, 363 (2020).
53. Reñosa, M. D. C. et al. Nudging toward vaccination: A systematic review. *BMJ Glob. Health* 6, e006237 (2021).
54. Shah, A. K., Shafir, E. & Mullainathan, S. Scarcity frames value. *Psychol. Sci.* 26, 402–412 (2015).
55. Sussman, A. B. & O'Brien, R. L. Knowing when to spend: Unintended financial consequences of earmarking to encourage savings. *J. Mark. Res.* 53, 790–803 (2016).
56. Snyder, M., Tanke, E. D., & Berscheid, E. (1977). Social perception and interpersonal behavior: On the self-fulfilling nature of social stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35(9), 656–666. Doi: 10.1037/0022-3514.35.9.656
57. Thaler, R. H. (1999). Mental accounting matters. *Journal of Behavioral Decision Making*, 12(3), 183–206 // [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199909\)12:3<183:AID-BDM318>3.0.CO;2-F](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199909)12:3<183:AID-BDM318>3.0.CO;2-F)
58. Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press.
59. Taler, R., & Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press. Doi: 10.2307/j.ctt1nq9bx9.
60. Vissing-Jorgensen, A. Towards an explanation of household portfolio choice heterogeneity: Nonfinancial income and participation cost structures. Working Paper at <https://doi.org/10.3386/w8884> (2002).
61. Williams, K. E. G., Sng, O. & Neuberg, S. L. Ecology-driven stereotypes override race stereotypes. *Proc. Natl. Acad. Sci.* 113, 310–315 (2016).
62. Worchel, S., Lee, J., & Adewole, A. (1975). Effects of supply and demand on ratings of object value. *Journal of Personality and Social Psychology*, 32(5), 906–914. Doi: 10.1037/0022-3514.32.5.906

For citation: Medyanik O.V. Research on cognitive distortions in the digital economy: article // *Legal Thought*. 2023. No. 3. P. 53–70.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.33

Научная статья

УДК 347.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.71

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В Г. МОСКВЕ

А.С. Зудов*

Аннотация. В статье рассматриваются инновации в жилищно-коммунальном хозяйстве г. Москвы, где в настоящее время происходят важные инновационные внедрения, которые, в свою очередь, успешно помогают эффективной работе коммунальных служб, улучшая именно качество и сроки их работы, поскольку, прежде всего, они оказывают значительное влияние на функционирование и существование в городе.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство; управление; инновации; источники финансирования; методы инновационного развития.

Ж

илищно-коммунальное хозяйство является очень значимой и весомой составляющей экономики любого государства, поэтому его активное и инновационное развитие жизненно необходимо как для государства, так и для его граждан.

Инновационная составляющая в сфере жилищно-коммунального хозяйства представляет собой внедрение и активное использование различного рода интеллектуальных вещей, которыми являются различные товары и услуги.

Проанализировав опыт ряда зарубежных стран, а также исходя из опыта нашего государства, для внедрения инновационной составляющей в жилищно-коммунальное хозяйство необходимы следующие условия: *во-первых*, осуществление идей и внедрение новых технологий для эффективного оказания жилищно-коммунальных услуг; *во-вторых*, осуществление необходимых и технологически важных испытаний всех инновационных вещей, касающихся внедрения в жилищно-коммунальные услуги.

В настоящее время в жилищно-коммунальном хозяйстве г. Москвы происходят следующие инновационные внедрения:

- активное использование стратегий информационных технологий;
- активное внедрение нового софтового и коммуникационного оборудования и программ;

* **Зудов Александр Сергеевич** – магистрант Института государственного управления и права Государственного университета управления. E-mail: alexander_zudov@outlook.com

Научный руководитель **Зотов Владимир Борисович** – профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, д.э.н., к.т.н., профессор. E-mail: vb_zotov@guu.ru

- создание проектов, относящихся к градостроительству и благоустройству;
- создание и улучшение всех необходимых условий для гармоничного проживания в мегаполисе;
- внедрение инновационной техники для жилищно-коммунального хозяйства;
- активное внедрение инноваций в развитие инженерных сетей, средств связи;
- получение инновационных энергетических источников;
- инновации, относящиеся к водопроводной и канализационной системе жизнеобеспечения города;
- активное внедрение новых инновационных сортировок и переработок различного вида отходов.

Условно все инновационные внедрения можно разделить на следующие составляющие: научные и исследовательские работы, создание передовых опытных образцов и их активное тестирование, адаптация данного инновационного продукта, создание всей необходимой сопроводительной документации для данного инновационного продукта, производство данного инновационного продукта, применяемого в жилищно-коммунальной сфере, активная эксплуатация данного инновационного продукта и его последующая утилизация.

Приведем несколько примеров внедрения и работы инновационных разработок.

Мосводоканал активно внедрил и использует такие инновационные составляющие, как роботы, которые умеют выполнять различные действия, например, очень важное действие для данной коммунальной службы – проникновение во все виды труб, таким образом осуществляя ремонт всего водопровода, можно получить актуальную информацию о всеобщем состоянии водоснабжения г. Москвы.

В свою очередь Мосводосток также активно внедрил и использует такую инновационную составляющую, как робототехнический комплекс Р-200, который мониторит все водосточные коллекторы, а также все сложные для доступа коммунального рабочего места с целью раннего обнаружения каких-либо проблем.

Несколько лет назад у Мосгаза появился новый инновационный инженерный центр, который позволяет своевременно владеть и реагировать на любую ситуацию, возникающую в газовой инфраструктуре.

Инновационная система оперативного реагирования можно со стопроцентной точностью обнаружить место и путем нажатия одной кнопки дистанционно закрыть все запорные устройства и оборудование.

В настоящее время благодаря данной инновационной составляющей онлайн можно следить за состоянием газорегулирующего оборудования и получать полными сведения обо всем, что происходит в газовых сетях.

Важно отметить, что софтовые программы для осуществления и функционирования данного вида инноваций относятся к инновационной составляющей, которая принадлежит непосредственно Мосгазу.

Делая вывод из вышеизложенного, можно с уверенностью отметить, что ведущим направлением для активного развития экономики г. Москвы является именно жилищно-коммунальная отрасль.

В настоящее время можно выделить следующие составляющие жилищно-коммунальной отрасли, которым уделяется пристальное внимание, а именно: внедрение инновационных технологий с целью обеспечения гармоничного существования жителей мегаполиса, модернизация жилья, современность и легкость использования жилищно-коммунальных услуг.

Основная цель деятельности ГБУ «Жилищник» районов г. Москвы заключается в реализации мероприятий по осуществлению на территории районов г. Москвы задач надежного, безопасного и качественного предоставления жилищных, коммунальных и прочих услуг, а также благоустройства территорий и содержания объектов коммунальной и инженерной инфраструктуры [1, с. 50].

Например, на территории района Выхино-Жулебино находится 433 многоквартирных дома, управление которыми осуществляется ГБУ «Жилищник Выхино района «Выхино-Жулебино», частными управляющими компаниями, а так же ТСЖ/ЖСК. 10 общежитий находятся в управлении федеральных бюджетных учреждений.

288 дворовых территорий, обслуживание дворовых территорий осуществляется силами подведомственной организации ГБУ «Жилищник Выхино района «Выхино-Жулебино» без привлечения подрядных организаций.

В 2022 году, согласно распоряжению Префектуры ЮВАО № Р-105/22 от 19 апреля 2022 г., 68 единиц автомобильной техники были переданы в ГБУ «Автомобильные дороги ЮВАО».

Управой района в постоянном режиме осуществляется контроль территории, проводятся пешие обходы и автомобильные объезды для постоянного мониторинга содержания всей территории района и находящихся на ней объектов с целью согласования с регламентами Департамента жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства г. Москвы [2, с. 167].

Важно отметить, что вся осуществляемая деятельность происходит в целях внедрения и в дальнейшем активного использования инновационных технологий и предоставления гармоничных условий проживания всех групп граждан.

Например, в прошлом году в районе Выхино-Жулебино было осуществлено масштабное благоустройство практически всех дворовых территорий, а также капитальный ремонт многоквартирных домов.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в г. Москве происходит активное внедрение и использование инновационных составляющих в жилищно-коммунальной сфере, которые, в свою очередь, помогают не только жителям мегаполиса, но и коммунальным служащим при выполнении их обязанностей.

Библиографический список

1. Демин А.В., Пономарева Д.А. ГБУ «Жилищник» районов – предприятие нового типа по управлению жилищным фондом и объектами жилищно-комму-

нального хозяйства и благоустройства города Москвы // Научный вестник МГИИТ. – 2018. – № 6 (32). – С. 50–54.

2. Ларионова Ю.В. Проблемы функционирования жилищно-коммунального комплекса Московского региона // Журнал правовых и экономических исследований (Journal of Legal and Economic Studies). – 2018. – № 4. – С. 166–169.

Для цитирования: Зудов А.С. Инновационное развитие жилищно-коммунального хозяйства в г. Москве: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 3 (131). – С. 71–74.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.71

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN MOSCOW

Alexander S. Zudov*

Annotation. The article discusses innovations in the housing and communal services of Moscow, where important innovative implementations are currently taking place, which, in turn, successfully help the efficient operation of public utilities, improving the quality and timing of their work, since, first of all, they have a significant impact for functioning and existence in the city.

Key words: housing and communal services; control; innovation; sources of financing; methods of innovative development.

Housing and communal services are a very significant and significant component of the economy of any state; therefore, its active and innovative development is vital for both the state and its citizens.

The innovative component in the field of housing and communal services is the introduction and active use of various kinds of intellectual things, which are various goods and services.

Having analyzed the experience of a number of foreign countries, as well as based on the experience of our state, the following conditions are necessary for the introduction of an innovative component in the housing and communal services sector: firstly, the implementation of ideas and the introduction of new technologies for the effective provision of housing and communal services; secondly, the implementation of necessary and technologically important tests of all innovative things related to implementation in housing and communal services.

Currently, the following innovative implementations are taking place in the housing and communal services of Moscow:

- active use of information technology strategies;
- active introduction of new software and communications equipment and programs;
- creation of projects related to urban planning and improvement;

* **Zudov Alexander Sergeevich** – master’s student at the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management. E-mail: alexander_zudov@outlook.com

Scientific supervisor **Vladimir Borisovich Zotov** – Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Doctor of Economics, Ph.D., Professor. E-mail: vb_zotov@guu.ru

- creation and improvement of all necessary conditions for harmonious living in the metropolis;
- introduction of innovative technology for housing and communal services;
- active introduction of innovations in the development of engineering networks and communications;
- obtaining innovative energy sources;
- innovations related to the city's water supply and sewerage systems;
- active implementation of new innovative sorting and processing of various types of waste.

Conventionally, all innovative implementations can be divided into the following components: scientific and research work, the creation of advanced prototypes and their active testing, adaptation of this innovative product, creation of all necessary accompanying documentation for this innovative product, production of this innovative product used in the housing and communal services sector, active use of this innovative product and its subsequent disposal.

Let us give several examples of the implementation and operation of innovative developments.

Mosvodokanal has actively introduced and uses such innovative components as robots that can perform various actions, for example, a very important action for this utility service – penetration into all types of pipes, thus carrying out repairs of the entire water supply system, you can obtain up-to-date information about the general state of the water supply in the city Moscow.

In turn, Mosvodostok has also actively introduced and uses such an innovative component as the R-200 robotic complex, which monitors all drainage collectors, as well as all difficult-to-access communal workplaces in order to early detect any problems.

A few years ago, Mosgaz acquired a new innovative engineering center that allows it to promptly manage and respond to any situation that arises in the gas infrastructure.

An innovative rapid response system can detect a location with 100% accuracy and, by pressing one button, remotely close all locking devices and equipment.

Currently, thanks to this innovative component, you can monitor the condition of gas control equipment online and receive complete information about everything that happens in gas networks.

It is important to note that software programs for the implementation and operation of this type of innovation belong to the innovative component, which belongs directly to Mosgaz.

Drawing a conclusion from the above, we can confidently note that the leading direction for the active development of the Moscow economy is the housing and communal services industry.

Currently, the following components of the housing and communal services industry can be distinguished, which are given close attention, namely: the introduction of innovative technologies in order to ensure the harmonious existence of residents of the metropolis, modernization of housing, modernity and ease of use of housing and communal services.

The main goal of the activities of the State Budgetary Institution “Zhilishchnik” of the Moscow districts is to implement measures to implement

the tasks of reliable, safe and high-quality provision of housing, utilities and other services on the territory of Moscow districts, as well as landscaping and maintenance of municipal and engineering infrastructure [1, p. 50].

For example, in the Vykhino-Zhulebino district there are 433 apartment buildings, which are managed by the State Budgetary Institution “Zhilishchnik Vykhino District “Vykhino-Zhulebino”, private management companies, as well as HOAs/housing cooperatives. 10 dormitories are managed by federal budgetary institutions.

288 courtyard areas, maintenance of courtyard areas are carried out by the subordinate organization of the State Budgetary Institution “Zhilishchnik Vykhino District” Vykhino-Zhulebino” without the involvement of contractors.

In 2022, according to the order of the Prefecture of the South-East Administrative District No. R-105/22 dated April 19, 2022, 68 units of automobile equipment were transferred to the State Budgetary Institution “Highways of the South-Eastern Administrative District”.

The district administration constantly monitors the territory, conducts walking and vehicular detours to constantly monitor the maintenance of the entire territory of the district and the objects located on it in order to harmonize with the regulations of the Department of Housing, Communal Services and Improvement of the City of Moscow [2, p. 167].

It is important to note that all activities carried out are carried out with the aim of introducing and further active use of innovative technologies and providing harmonious living conditions for all groups of citizens.

For example, last year in the Vykhino-Zhulebino area a large-scale improvement of almost all courtyard areas was carried out, as well as a major overhaul of apartment buildings.

Thus, based on all of the above, we can conclude that in Moscow there is an active introduction and use of innovative components in the housing and communal services sector, which, in turn, help not only residents of the metropolis, but also municipal employees in carrying out their responsibilities.

Bibliography

1. Demin A.V., Ponomareva D.A. State Budgetary Institution “Zhilishchnik” of the districts is a new type of enterprise for managing the housing stock and objects of housing and communal services and improvement of the city of Moscow // Scientific Bulletin of MGIIIT. 2018. No. 6 (32). Pp. 50–54.

2. Larionova Yu.V. Problems of functioning of the housing and communal services complex of the Moscow region // Journal of Legal and Economic Studies. 2018. No. 4. P.166–169.

For citation: Zudov A.S. Innovative development of housing and communal services in Moscow: article // Legal Thought. 2023. No. 3 (131). P. 74–76.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.71

Научная статья

УДК 347.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.77

ИНВЕСТИЦИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЫ

А.С. Зудов*

Аннотация. В статье рассматриваются инвестиции как средство обеспечения инновационного развития жилищно-коммунальной сферы. В процессе реформирования жилищно-коммунальное хозяйство Российской Федерации претерпело существенные изменения. Они коснулись всех сфер его деятельности – от применяемых технологий предоставления коммунальных услуг до форм государственного контроля деятельности организаций.

Кардинальным образом изменились экономические отношения субъектов рынка коммунальных услуг. С растущей конкуренцией на рынке, начали успешно развиваться организации, которые используют методы и инструменты управления, направленные на повышение инновационно – инвестиционной привлекательности жилищно-коммунальной сферы.

Применение новых организационно-экономических механизмов в отрасли направлены, в общем, на достижение экономических результатов, то есть увеличение прибыли организаций, повышение платежеспособности потребителей коммунальных услуг, наращивание мощностей коммунальной инфраструктуры для обеспечения потребностей экономики и т.д.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство; управление; инвестиции; инновации; источники финансирования; методы инновационного развития.

Жилищно-коммунальное хозяйство является особо важной социальной составляющей, поскольку оно обслуживает полностью все население страны и составляет более 20 процентов экономики государства.

Инновационная система управления жилищно-коммунальным хозяйством включает в себя обязанности и, соответственно, ответственность, которые разделены между собственниками жилья, управляющими и ремонтно-эксплуатационными организациями, которые, в свою очередь, являются поставщиками жилищно-коммунальных услуг [7, 9].

Важно подчеркнуть, что в настоящее время решены такие важнейшие задачи, как: расселение из аварийного жилья, в регионах успешно работают схемы капитального ремонта в многоквартирных домах, а также принят ряд законодательных актов, касающихся жилья для некоммерче-

* **Зудов Александр Сергеевич** – магистрант Института государственного управления и права Государственного университета управления. E-mail: alexander_zudov@outlook.com

Научный руководитель **Зотов Владимир Борисович** – профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, д.э.н., к.т.н., профессор. E-mail: vb_zotov@guu.ru

ского использования с целью предоставления его гражданам при заключении договора некоммерческого найма.

В настоящий момент, к сожалению, в жилищно-коммунальной отрасли наблюдается достаточно большая нехватка частных инвесторов из-за следующих факторов.

1. Несвоевременное осуществление технологических замен устаревшего и внедрение нового инновационного оборудования.

2. Малоэффективная рабочая отдача управленческих и технологических организаций, таким образом появляется существенный невозврат вложенных инвестиций, в основном привлеченных из кредитных средств.

3. Практически полное отсутствие проектов, касающихся модернизации и инновации в связи с недостаточным количеством квалифицированных специалистов.

4. Отсутствие системной и комплексной организации относительно модернизации и инновации жилищно-коммунальной отрасли, так как в настоящее время происходит только модернизация и лишь в отдельных случаях инновация источников, а не сетевых объектов, которые даже не включены в проекты из-за значительного удорожания самого проекта, а также завышенным срокам его окупаемости.

Согласно статистике Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [10], с расчетом на каждый год необходимо более 500 млрд. рублей, в которые условно можно включить – 300 млрд. рублей для улучшения обеспечения теплоснабжения, 50 млрд. рублей для улучшения обеспечения водоснабжения, 50 млрд. рублей для улучшения обеспечения водоотведения, 100 млрд. рублей для улучшения качества обращения с твердыми коммунальными расходами.

Важно отметить, что в настоящее время, связанное с экономической ситуацией наблюдается спад финансирования из федерального бюджета не только в области жилищно-коммунального хозяйства, но и во всех других областях. Соответственно, таким образом государственная власть надеется на получение большего количества именно частных инвестиций.

Проведя анализ действующего законодательства, на сегодняшний день можно выделить свыше 40 значимых нормативно-правовых документов, которые регулируют частные инвестиции в жилищно-коммунальной отрасли:

1. Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О концессионных соглашениях"» (ред. от 03.07.2016) [1].

2. Постановление Правительства РФ от 16.05.2014 № 452 (ред. от 20.05.2022) «Об утверждении Правил определения плановых и расчета фактических значений показателей надежности и энергетической эффективности объектов теплоснабжения, а также определения достижения организацией, осуществляющей регулируемые виды деятельности в сфере теплоснабжения, указанных плановых значений и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2010 г. № 340» [2].

3. Постановление Правительства РФ от 22.02.2012 № 154 (ред. от 10.01.2023) «О требованиях к схемам теплоснабжения, порядку их разработки и утверждения» и др. [3,4,5,6].

В настоящее время из-за сокращения бюджетного финансирования государство уделяет пристальное внимание государственно-частному партнерству с целью получения больше частных инвестиций.

Рассмотрев зарубежный опыт внедрения государственно-частного партнерства, можно отметить, что оно включает в себя не только совместное функционирование частных и публичных организаций, но и активное функционирование частных организаций-партнеров в осуществлении некоторых государственных решений, что само по себе является несвойственным для частных организаций.

Именно благодаря государственно-частному партнерству появилось распределение всех возможных и возникающих рисков при осуществлении какого – либо проекта, что само по себе является не только взаимоподдержкой, но и выгодно подчеркивает все положительные аспекты для каждой из участвующих сторон.

В большинстве зарубежных стран непосредственно и именно так функционирует государственно-частное партнерство.

Проанализировав опыт зарубежных стран относительно финансовой составляющей проектов, касающихся инфраструктуры и внедрения инноваций, можно отметить, что инвестирование в инфраструктуру происходит совместно именно с государственным бюджетом и составляет свыше 70 процентов. Также государственная власть старается всеми выгодными способами и мерами выстроить сбалансированные доходы и риски, и таким образом находить частных инвесторов для таких проектов.

В качестве примеров можно привести такие страны, как: Индонезия, Южная Корея, Индия и ряд других стран, именно там получилось успешно реализовать специально созданное финансирование путем функционирования так называемых институтов развития, в данном случае, институтов развития инфраструктурных объектов.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

Жилищно-коммунальное хозяйство занимает главенствующее место в экономике государства, так как именно от него, а именно от имеющихся жилищно-коммунальных услуг зависит благоприятное существование граждан.

Соответственно, неоспоримо и крайне необходимо налаживать и систематизировать деятельность, касающуюся проектов для модернизации и внедрения инноваций всех систем жилищно-коммунального хозяйства, а также их внедрения и осуществления с привлеченными частными инвестициями.

Но для того, чтобы возникла возможность это все осуществить, считаем, что должно быть определено единое направление, а именно единая стратегия, которая ликвидирует все негативные факторы и поможет благоприятному развитию жилищно-коммунального хозяйства.

Таким образом, предполагаем, что для благополучного осуществления модернизации и внедрения инноваций в жилищно-коммунальное хозяйство, а также для длительного взаимодействия с частными инвесторами крайне важно создать специальные благоприятные возможности, например, инсти-

тут развития жилищно-коммунального хозяйства с целью большего пристального внимания государственной власти и устранения всевозможных рисков не только для публичной власти, но и для частных инвесторов.

В целях координации государственной деятельности, совершенствования и развития социально-экономической сферы жизнедеятельности, российское государство выдвигает собственные инициативы, прямо ориентируемые на развитие высоких темпов информационных технологий. Для обеспечения планомерного развития приоритетных государственных направлений в Российской Федерации были приняты различные национальные проекты. В свою очередь их действие и ожидаемые результаты государственно-технологического развития ориентировано на основные конституционные положения, являющиеся главными концептуальными ориентирами для развития российского государства и общества [8, с. 21].

Библиографический список

1. Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О концессионных соглашениях"» (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Правительства РФ от 16.05.2014 № 452 (ред. от 20.05.2022) «Об утверждении Правил определения плановых и расчета фактических значений показателей надежности и энергетической эффективности объектов теплоснабжения, а также определения достижения организацией, осуществляющей регулируемые виды деятельности в сфере теплоснабжения, указанных плановых значений и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2010 г. № 340» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства РФ от 22.02.2012 № 154 (ред. от 10.01.2023) «О требованиях к схемам теплоснабжения, порядку их разработки и утверждения» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства РФ от 05.09.2013 № 782 (ред. от 22.05.2020) «О схемах водоснабжения и водоотведения» (вместе с «Правилами разработки и утверждения схем водоснабжения и водоотведения», «Требованиями к содержанию схем водоснабжения и водоотведения») // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Правительства РФ от 22.10.2012 № 1075 (ред. от 28.03.2023) «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» (вместе с «Основами ценообразования в сфере теплоснабжения», «Правилами регулирования цен (тарифов) в сфере теплоснабжения», «Правилами установления долгосрочных параметров регулирования деятельности организаций в отнесенной законодательством Российской Федерации к сферам деятельности субъектов естественных монополий сфере теплоснабжения и (или) цен (тарифов) в сфере теплоснабжения, которые подлежат регулированию в соответствии с перечнем, определенным статьей 8 Федерального закона «О теплоснабжении», «Правилами определения стоимости активов и инвестированного капитала и ведения их отдельного учета, применяемые при осуществлении деятельности, регулируемой с использованием метода обеспечения доходности инвестированного капитала», «Правилами заключения долгосрочных договоров теплоснабжения по ценам, определенным соглашением сторон, в целях обеспечения потребления тепловой энергии (мощности) и теплоносителя объектами, потребляющими тепловую энергию (мощность) и теплоноситель и введенными в эксплуатацию после 1 января 2010 г.», «Правилами распределения удельного расхода топлива при производстве электрической и тепловой энергии в режиме

комбинированной выработки электрической и тепловой энергии) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ Министра России от 04.04.2014 № 162/пр (ред. от 28.10.2022) «Об утверждении перечня показателей надежности, качества, энергетической эффективности объектов централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, порядка и правил определения плановых значений и фактических значений таких показателей» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.07.2014 № 33236) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Буркеев Д.О. Управление качеством жилой среды в программах капитального ремонта объектов недвижимости: дисс. ... канд. экон. наук. – Пенза: ПГУАС, 2018.

8. Битерман О.Э., Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 2 (31). – С. 20–32.

9. Романова А.И., Боровских О.Н., Монетова Е.М. Стимулирование внебюджетных инвестиций в региональный жилищно-коммунальный комплекс // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2020. – № 5. – С. 81–85.

10. Стратегия развития ЖКХ // <https://minstroyrf.gov.ru/>

Для цитирования: Зудов А.С. Инвестиции как средство обеспечения инновационного развития жилищно-коммунальной сферы: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 3 (131). – С. 77–81.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.77

INVESTMENTS AS A MEANS OF ENSURING INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE HOUSING AND COMMUNAL SECTOR

Alexander S. Zudov*

Annotation. The article examines investments as a means of ensuring innovative development of the housing and communal services sector. In the process of reform, the housing and communal services of the Russian Federation have undergone significant changes. They affected all areas of his activity – from the technologies used for providing public services to the forms of state control of the activities of organizations. The economic relations of entities in the utility services market have changed dramatically. With growing competition in the market, organizations that use management methods and tools aimed at increasing the innovation and investment attractiveness of the housing and communal services sector have begun to develop successfully. The use of new organizational and economic mechanisms in the industry is aimed, in general, at achieving economic results, that is, increasing the profits of organizations, increasing the solvency of consumers of utility services, increasing the capacity of utility infrastructure to meet the needs of the economy, etc.

Key words: housing and communal services; control; investments; innovation; sources of financing; methods of innovative development.

* **Zudov Alexander Sergeevich** – master’s student at the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management. E-mail: alexander_zudov@outlook.com

Scientific supervisor **Vladimir Borisovich Zotov** – Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Doctor of Economics, Ph.D., Professor. E-mail: vb_zotov@guu.ru

Housing and communal services are a particularly important social component, since they serve the entire population of the country and account for more than 20 percent of the state's economy. An innovative housing and communal services management system includes duties and, accordingly, responsibilities that are divided between homeowners, managers and repair and maintenance organizations, which, in turn, are providers of housing and communal services [7, 9].

It is important to emphasize that currently such important tasks as: resettlement from dilapidated housing have been solved, capital repair schemes in apartment buildings are successfully operating in the regions, and a number of legislative acts have been adopted regarding housing for non-commercial use with the aim of providing it to citizens upon concluding a contract non-commercial hiring.

At the moment, unfortunately, there is a fairly large shortage of private investors in the housing and communal services industry due to the following factors. Untimely implementation of technological replacements of outdated and introduction of new innovative equipment. Ineffective work output of management and technological organizations, thus there is a significant non-return on investments, mainly raised from loan funds. There is an almost complete absence of projects related to modernization and innovation due to the insufficient number of qualified specialists. Lack of a systematic and comprehensive organization regarding the modernization and innovation of the housing and communal services industry, since currently there is only modernization and only in some cases innovation of sources, and not network facilities, which are not even included in the projects due to the significant increase in the cost of the project itself, and also inflated payback periods.

According to statistics from the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation [10], more than 500 billion rubles are needed each year, which can be conditionally included – 300 billion rubles to improve heat supply, 50 billion rubles to improve water supply, 50 billion rubles to improve the provision of sanitation, 100 billion rubles to improve the quality of handling solid utility costs. It is important to note that currently, due to the economic situation, there is a decline in funding from the federal budget not only in the field of housing and communal services, but also in all other areas. Accordingly, in this way the government hopes to receive more private investment.

Having analyzed the current legislation, today we can identify over 40 significant regulatory documents that regulate private investment in the housing and communal services industry:

1. Federal Law of May 7, 2013 No. 103-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Concession Agreements”” (as amended on July 3, 2016) [1].

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 16, 2014 No. 452 (as amended on May 20, 2022) “On approval of the Rules for determining planned and calculating actual values of reliability and energy efficiency indicators of heat supply facilities, as well as determining the achievement of an organization carrying out regulated activities in the field of heat supply, the specified planned values and on introducing amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of May 15, 2010 No. 340” [2].

3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/22/2012 No. 154 (as amended on 01/10/2023) "On the requirements for heat supply schemes, the procedure for their development and approval", etc. [3,4,5,6].

Currently, due to the reduction in budget funding, the government is paying close attention to public-private partnerships in order to obtain more private investment.

Having examined foreign experience in introducing public-private partnerships, it can be noted that it includes not only the joint functioning of private and public organizations, but also the active functioning of private partner organizations in the implementation of certain government decisions, which in itself is unusual for private organizations.

It is thanks to the public-private partnership that all possible and emerging risks have been distributed when implementing any project, which in itself is not only mutual support, but also beneficially emphasizes all the positive aspects for each of the parties involved.

In most foreign countries, public-private partnerships function directly and precisely in this way.

Having analyzed the experience of foreign countries regarding the financial component of projects related to infrastructure and innovation, it can be noted that investment in infrastructure occurs jointly with the state budget and amounts to over 70 percent. Also, the government is trying by all beneficial means and measures to build balanced income and risks, and thus find private investors for such projects.

Examples include countries such as Indonesia, South Korea, India and a number of other countries, where it was possible to successfully implement specially created financing through the functioning of so-called development institutions, in this case, institutions for the development of infrastructure facilities.

Thus, based on all of the above, the following conclusions can be drawn. Housing and communal services occupy a dominant place in the economy of the state, since the favorable existence of citizens depends on it, namely on the available housing and communal services.

Accordingly, it is undeniable and extremely necessary to establish and systematize activities related to projects for the modernization and innovation of all housing and communal services systems, as well as their implementation and implementation with attracted private investment.

But in order for it to be possible to implement all this, we believe that a single direction must be determined, namely a single strategy that will eliminate all negative factors and help the favorable development of the housing and communal services sector.

Thus, we assume that for the successful implementation of modernization and the introduction of innovations in the housing and communal services sector, as well as for long-term interaction with private investors, it is extremely important to create special favorable opportunities, for example, an institute for the development of housing and communal services with the aim of greater close attention of government authorities and eliminating all kinds of risks not only for public authorities, but also for private investors.

In order to coordinate government activities, improve and develop the socio-economic sphere of life, the Russian state puts forward its own initiatives directly focused on the development of high rates of information technology. To ensure the systematic development of priority government areas in the Russian Federation, various national projects were adopted. In turn, their action and expected results of state-technological development are focused on the main constitutional provisions, which are the main conceptual guidelines for the development of the Russian state and society [8, p. 21].

Bibliography

1. Federal Law of May 7, 2013 No. 103-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Concession Agreements”” (as amended on July 3, 2016) // SPS “ConsultantPlus”.

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 16, 2014 No. 452 (as amended on May 20, 2022) “On approval of the Rules for determining planned and calculating actual values of reliability and energy efficiency indicators of heat supply facilities, as well as determining the achievement of an organization carrying out regulated activities in the field of heat supply, the specified planned values and on amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of May 15, 2010 No. 340” // SPS “ConsultantPlus”.

3. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 22, 2012 No. 154 (as amended on January 10, 2023) “On the requirements for heat supply schemes, the procedure for their development and approval” // SPS “ConsultantPlus”.

4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/05/2013 No. 782 (as amended on 05/22/2020) “On water supply and sanitation schemes” (together with the “Rules for the development and approval of water supply and sanitation schemes”, “Requirements for the content of water supply and sanitation schemes”) // SPS “ConsultantPlus”.

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 22, 2012 No. 1075 (as amended on March 28, 2023) “On pricing in the field of heat supply” (together with “Fundamentals of pricing in the field of heat supply”, “Rules for regulating prices (tariffs) in the field of heat supply”, “Rules for establishing long-term parameters for regulating the activities of organizations in the heat supply sector classified by the legislation of the Russian Federation as the spheres of activity of subjects of natural monopolies and (or) prices (tariffs) in the heat supply sector, which are subject to regulation in accordance with the list defined in Article 8 of the Federal Law “On Heat Supply”, “Rules for determining the value of assets and invested capital and maintaining their separate records, applied when carrying out activities regulated using the method of ensuring the return on invested capital”, “Rules for concluding long-term heat supply contracts at prices determined by agreement of the parties, in order to ensure the consumption of thermal energy (power) and coolant by objects consuming thermal energy (power) and coolant and put into operation after January 1, 2010”, “Rules for the distribution of specific fuel consumption in the production of electrical and thermal energy in the mode of combined generation of electrical and thermal energy”) // SPS “Consultant Plus”.

6. Order of the Ministry of Construction of Russia dated April 4, 2014 No. 162/pr (as amended on October 28, 2022) “On approval of the list of indicators of reliability, quality, energy efficiency of centralized hot water supply, cold water supply and (or) sewerage systems, the procedure and rules for determining planned values

and actual values of such indicators" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on July 23, 2014 No. 33236) // SPS "ConsultantPlus".

7. Burkeev D.O. Managing the quality of the living environment in capital repair programs for real estate: dissertation. ...cand. econ. Sci. – Penza: PGUAS, 2018.

8. Bitterman O.E., Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal basis for ensuring national projects in the field of development of artificial intelligence in the Russian Federation: article // Theory of State and Law. – 2023. – No. 2 (31). – P. 20–32.

9. Romanova A.I., Borovskikh O.N., Monetova E.M. Stimulating extra-budgetary investments in the regional housing and communal services complex // Bulletin of ENGEKON. Series: Economics. – 2020. – No. 5. – P. 81–85.

10. Strategy for the development of housing and communal services // <https://minstroyrf.gov.ru/>

For citation: Zudov A.S. Investments as a means of ensuring innovative development of the housing and communal sector: article // Legal Thought. 2023. No. 3 (131). P. 81–85.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.77

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0; 342.9; 343.7

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.86

АКТУАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С УНИЧТОЖЕНИЕМ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕМ ИМУЩЕСТВА ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

В.А. Винокуров*
Д.А. Шманцарь**

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и практическим проблемам, связанных с привлечением к уголовной ответственности физических лиц (граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства) по статье 168 Уголовного кодекса Российской Федерации, именуемой «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности». Для решения поставленных задач был осуществлен анализ диспозиции статьи 168 Уголовного кодекса Российской Федерации, рассмотрены вопросы реализации дознавателями федеральной противопожарной службы МЧС России полномочий по формированию уголовных дел в связи с уничтожением или повреждением имущества по неосторожности, включая вопросы проведения экспертизы и определения размера ущерба.

В целях дальнейшей декриминализации преступления, предусмотренного статьей 168 Уголовного кодекса Российской Федерации, как не имеющих большой общественной опасности, авторами сформулированы предложения по внесению изменений в указанный Уголовный кодекс Российской Федерации и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, позволяющих соблюсти основополагающий принцип уголовного права – восстановление социальной справедливости.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;

* **Винокуров Владимир Анатольевич** – профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»; профессор кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт», доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации. ORCID 0000-0003-0002-3010. E-mail lawinst-spb@mail.ru.

** **Шманцарь Дмитрий Александрович** – дознаватель отделения надзорной деятельности и профилактической работы по Карачевскому району управления надзорной деятельности и профилактической работы Главного управления Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по Брянской области. E-mail: ond.karachev@mail.32.mchs.gov.ru.

дознаватель МЧС России; уничтожение или повреждение имущества по неосторожности; источники повышенной опасности; декриминализация.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, государство предусматривает защиту различных форм собственности, гарантируя судебную защиту каждому его прав и свобод [1, ст. 2, 7, 46].

Указанным целям служат законодательные акты, предусматривающие, в том числе уголовную ответственность за совершенные виновные общественно опасные деяния, запрещенные под угрозой наказания [2, ст. 14], а также административную ответственность за виновные действия или бездействие [3, ст. 2.1].

В отношении уничтожения или повреждения имущества по неосторожности в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее также – УК России) содержится статья 168, диспозиция которой включает «уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности», а санкция предусматривает штраф в размере до 120 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо ограничение свободы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до одного года, либо лишение свободы на срок до одного года.

Исходя из названной санкции, данное преступление относится к преступлениям небольшой тяжести, поскольку таковыми в соответствии со статьей 15 УК России признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы.

Учитывая, что по российскому уголовно-процессуальному законодательству уголовные дела по статье 168 УК России считаются уголовными делами публичного обвинения, то в дознание по уголовным делам о преступлении, предусмотренном названной статьей, осуществляется дознавателями органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы [4, ч. 5 ст. 20; п. 6 ч. 3 ст. 151].

Как уже было обозначено, одним из признаков состава уголовного преступления, предусмотренного статьей 168 УК России, является крупный размер уничтоженного или поврежденного имущества. На основании примечания 4 к статье 158 УК России крупным размером для преступления по интересующей нас статье признается стоимость имущества, превышающая 250 тысяч рублей.

С учетом публичного характера рассматриваемого преступления, ни собственник уничтоженного или поврежденного имущества, ни дознаватель органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы (далее – дознаватель) не могут являться субъектами оценочной деятельности, то есть не могут самостоятельно определить стои-

мость имущества, которое было уничтожено или повреждено в связи с неосторожным обращением с огнем или иными источниками повышенной опасности. Поскольку сумма нанесенного ущерба имеет принципиальное значение для возбуждения уголовного дела, дознавателю необходимо знать стоимость поврежденного или уничтоженного имущества.

Для решения данного вопроса дознаватель, принимая во внимание его права, предоставленные уголовно-процессуальным законодательством, назначает судебную экспертизу в государственном судебно-экспертном учреждении [4, ч. 1 ст. 223]. Необходимую для определения стоимости строительно-техническую или товароведческую экспертизу проводят федеральные бюджетные судебно-экспертные учреждения Министерства юстиции Российской Федерации в соответствии с утвержденным перечнем экспертиз [5].

Эксперты указанных учреждений в соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» обязаны провести соответствующую экспертизу в установленный поручением дознавателя срок [6], но при этом они руководствуются соответствующими методическими рекомендациями, утвержденными Министерством юстиции Российской Федерации, в которых определено, что сроки производства судебных экспертиз устанавливаются в пределах 30 календарных дней [7]. Данный (весьма стандартный) подход к определению сроков должен содействовать реализации законодательной нормы, предусматривающей необходимость проведения уголовного судопроизводства в разумный срок [4, ст. 6¹]. Однако реальные сроки проведения назначаемых экспертиз в единственной в субъекте Российской Федерации лаборатории Минюста России часто превышают все мыслимые сроки, не говоря о сроках разумных, учитывая назначение судебных экспертиз и по множеству иных составов уголовных преступлений.

О проблемах определения размера ущерба отмечают в своих работах С.А. Елисеев и А.В. Черноусова [8, с. 86], Г.А. Майстренко [9, с. 280–281], Н.А. Лопашенко [10, с. 221, 223] и др.

В результате затягивания (оправданного или неоправданного) сроков проведения необходимых экспертиз для принятия решения о возбуждении уголовного дела или прекращении производства по факту, связанному с неосторожным обращением с огнем или иными источниками повышенной опасности, выявляется следующее:

а) лицо, совершившее зафиксированное деяние, длительное время находится в режиме ожидания (в двусмысленном положении);

б) поврежденное имущество не восстанавливается, не ремонтируется, его состояние под воздействием внешних факторов еще больше ухудшается, что, в конечном итоге, может привести к ошибкам при определении и ущербу, то есть к решению главного вопроса о привлечении к уголовной ответственности или освобождении от нее;

в) затягивается возможность возмещения нанесенного ущерба собственнику поврежденного или уничтоженного имущества.

Следует обратить внимание на то, что одним из условий возбуждения уголовного дела по статье 168 УК России является неосторожное обращение

с огнем или иными источниками повышенной опасности. Интересно, что термин «огонь» (как источник повышенной опасности) и понятие «источник повышенной опасности» законодательством Российской Федерации не определены. В отношении последнего имеется лишь два постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1) поясняющее, в чем может заключаться неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности: «в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с неустранимыми дефектами (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо невыключенных электроприборов, газовых горелок и т.п.)» [11];

2) признающее источником повышенной опасности «любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами». При этом Пленум высшей судебной инстанции страны пояснил также, что суд, принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности, вправе признать источником повышенной опасности также иную деятельность [12].

Конституционный Суд Российской Федерации, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы гражданина на нарушение его конституционных прав статьей 168 Уголовного кодекса Российской Федерации, повторил изложенные выше положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, указав на бланкетный характер названной статьи, которая «подлежит применению в системном единстве с положениями статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации» [13].

Проблема, связанная с пониманием того, что есть источник повышенной опасности, исследовался рядом авторов. Так, Л.Д. Варлыгин, не смотря на предлагаемые определения, полагает, что «вопрос о признании объекта источником повышенной опасности при необходимости может и должен решаться судом на основе заключений соответствующих экспертиз (технической, химической, электротехнической, радиационной и т.д.)» [14, с. 36]. Рассуждая о сложности правовой конструкции понятия источника повышенной опасности, Н.Г. Соломина, рассматривает это правовое явление в соотношении с понятием «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих», предполагая, что «решение вопроса о существовании источника повышенной опасности должно исключать неоднозначность в понимании соответствующего правового явления» [15, с. 63].

На практике дознаватель, формирующий правовую позицию по рассматриваемому составу преступления, самостоятельно определяет, является ли источником повышенной опасности материальный объект, неосторожное обращение с которым (действие или бездействие) было допущено, с учетом его физических особенностей и недостатков (например, технически исправное, но расположенное близко к горючим конструкциям здания

или горючим материалам устройство для приготовления пищи на открытом огне, или печь отопления с дефектами в конструкции, или газобаллонное оборудование с ослабшими хомутами крепления соединительных патрубков и т.п.). Следует учитывать, что выводы дознавателя об источнике повышенной опасности и причинно-следственной связи его неисправности или оставления без контроля со стороны человека с причиной возникновения пожара или иного события, повлекшего причинение ущерба, равно как и в случае с определением суммы ущерба, должны быть основаны на доказательствах, то есть требуют заключения пожарно-технической экспертизы, проведение которой также требует времени.

Таким образом, изложенный комплекс мероприятий по формированию определенного статьей 168 УК России состава преступления, затраты на проведение экспертиз, сроки проведения этих мероприятий, на наш взгляд, не соответствуют уровню общественной опасности, который заложен в гипотезу уголовного преступления вообще и в диспозицию указанной статьи в частности. Следует также заметить, что выполнение всего объема сложных процессуальных действий, предполагающих участие широкого круга специалистов с узкой квалификацией, проблемы с оценкой ущерба и установлением того или иного явления, действия или бездействия, на практике не позволяют сформировать уголовное дело, содержащее однозначные доказательства по установленному составу преступления.

Обратимся к статистике. В 2022 году должностными лицами МЧС России было принято 147406 сообщений о преступлениях, по результатам рассмотрения которых возбуждено 1115 уголовных дела (0,75 процента от числа поступивших сообщений о преступлениях), из которых по статье 168 УК России возбуждено 618 дел (55,4 процента от общего числа возбужденных уголовных дел и 0,41 процента от числа поступивших сообщений о преступлениях) [16, п. 3.3.2]. По данным Агентства правовой информации о назначенных наказаниях за 2021 год по статье 168 УК России было осуждено 155 человека, то есть 25,0 процента от числа возбужденных по данной статье дел или 13,9 процента от общего числа возбужденных уголовных дел, причем к лишению свободы приговорено лишь 20 человек, из которых 13 – условно или 12,9 процента от общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности по данной статье [17].

Таким образом, за время своего существования в рассматриваемой редакции с декабря 2003 года [18, п. 92 ст. 1] состав уголовного преступления, содержащийся в статье 168 Уголовного кодекса Российской Федерации, на наш взгляд, фактически утратил свою актуальность. Обоснованием нецелесообразности наличия в Уголовном кодексе Российской Федерации статьи 168 в действующей редакции могут послужить следующие тезисы:

- это преступление относится к категории неумышленных преступлений небольшой тяжести;
- процесс определения состава по указанной статье сложен и требует длительного времени, а также существенных затрат государства;
- в условиях рыночной экономики один и тот же ущерб, но совершенный в различные периоды даже одного года, может быть оценен по-

разному, то есть при сегодняшнем уровне цен и их неконтролируемых скачках грань в сумме в 250 тысяч рублей является весьма тонкой;

– уголовное наказание за данное деяние происходит в весьма небольшом числе случаев;

– высший судебный орган конституционного контроля указывает на бланкетный характер определения объективной стороны преступления с учетом положений гражданско-правового законодательства, то есть данная статья должна применяться в системном единстве с положениями статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая не только определяет, что может являться источником повышенной опасности, но и предусматривает именно гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих;

– восстановление уничтоженного или поврежденного имущества в случае использования санкций, указанных в данной статье, практически невозможно или, в лучшем случае, растягивается на довольно продолжительное время, поскольку наказание либо лишает или ограничивает свободу виновного, либо налагает на него дополнительные финансовые обременения в виде штрафа или исправительных работ.

О необходимости снижения уровня уголовного наказания, декриминализации многих составов, зафиксированных в уголовном законодательстве, которые не несут в себе той общественной опасности, которые нуждались бы в защите именно уголовным законом, задумываются не только ученые, но и судебное сообщество. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 24 было сформулировано предложение о введении понятия уголовного проступка, в который предполагалось включить состав преступления, предусмотренный статьей 168 Уголовного кодекса Российской Федерации [19]. Названный проект федерального закона, к сожалению, отозвали [20].

В публикациях ученых также поднимался вопрос о декриминализации названной статьи УК России. Например, С.П. Коваль и М.Ю. Цветков посчитали «целесообразным предусмотреть норму в российском уголовном законодательстве об освобождении виновных лиц, совершивших преступление в виде уничтожения (повреждения) имущества по неосторожности, и возместивших причиненный ущерб» [21, с. 79]. Схожей позиции придерживается и коллектив авторов Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России [22, с. 71–72].

Принимая во внимание основную цель уголовного наказания: восстановление социальной справедливости (часть 2 статьи 43), которая в нашем случае возможна, в первую очередь, восстановлением нанесенного ущерба, предлагается вариант решения проблем, возникающих в практике применения статьи 168 УК России.

Во-первых, изложить статью 168 Уголовного кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

«Статья 168. Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности

Уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повы-

шенной опасности лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 7.17¹ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а равно в крупном размере –

наказываются штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.

Примечания.

1. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая один миллион рублей.

2. Наказание по данной статье применяется по истечении года со дня вступления в силу приговора суда, если за этот период ущерб не был полностью возмещен.».

Во-вторых, дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях новой статьей 7.17¹ в следующей редакции:

«Статья 7.17¹. Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности

Уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, если ущерб от этих действий не превысил крупного размера, –

влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей.

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая один миллион рублей.».

Предлагаемые меры позволят: начать процесс декриминализации уголовных преступлений, в число которых входит и преступление, связанное с уничтожением или повреждением имущества по неосторожности, постепенно переводя указанное деяние в разряд гражданско-правовых; сократить расходы бюджета по проведению различного рода экспертиз, подготовке материалов уголовного дела, незначительная часть из которых завершается наказанием; сотрудникам федеральной противопожарной службы МЧС России уделять больше внимания профилактике предупреждения пожаров и осторожного обращения с огнем иди иные источниками повышенной опасности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 2022. 6 октября. № 0001202210060013.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2002. № 22. Ст. 2027.

5. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденный приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 237 (приложение № 1) // Российская газета, 2013, 6 февраля.

6. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

7. Методические рекомендации по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденные приказом Минюста России от 20 декабря 2002 года № 346 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Елисеев С.А., Черноусова А.В. Спорные вопросы квалификации причинения имущественного ущерба по ст. 168 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1 (80). С. 84–89.

9. Майстренко Г.А. К вопросу о необходимости пересмотра понятий «крупный ущерб», «особо крупный ущерб» в уголовном законодательстве России // Образование и право. 2022. № 3. С. 279–283.

10. Лопашенко Н.А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 2. С. 220–228.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 года № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 2002. № 8.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 2010. № 3.

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 года № 2022-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Култыгина Николая Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 168 Уголовного кодекса Российской Федерации // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision150337.pdf>.

14. Варлыгин А.Д. О понятии источника повышенной опасности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 34–36.

15. Соломина Н.Г. К вопросу о соотношении понятий «источник повышенной опасности» и «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» // Власть закона. 2015. № 2 (22). С. 61–69.

16. Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2022 году // URL: <http://mchs.gov.ru/dokumenty/6751>.

17. Сайт Агентства правовой информации «Судебная статистика» [Электронный ресурс] // URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17>.

18. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8.12.2003 № 163-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // URL: <https://www.vsrfl.ru/files/29300/> (дата обращения 19 марта 2023 года).

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 25 «Об отзыве из Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона № 612292-7 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // URL: <https://www.vsrfl.ru/files/29301/> (дата обращения 19 марта 2023 года).

21. Коваль С.П., Цветков М.Ю. Уничтожение (повреждение) имущества по неосторожности в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Вестник Ивановского государственного университета. 2019. № 1–2. С. 74–80.

22. Таланов Н.А., Зорина Е.А., Вахмистрова С.И., Кожевникова Н.А. К вопросу об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7. С. 68–74.

Для цитирования: *Винокуров В.А., Шманцарь Д.А.* Актуальная потребность декриминализации преступления, связанного с уничтожением или повреждением имущества по неосторожности: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 3 (131). – С. 86–94.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.86

THE URGENT NEED TO DECRIMINALIZE CRIMES RELATED TO THE DESTRUCTION OR DAMAGE OF PROPERTY BY NEGLIGENCE

Vladimir A. Vinokurov*

Dmitry A. Shmantsar**

Annotation. The article is devoted to theoretical and practical problems related to the criminal prosecution of individuals (citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons) under Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation, referred to as "Destruction or damage to property by negligence". To solve the tasks, an analysis of the disposition of Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation was carried out, the issues of the implementation by the investigators of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia of

* **Vladimir A. Vinokurov** – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg State Fire Service University of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev; Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of CHOU VO "Law Institute", Doctor of Law, Associate Professor; Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: lawinst-spb@mail.ru.

** **Dmitry A. Shmantsar** – investigator of the Department of Supervision and Preventive Work in the Karachevsky district of the Department of Supervision and Preventive Work of the Main Department of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters in the Bryansk region. E-mail: ond.karachev@mail.32.mchs.gov.ru.

the powers to form criminal cases in connection with the destruction or damage of property by negligence, including the issues of expertise and determining the amount of damage, were considered.

In order to further decriminalize the crime provided for in Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation as not having a great public danger, the authors formulated proposals to amend the specified Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, allowing to observe the fundamental principle of criminal law – the restoration of social justice.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; Criminal Code of the Russian Federation, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; investigator of the Ministry of Emergency Situations of Russia; destruction or damage to property by negligence; sources of increased danger; decriminalization.

In accordance with the Constitution of the Russian Federation, the protection of the rights and freedoms of man and citizen is the responsibility of the state; the state provides for the protection of various forms of property, guaranteeing judicial protection to everyone of his rights and freedoms [1, Art. 2, 7, 46].

These purposes are served by legislative acts that provide, among other things, for criminal liability for socially dangerous acts committed that are prohibited under threat of punishment [2, Art. 14], as well as administrative liability for guilty actions or inaction [3, Art. 2.1].

With regard to the destruction or damage of property through negligence, the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter also referred to as the Criminal Code of Russia) contains Article 168, the disposition of which includes “destruction or damage to someone else’s property on a large scale, committed by careless handling of fire or other sources of increased danger,” and the sanction provides for a fine of up to 120 thousand rubles or in the amount of wages or other income of the convicted person for a period of up to one year, or compulsory work for a period of up to 480 hours, or correctional labor for a period of up to two years, or restriction of freedom for a term of up to one year, or forced labor for a term of up to one year, or imprisonment for a term of up to one year.

Based on the said sanction, this crime is classified as a crime of minor gravity, since in accordance with Article 15 of the Criminal Code of Russia, intentional and careless acts are recognized as such, for the commission of which the maximum punishment does not exceed three years of imprisonment.

Considering that, according to Russian criminal procedural legislation, criminal cases under Article 168 of the Criminal Code of Russia are considered criminal cases of public prosecution, then the inquiry in criminal cases about the crime provided for in this article is carried out by investigators of the state fire supervision authorities of the federal fire safety department service [4, part 5 art. 20; clause 6, part 3, art. 151].

As already noted, one of the signs of a criminal offense provided for in Article 168 of the Criminal Code of Russia is the large size of the destroyed or damaged property. Based on Note 4 to Article 158 of the Criminal Code of Russia, a large-scale crime under the article of interest to us is recognized as the value of property exceeding 250 thousand rubles.

Taking into account the public nature of the crime in question, neither the owner of the destroyed or damaged property, nor the investigator of the state fire supervision authorities of the federal fire service (hereinafter referred to as the investigator) can be subjects of valuation activities, that is, they cannot independently determine the value of property that was destroyed or damaged due to careless handling of fire or other sources of increased danger. Since the amount of damage caused is of fundamental importance for initiating a criminal case, the investigator needs to know the value of the damaged or destroyed property.

To resolve this issue, the investigator, taking into account his rights granted by criminal procedure legislation, appoints a forensic examination at a state forensic institution [4, part 1 of Art. 223]. The construction, technical or commodity examination necessary to determine the cost is carried out by federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation in accordance with the approved list of examinations [5].

Experts from these institutions, in accordance with the Federal Law "On State Forensic Activities in the Russian Federation," are required to conduct the appropriate examination within the time period established by the order of the investigator [6], but at the same time they are guided by the relevant methodological recommendations approved by the Minister of Justice of the Russian Federation, which stipulate that the time frame for conducting forensic examinations is established within 30 calendar days [7]. This (very standard) approach to determining time limits should contribute to the implementation of the legislative norm providing for the need to conduct criminal proceedings within a reasonable time [4, Art. 61]. However, the actual time frames for carrying out prescribed examinations in the only laboratory of the Russian Ministry of Justice in a subject of the Russian Federation often exceed all conceivable time limits, not to mention the reasonable time limits, taking into account the appointment of forensic examinations for many other criminal offenses.

The problems of determining the amount of damage are noted in the works of S.A. Eliseev and A.V. Chernousov [8, p. 86], G.A. Maistrenko [9, p. 280–281], N.A. Lopashenko [10, p. 221, 223], etc.

As a result of delays (justified or unjustified) in conducting the necessary examinations to make a decision on initiating a criminal case or terminating proceedings on the fact related to careless handling of fire or other sources of increased danger, the following is revealed:

- a) the person who committed the recorded act is in a waiting mode for a long time (in an ambiguous position);
- b) the damaged property is not restored, not repaired, its condition under the influence of external factors worsens even more, which, ultimately, can lead to errors in determining the damage, that is, to resolving the main issue of bringing to criminal liability or liberation from it;
- c) the possibility of compensation for damage caused to the owner of damaged or destroyed property is delayed.

It should be noted that one of the conditions for initiating a criminal case under Article 168 of the Criminal Code of Russia is careless handling of fire or

other sources of increased danger. It is interesting that the term “fire” (as a source of increased danger) and the concept of “source of increased danger” are not defined by the legislation of the Russian Federation. Regarding the latter, there are only two decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation:

1) explaining what careless handling of fire or other sources of increased danger may consist of: “inappropriate handling of ignition sources near flammable materials, in the operation of technical devices with unrepaired defects (for example, using a tractor in the forest without a spark arrester, leaving unattended stoves, fires, or electrical appliances that have not been turned off, gas burners, etc.)” [11];

2) recognizing as a source of increased danger “any activity, the implementation of which creates an increased likelihood of causing harm due to the impossibility of full human control over it, as well as activities related to the use, transportation, storage of objects, substances and other production facilities, economic or other purposes, having the same properties.” At the same time, the Plenum of the highest court of the country also explained that the court, taking into account the special properties of objects, substances or other objects used in the process of activity, has the right to recognize other activities as a source of increased danger [12].

The Constitutional Court of the Russian Federation, refusing to accept for consideration a citizen’s complaint about a violation of his constitutional rights by Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation, repeated the above provisions of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, pointing out the blanket nature of the said article, which “is subject to application in systemic unity with the provisions of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation” [13].

The problem associated with understanding that there is a source of increased danger has been studied by a number of authors. So, L.D. Varlygin, despite the proposed definitions, believes that “the issue of recognizing an object as a source of increased danger, if necessary, can and should be decided by the court on the basis of the conclusions of relevant examinations (technical, chemical, electrical, radiation, etc.)” [14, p. 36]. Reflecting on the complexity of the legal structure of the concept of a source of increased danger, N.G. Solomina, considers this legal phenomenon in relation to the concept of “activity that creates an increased danger for others,” suggesting that “resolving the issue of the essence of the source of increased danger should eliminate ambiguity in the understanding of the corresponding legal phenomenon” [15, With. 63].

In practice, the investigator, who forms a legal position on the crime under consideration, independently determines whether a material object, the careless handling of which (action or inaction) was allowed, is a source of increased danger, taking into account its physical characteristics and shortcomings (for example, technically faulty a device for cooking food over an open fire, but located close to combustible building structures or flammable materials, or a heating stove with defects in the design, or gas-cylinder equipment with loose clamps securing connecting pipes, etc.). It

should be taken into account that the investigator's conclusions about the source of increased danger and the cause-and-effect relationship of its malfunction or abandonment without human control with the cause of a fire or other event that caused damage, as well as in the case of determining the amount of damage, must be based on evidence, that is, they require the conclusion of a fire-technical examination, the implementation of which also takes time.

Thus, the set of measures outlined for the formation of the *corpus delicti* determined by Article 168 of the Criminal Code of Russia, the costs of conducting examinations, the timing of these activities, in our opinion, do not correspond to the level of public danger, which is included in the hypothesis of a criminal offense in general and in the disposition this article in particular. It should also be noted that the implementation of the entire volume of complex procedural actions involving the participation of a wide range of specialists with narrow qualifications, problems with assessing damage and establishing a particular phenomenon, action or inaction, in practice do not allow the formation of a criminal case containing unambiguous evidence on established *corpus delicti*.

Let's turn to statistics. In 2022, officials of the Ministry of Emergency Situations of Russia received 147,406 reports of crimes, as a result of which 1115 criminal cases were initiated (0.75 percent of the number of received reports of crimes), of which 618 cases (55.4 percent) were initiated under Article 168 of the Criminal Code of Russia of the total number of criminal cases initiated and 0.41 percent of the number of received reports of crimes) [16, paragraph 3.3.2]. According to the Legal Information Agency on sentences imposed for 2022, 155 people were convicted under Article 168 of the Criminal Code of Russia, that is, 25.0 percent of the number of cases initiated under this article or 13.9 percent of the total number of criminal cases initiated, and Only 20 people were sentenced to imprisonment, of which 13 were given suspended sentences, or 12.9 percent of the number of persons prosecuted under this article [17].

Thus, during its existence in the edition under consideration since December 2003 [18, paragraph 92 of Art. 1] the *corpus delicti* contained in Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation, in our opinion, has actually lost its relevance. The following theses can serve as justification for the inappropriateness of the presence of Article 168 in the Criminal Code of the Russian Federation in the current edition:

- this crime falls into the category of unintentional crimes of minor gravity;
- the process of determining the composition under this article is complex and requires a long time, as well as significant state costs;
- in a market economy, the same damage, but committed in different periods of even one year, can be assessed differently, that is, with today's price level and their uncontrolled jumps, the line in the amount of 250 thousand rubles is very thin;
- criminal punishment for this act occurs in a very small number of cases;

– the highest judicial body of constitutional control points to the blanket nature of determining the objective side of a crime, taking into account the provisions of civil law legislation, that is, this article must be applied in systemic unity with the provisions of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation, which not only determines that may be a source of increased danger, but it also provides for civil liability for harm caused by activities that create an increased danger for others;

– restoration of destroyed or damaged property in the event of the use of the sanctions specified in this article is practically impossible or, at best, stretches out for quite a long time, since the punishment either deprives or limits the freedom of the perpetrator, or imposes additional restrictions on him financial burdens in the form of a fine or correctional labor.

Not only scientists, but also the judicial community is thinking about the need to reduce the level of criminal punishment, decriminalization of many elements fixed in the criminal law, which do not carry the social danger that would need protection under the criminal law. Thus, in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2020 No. 24, a proposal was formulated to introduce the concept of a criminal offense, which was supposed to include the corpus delicti provided for in Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation [19]. Unfortunately, this draft federal law was withdrawn [20].

The publications of scientists also raised the issue of decriminalization of this article of the Russian Criminal Code. For example, S.P. Koval and M.Yu. Tsvetkov considered “it would be appropriate to provide for a rule in Russian criminal legislation on the release of guilty persons who have committed a crime in the form of destruction (damage) of property through negligence, and who have compensated for the damage caused” [21, p. 79]. A similar position is shared by the team of authors of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia [22, p. 71–72].

Taking into account the main goal of criminal punishment: the restoration of social justice (Part 2 of Article 43), which in our case is possible, first of all, by restoring the damage caused, we propose a solution to the problems that arise in the practice of applying Article 168 of the Criminal Code of Russia.

First, article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation should be stated as follows:

“Article 168. Destruction or damage to property by negligence

Destruction or damage to someone else's property committed by careless handling of fire or other sources of increased danger by a person subjected to administrative punishment for a similar act provided for in Article 7.17¹ of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, as well as on a large scale –

shall be punishable by a fine in the amount of up to one hundred twenty thousand rubles, or in the amount of the wages or other income of the convicted person for a period of up to one year, or by compulsory labor for a term of up to four hundred and eighty hours, or by corrective labor for a term of up to two years.

Notes.

1. In this article, large size means the value of property exceeding one million rubles.

2. Punishment under this article is applied after a year has passed from the date of entry into force of the court verdict, if during this period the damage has not been fully compensated.”

Secondly, to supplement the Code of the Russian Federation on Administrative Offences with a new article 7.171 in the following wording:

“Article 7.17¹. Destruction or damage to property by negligence

Destruction or damage to someone else’s property, committed through careless handling of fire or other sources of increased danger, if the damage from these actions did not exceed a large amount, –

entails a warning or the imposition of an administrative fine on citizens in the amount of one thousand to one thousand five hundred rubles.

Note. In this article, large size means the value of property exceeding one million rubles.”.

The proposed measures will allow: to begin the process of decriminalization of criminal offenses, which include a crime associated with the destruction or damage of property through negligence, gradually transferring this act to the category of civil law; reduce budget expenses for conducting various types of examinations, preparing materials for a criminal case, a small part of which ends in punishment; employees of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia should pay more attention to fire prevention and careful handling of fire and other sources of increased danger.

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // SPS "ConsultantPlus".

2. The Criminal Code of the Russian Federation on June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.

3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation on December 30, 2001 No. 195-FZ // SPS "ConsultantPlus".

4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation on December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921; 2002. No. 22. Article 2027.

5. The list of genera (types) of forensic examinations performed in federal budgetary forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation, approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 237 dated December 27, 2012 (Appendix No. 1) // Rossiyskaya Gazeta. 2013, February 6.

6. Federal Law "On State Forensic Activity in the Russian Federation" on May 31, 2001 No. 73-FZ // SPS "ConsultantPlus".

7. Methodological recommendations for the production of forensic examinations in state forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation, approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 346 of December 20, 2002 // SPS "ConsultantPlus".

8. Eliseev S.A., Chernousova A.V. Controversial issues of qualification of property damage under Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation // Siberian Legal Bulletin. 2018. No. 1 (80). Pp. 84–89.

9. Maistrenko G.A. On the need to revise the concepts of "major damage", "especially major damage" in the criminal legislation of Russia // Education and Law. 2022. No. 3. Pp. 279–283.

10. Lopashenko N.A. The value expression of a large (especially large) amount of income, damage, debt in relation to crimes in the sphere of economic activity // All-Russian Criminological Journal. 2021. Vol. 15. No. 2. Pp. 220–228.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 5, 2002 No. 14 "On judicial practice in cases of violation of fire safety rules, destruction or damage to property by arson or as a result of careless handling of fire" // SPS "ConsultantPlus".

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of January 26, 2010 "On the application by courts of civil Legislation Regulating relations on Obligations due to Injury to the Life or health of a Citizen" // www.consultant.ru.

13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 24, 2013 No. 2022-On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kultygin Nikolay Viktorovich on violation of his constitutional rights by Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision150337.pdf> (accessed March 19, 2023).

14. Varlygin L.D. On the concept of a source of increased danger // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. Pp. 34–36.

15. Solomina N.G. On the question of the relationship between the concepts of "a source of increased danger" and "activities that create increased danger to others" // The power of law. 2015. No. 2 (22). Pp. 61–69.

16. State report on the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2021 // URL: <http://mchs.gov.ru/dokumenty/6751> (accessed August 19, 2023).

17. Website of the Legal Information Agency "Judicial Statistics" [Electronic resource] // URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>.

18. Federal Law "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation" on December 8, 2003, No. 163-FZ // Assembly of the Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 50. St. 4848.

19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 dated October 13, 2020 "On Introducing into the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Concept of criminal misconduct" // URL: <https://www.vsrф.ru/files/29300> / (date of issue March 19, 2023).

20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated October 13, 2020 "On the Withdrawal from the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Draft Federal Law No. 612292-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the concept of criminal misconduct" // URL: <https://www.vsrф.ru/files/29301> /

21. Koval S.P., Tsvetkov M.Yu. Destruction (damage) of property by negligence in the criminal legislation of Russia and foreign countries // Bulletin of the Ivanovo State University. 2019. No. 1 2. pp. 74–80.

22. Talanov N.A., Zorina E.A., Vakhmistrova S.I., Kozhevnikova N.A. On the issue of criminal liability for the destruction or damage of property by negligence // Society: politics, economics, law. 2022. No. 7. Pp. 68–74.

For citation: Vinokurov V.A., Shmantsar D.A. The urgent need to decriminalize crimes related to the destruction or damage of property by negligence: article // Legal Thought. 2023. No. 3 (131). P. 94–102.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.86

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0; 343.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.103

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ЦАРСКОЙ РОССИИ

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема увеличения преступлений экстремистской направленности. Закрепленные меры уголовно-правового воздействия представляются недостаточными для достижения предупредительных задач уголовного законодательства. На опыте законодательной и правоприменительной практики царской России предлагается на примере полной изоляции сектантов-скопцов в условиях лишения свободы, применявшиеся в тот исторический период в качестве уголовного наказания, в современных реалиях предпринять меры изоляции организаторов экстремистской деятельности в случае назначения уголовного наказания в виде реального лишения свободы от других категорий заключенных.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, национальная безопасность, скопцы, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, меры уголовно-правового воздействия, предупреждение преступлений, уголовное наказание, лишение свободы, изоляция.

Одним из потенциальных угроз для нашей страны, способных разрушить российскую государственность, является экстремистская деятельность. О возможности наступления крайне негативных последствиях от этой деятельности содержится в п. 8 раздела II «Россия в современном мире: тенденции и возможности» Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400): «усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека» [1].

Одним из опасных проявлений экстремистской деятельности являются различные течения радикального ислама, принявшие в последнее время наиболее опасные формы. Основная опасность заключается в том, что экс-

* **Гареев Марат Фаизович**, доцент кафедры уголовного права и процесса Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт – Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

тремистская деятельность, выражающаяся, прежде всего, в разжигании религиозной ненависти, носящей, как правило, латентный характер. Ее опасность проявляется не только, а порой и не столько в противопоставлении различных религиозных конфессий, хотя это тоже присутствует, а в явном выражении преимущества одного религиозного течения, являющегося экстремистским, в рамках одного исламского вероисповедания.

В качестве примера можно привести экстремистскую деятельность ячейки радикальной организации «Хизб ут-Тахир аль-Ислами», запрещенной Верховным Судом Российской Федерации, осуществляющую противоправную деятельность в начале 2000-х годов на территории Республики Татарстан. В тот период времени эта деятельность носила единичный характер и не получила широкого распространения [2].

В результате проведенной работы по предупреждению распространения радикальных исламских течений российским правоохранительным органам удалось нейтрализовать деятельность экстремистских ячеек, исповедующих радикальный ислам, на юго-востоке Татарстана.

Однако по прошествии более полутора десятков лет радикальный ислам распространился с большей силой, вовлекая в свои ряды все больше сторонников. В настоящее время наблюдается тенденция к повышению общественной опасности их организаций и сообществ экстремистской направленности посредством переориентации в террористическую деятельность, представляющую потенциальную опасность для жизни и здоровья граждан [3].

Всплеск экстремизма в России наметился в 2023 г. По данным МВД РФ в январе 2023 г. было зарегистрировано 134 преступления экстремистской направленности. Это на 157,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем 2019 года, когда МВД РФ зафиксировало 35 экстремистских преступлений, в 2023-м их число выросло почти в четыре раза. Это рекордный показатель за последние годы [4].

Этот показатель стал наивысшим за последние пять лет, следует из статистики Генпрокуратуры о преступности в стране, которую проанализировал ТАСС. Всего с января по декабрь 2022 года зарегистрировано 1 566 экстремистских преступлений, что на 509 больше, чем за аналогичный период позапрошлого года (на 48,2%), это самый высокий показатель с 2018 года [5].

На фоне возрастающей экстремистской деятельности радикальных религиозных течений и их террористической угрозы представляется интересным опыт законодательной и правоприменительной практики дореволюционной России в части противодействия распространению сектантских течений. Применительно к современным реалиям их условно можно отнести к экстремистской деятельности.

На фоне скачка экстремизма в нашей стране наметилась устойчивая тенденция ее перерастания в террористическую деятельность. Особый рост террористической угрозы наметился в 2022 г.: в январе – сентябре зарегистрировано 1818 преступлений террористического характера. Эти показатели выше на 2,4% чем за предыдущие годы [6].

В отечественной истории также встречались деяния, посягающие на устои российской государственности. К ним относились сектантство.

В качестве мер противодействия распространению сектантства в России служили ряд норм, закрепленные в Уголовном Уложении 1903 г. Одним из таких норм является ст. 53 данного Уложения, в которой содержалась особая оговорка, предусматривающая в отношении лиц, совершивших преступления, выраженные в «свращение» (отступление и переход в другое вероисповедание) православного в раскольническую веру или в секту с помощью насилия или угрозой ее применения (ч. 4 ст. 84) и «оскопление» (кастрация) в скопческую ересь с согласия оскопляемого, то есть членовредительства, выраженное в лишение полового органа или его части из религиозных побуждений и принятие в секту, исповедавшие отказ от мирских радостей, прежде всего, телесных утех (ст. 85) замену каторги на ссылку «особо предназначенная для осужденных (для данной категории – прим. автора) местности. При этом для сектантов и прочих вероотступников был установлен строгий запрет на замену ссылки на поселение в «особо предназначенных местностях» на заключение в крепости [7].

Строгая изоляция сектантов-скопцов со стороны царских властей была обусловлена увеличением интереса со стороны людей к их псевдорелигиозному мировоззрению, возможностью их проповедников вовлечь в скопческую секту значительное количество сторонников. В свою очередь, это позволяло сосредоточить значительное количество капитала, способное направить их на противоправную деятельность, в том числе на подрыв основ российской государственности.

О возрастающей популярности секты скопцов в XIX в. и способности ее лидеров вовлекать в свои ряды значительное количество сторонников свидетельствуют ряд исследований. В одном из них указывалось, что «помещение скопцов и скопчих в монастыри не только не привело к чистосердечному раскаянию, но нередко служило поводом к справедливым жалобам монастырского начальства на распространение ереси среди заключаемых в монастырской братии. Так называемая «нравственная мера», введенная в 1850 году и состоявшая в том, что копцов, одетых в женские платья, с дурацкими колпаками на головах, водили публично, при полицейском чиновнике, по селениям, на посмеяние народа, нередко имело также совершенно противоположное тому действие» [8, с. 137].

Опасность оскопления, то есть кастрация половых органов мужчин и женщин, влекли не только физиологические последствия, отражавшиеся на репродуктивные функции человека, но необратимым деформациям психологических качеств личности. «В духовной сфере у кастратов замечаются, действительно резкие отклонения от нормального состояния. Все, что составляет принадлежность мужского характера, он из мальчика, предавшегося невинным развлечениям детского возраста, становится юношей и когда в нем пробуждается целый ряд новых ощущений, новый взгляд на жизнь, на свой долг и обязанности в отношении к обществу, – у нормального человека, в это время, вследствие развития половой деятельности, появляется влечение к другому полу: он, сперва инстинктивно, начинает испытывать потребность любви; вместе с тем у него возникают высокие стремления души к благородной деятельности, к совершению подвигов, чувство преданности отечеству. Все это чуждо юноше-кастрату, оскопленному в ма-

лолетстве: в это время он остается безразличным к окружающей его среде; в душе его нет и зачатка благородных стремлений, сознания долга, обязанностей гражданина; у него нет будущего и он живет только жизнью окружающей его среды, где видит лишь примеры необходимости оскотления, и вся обстановка этой подчиняет его влиянию секты, инстинктивно привязывает его к ней. При наступлении возмужалости, для него не существует счастья семейной жизни, ему чуждо мужество и высшая фантазия; всего чаще, взамен этих качеств, у него развиваются многие пороки людей с ограниченным кругозором, с низким уровнем нравственности: эгоизм, хитрость, лукавство, коварство, алчность к деньгам и т.п.» [8, с. 68–69].

Все перечисленные выше психологические изменения в состоянии деформировать морально-нравственные устои личности, которые также могут привести к формированию определенных преступных установок, способствующих, в том числе, совершению корыстных преступлений, а психологическая зависимость от лидеров радикальных организации к подавлению воли и совершению преступлений экстремистской направленности. В настоящее время не прибегают к оскотлению, а используют более изощренные средства психологического воздействия, поэтому меры по противодействию подобного рода преступной деятельности не теряют актуальности.

Осознавая потенциальную опасную деятельность сектантов-скопцов, которые применительно к современным реалиям можно отнести к экстремистской, царский законодатель в целях препятствования распространения подрывной идеологии для российской империи предусмотрел в отношении данной категории осужденных строгую изоляцию, препятствующие вербовать в свои ряды новых сторонников.

Сочетание возможность замены на более мягкое наказание в отношении одной категории осужденных и установление запрета на замены ссылки на поселение в отношении сектантов и прочих отступников от официального вероисповедания обуславливался не только сохранением традиционного религиозного мировоззрения как господствующей государственной идеологии царского режима, но необходимостью применения предупредительных мер уголовно-правового воздействия для препятствования распространения мировоззрения, представляющего опасность общества и государства.

К сожалению, в современных условиях, как уже было отмечено выше, не удастся удержать рост экстремистской деятельности, выразившее в усилении позиции радикальных исламских религиозных течений. Это свидетельствует о том, что действующие меры уголовно-правового воздействия, закрепленные не только в уголовном законодательстве, но в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательствах, не в состоянии достичь предупредительных задач, установленных ст. 2 УК РФ.

При установлении санкций за совершение преступлений, предусматривающих ответственность за создание экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) и организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ч. 1

ст. 282.2 УК РФ) увеличить максимальную санкцию до двенадцати лет лишения свободы, тем самым отнеся составы к категории особо тяжких преступлений.

Основной целью увеличения максимального срока уголовного наказания обусловлено не столько ужесточением уголовной ответственности, направленные на устрашение, поскольку приверженцев радикальных религиозных течений они особо не пугают, а необходимостью максимальной изоляции указанной категории осужденных, которое представляется возможным только в условиях тюремного заключения. Предлагаемые меры будут не только выполнению предупредительных задач уголовного законодательства, предусмотренные ст. 2 УК РФ, тем самым ограничив возможность вовлечения новых членов в подобного рода организации экстремистской направленности, но и в определенной степени будет способствовать психологической ломке организаторов и (или) руководителей экстремистских организаций или сообществ в условиях максимальной изоляции от окружающего мира.

Законодательные предложения об увеличении сроков лишения свободы для организаторов и (или) экстремистских организаций или сообществ будут соответствовать принципу справедливости, закрепленная ст. 6 УК РФ, предусматривающая, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, то есть они должны соответствовать характеру и степени совершенного преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Представляется, что принцип справедливости является обязательным не только для правоприменителя, но и для законодателя, который сам же устанавливает виды и размеры наказаний в Особенной части УК РФ, поэтому законодатель в правотворческой деятельности обязан руководствоваться принципами уголовного законодательства, выступающего его основой.

Учитывая повышенную общественную опасность организаторов экстремистской деятельности, способности ее лидеров вовлекать в свои ряды новых участников запрещенной Верховным Судом сторонников, возможности дальнейшего участия в террористической деятельности, предлагается внести в ч. 2.1 ст. 58 УК РФ дополнения, включив в нее составы, преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за организацию и руководство экстремистской организации или сообщества.

Для максимальной изоляции осужденных, признанные вступившим в законную силу приговором суда, в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и ч. 1 ст. 282.2 УК РФ и усиления исправительного воздействия назначенного наказания, предлагается их содержать в строгом тюремном режиме с внесением соответствующих дополнений в ч. 3 ст. 130 УИК РФ.

Принимая во внимание потенциальную возможность вовлечения новых сторонников и повышенную общественную опасность преступлений террористической направленности, также предлагается в отношении организаторов и руководителей террористических организаций или сообществ (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ и ч. 1 ст. 205.5 УК РФ) установить строгий тюремный режим.

Следовательно, ч. 3 ст. 130 УИК РФ изложить в следующей редакции:

«на строгом режиме содержатся осужденные, совершившие преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 282.1, ч. 1 ст. 282.2, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5 УК РФ, поступившие в данное исправительное учреждение, и осужденные, переведенные с общего режима».

Одновременно, для пресечения иных преступных деяний, представляющих повышенную общественную опасность, предусматривающих ответственность за организацию и (или) руководство различными формами преступной деятельности в зависимости от обстоятельств совершения преступления предусмотреть возможность отбывания наказания посредством установления строгого тюремного режима.

К вышеупомянутой категории осужденных могут быть отнесены организаторы незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ), банды (ч. 1 ст. 209 УК РФ), преступного сообщества (преступной организации) (ч. 1 ст. 210 УК РФ), занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ), планирование, подготовка, развязывание агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ).

Соответственно, предлагается ст. 130 УИК РФ дополнить ч. 3.1 и изложить в следующей редакции:

«на строгом режиме могут содержаться лица, совершившие преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 210, ст. 210.1, ст. 279, ч. 1 ст. 353 УК РФ».

В связи с тем, что норма, предусмотренная ч. 3.1 ст. 130 УИК РФ носит альтернативный характер и повышенный карательный потенциал, поэтому назначение судом тюремного заключения строго режима должно осуществляться судом в помощью законодательного механизма, который следует предусмотреть в ст. 58 УК РФ посредством внесения дополнений в виде ч. 2.2 и изложить ее в следующей редакции:

«Мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 208, частью 1 статьи 209, частью 1 статьи 210, статьи 210.1, статьи 279, частью 1 статьи 353 настоящего Кодекса, отбывание части наказания назначается в тюрьме. В этот период отбывания наказания в тюрьме после зачета времени содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу обвинительного приговора должен составлять не менее одного года. Определение вида исправительного учреждения для отбывания наказания, оставшегося после отбытия части срока наказания в тюрьме, осуществляется по правилам, установленным настоящей статьей».

Возможность судебного усмотрения предлагаемых вышеназванных положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства приводит к необходимости разъяснения судебной практики, поэтому предлагается постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» дополнить п. 5 абз. 3 и изложить в следующей редакции:

«при назначении наказания в соответствии с ч. 2.2 ст. 58 УК РФ в отношении категорий осужденных, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 210,

ст. 210.1, ст. 279, ч. 1 ст. 353 УК РФ, с содержанием в тюрьме строгого режима суд должен учитывать количество вовлеченных лиц в тот или иной вид преступной деятельности, характер и размер причиненного вреда вышеуказанными преступными организациями (сообществами), поведение до и после совершения преступления такого осужденного, иные обстоятельства, указывающие о повышенного общественной опасности такого осуждения. Все изложенные доводы, явившиеся для назначения наказания в тюрьме строгого режима должны быть мотивированы в приговоре суда».

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_dos_LAW_389271/?ysclid=lm3fjvuq2o127598870 (дата обращения – 3 сентября 2023 г.).

2. Приговор мирового судьи судебного участка № 6 Альметьевского района и г. Альметьевск РТ от 6 апреля 2005 г. Шайхутдинов И.Х., Файрузов Т.А., Хамзин Э.Р., Нуруллин А.М., Низамов Э.Г. были осуждены по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ за участие в экстремистской организации «Хизб ут-Тахир аль-Ислами». // Архив мирового судьи судебного участка № 6 по Альметьевскому судебному району Республики Татарстан за 2005 г. Дело № 1–8/06].

3. В Татарстане задержали трех исламистов, собиравших деньги «на джихад» в Сирии. [Электронный ресурс] // Режим доступа: easily.com/ru/news/2023/04/11/v-tatarstane-zaderzhali-treh-islamistov-sobiravshih-dengi-na-dzihad-v-sirii (дата обращения – 3 сентября 2023 г.).

4. В России на 160 % за год выросло число экстремистских преступлений. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5861839?ysclid=lgkksefyu2678822481> (дата обращения – 3 сентября 2023 г.).

5. В РФ в 2022 году зафиксировали рекордное за пять лет число экстремистских преступлений. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://tass.ru/obschesto/16910891?ysclid=lgkkiul3c9698113902> (дата обращения – 3 сентября 2023 г.).

6. МВД рассказало о числе преступлений экстремисткой направленности в России. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ria.ru/20221029/rossiya-1827701089.html?ysclid=lgkk415c2i463638121>.

7. Новое Уголовное уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. съ приложением Предметнаго Алфавитнаго указания. – С – Петербургъ: Изданіе Каменостровскаго юридическаго книжнаго магазина В.П. Анисимова, 1903. – с. 27.

8. Судебно-медицинскія изслѣдованія СКОПЧЕСТВА историческія свѣдѣнія о немъ директора медицинскаго департамента Евгенія Пеликана (с хромолинографированными рисунками, картами и политипажками). Часть вторая (судебно-медицинская). – Санктпетербургъ: печатная В.И. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15, кв. № 3, 1872. – с. 137.

Для цитирования: *Гареев М.Ф.* Отдельные аспекты предупреждения экстремистской деятельности на примере законотворчества царской России: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 3 (131). – С. 103–109.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.103

SELECTED ASPECTS OF PREVENTION OF EXTREMIST ACTIVITIES ON THE EXAMPLE OF LEGISLATION OF TSAR RUSSIA

Marat F. Gareev*

Annotation. This article discusses the problem of increasing extremist crimes. The established measures of criminal law appear to be insufficient to achieve the preventive objectives of criminal legislation. Based on the experience of legislative and law enforcement practice of Tsarist Russia, it is proposed, using the example of the complete isolation of eunuch sectarians in conditions of imprisonment, which were used in that historical period as a criminal punishment, in modern realities to take measures to isolate the organizers of extremist activities in the event of a criminal punishment in the form of actual imprisonment from other categories of prisoners.

Key words: extremist activity, national security, eunuchs, criminal, criminal procedural and penal legislation, criminal enforcement measures, crime prevention, criminal punishment, imprisonment, isolation.

One of the potential threats to our country that can destroy Russian statehood is extremist activity. The possibility of extremely negative consequences from this activity is contained in clause 8 of section II "Russia in the modern world: trends and opportunities" of the National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400): "increasing instability in world, the growth of radical and extremist sentiments can lead to attempts to resolve growing interstate contradictions by searching for internal and external enemies, to the destruction of the economy, traditional values and ignoring fundamental human rights and freedoms" [1].

One of the dangerous manifestations of extremist activity is the various movements of radical Islam, which have recently taken the most dangerous forms. The main danger is that extremist activity, expressed primarily in inciting religious hatred, which is usually latent in nature. Its danger manifests itself not only, and sometimes not so much, in the opposition of different religious denominations, although this is also present, but in the clear expression of the advantage of one religious' movement, which is extremist, within the framework of one Islamic faith.

An example is the extremist activity of a cell of the radical organization Hizb ut-Tahir al-Islami, banned by the Supreme Court of the Russian Federation, carrying out illegal activities in the early 2000s in the territory of the Republic of Tatarstan. At that time, this activity was sporadic and did not become widespread [2].

As a result of the work carried out to prevent the spread of radical Islamic movements, Russian law enforcement agencies managed to neutralize the

* **Gareev Marat Faizovich**, associate professor of the department of criminal law and process of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg), candidate of legal sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

activities of extremist cells professing radical Islam in the southeast of Tatarstan.

However, after more than a decade and a half, radical Islam spread with greater force, attracting more and more supporters into its ranks. Currently, there is a tendency to increase the public danger of their extremist organizations and communities through reorientation into terrorist activities, which pose a potential danger to the life and health of citizens [3].

A surge in extremism in Russia began in 2023. According to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, in January 2023, 134 extremist crimes were registered. This is 157.7% more than in the same period last year. Compared to January 2019, when the Russian Ministry of Internal Affairs recorded 35 extremist crimes, in 2023 their number almost quadrupled. This is a record figure in recent years [4].

This figure is the highest in the last five years, according to statistics from the Prosecutor General's Office on crime in the country, which was analyzed by TASS. In total, from January to December 2022, 1,566 extremist crimes were registered, which is 509 more than in the same period the year before (48.2%), this is the highest figure since 2018 [5].

Against the background of the growing extremist activity of radical religious movements and their terrorist threat, the experience of legislative and law enforcement practice of pre-revolutionary Russia in terms of countering the spread of sectarian movements seems interesting. In relation to modern realities, they can conditionally be classified as extremist activities.

Against the backdrop of a surge in extremism in our country, there has been a steady tendency for it to develop into terrorist activity. A particular increase in the terrorist threat has been observed in 2022: 1,818 crimes of a terrorist nature were registered in January–September. These figures are 2.4% higher than in previous years [6].

In Russian history, there have also been acts that encroached on the foundations of Russian statehood. These included sectarianisms.

A number of norms enshrined in the Criminal Code of 1903 served as measures to counter the spread of sectarianism in Russia. One of these norms is Art. 53 of this Code, which contained a special clause providing for persons who have committed crimes expressed in “seduction” (apostasy and conversion to another religion) of an Orthodox Christian into a schismatic faith or sect with the help of violence or the threat of its use (Part 4 of Art. 84) and “castration” (castration) into the scopal heresy with the consent of the castrated, that is, self-mutilation, expressed in the deprivation of the genital organ or part of it for religious reasons and acceptance into the sect, which professed the renunciation of worldly joys, especially bodily pleasures (Art. 85) replacing hard labor with a link “especially intended for convicts (for this category – author’s note) in the area. At the same time, a strict ban was established for sectarians and other apostates, replacing the exile of settlement in “specially designated areas” with imprisonment in a fortress [7].

The strict isolation of the eunuch sectarians by the tsarist authorities was due to an increase in people's interest in their pseudo-religious worldview and the ability of their preachers to attract a significant number of supporters

into the eunuch sect. In turn, this made it possible to concentrate a significant amount of capital, which could be used for illegal activities, including undermining the foundations of Russian statehood.

About the growing popularity of the eunuchs sect in the 19th century and the ability of its leaders to attract a significant number of supporters into their ranks is evidenced by a number of studies. One of them stated that "the placement of eunuchs and eunuchs in monasteries not only did not lead to sincere repentance, but often served as a reason for justified complaints from the monastic authorities about the spread of heresy among those imprisoned in the monastic brethren. The so-called "moral measure", introduced in 1850 and consisting in the fact that cops, dressed in women's dresses, with stupid caps on their heads, were taken publicly, in the presence of a police official, through villages, to the ridicule of the people, often had the exact opposite effect action" [8, p. 137].

The danger of castration, that is, castration of the genital organs of men and women, entailed not only physiological consequences that affected human reproductive functions, but also irreversible deformations of the psychological qualities of the individual. "In the spiritual sphere, castrati show really sharp deviations from the normal state. Everything that makes up a man's character, he transforms from a boy who indulged in the innocent amusements of childhood into a youth, and when a whole series of new sensations awakens in him, a new outlook on life, on his duty and responsibilities in relation to society, in a normal person, at this time, as a result of the development of sexual activity, an attraction to the other sex appears: he, first instinctively, begins to experience the need for love; at the same time, he has high aspirations of the soul for noble activities, for accomplishing feats, and a feeling of devotion to the fatherland. All this is alien to the castrated youth, castrated in his youth: at this time he remains indifferent to his environment; in his soul there is not even the germ of noble aspirations, consciousness of duty, the duties of a citizen; he has no future and he lives only in the life of the environment around him, where he sees only examples of the need for emasculation, and this entire situation subjects him to the influence of the sect, instinctively ties him to it. At the onset of maturity, the happiness of family life does not exist for him, courage and the highest fantasy are alien to him; most often, instead of these qualities, he develops many of the vices of people with a limited outlook, with a low level of morality: selfishness, cunning, cunning, deceit, greed for money, etc." [8, p. 68–69].

All of the above psychological changes are capable of deforming the moral foundations of the individual and can lead to the formation of certain criminal attitudes, including the commission of selfish crimes, and psychological dependence on the leaders of radical organizations to the suppression of will and the commission of extremist crimes. Currently, they do not resort to emasculation, but use more sophisticated means of psychological influence, so measures to counter this kind of criminal activity do not lose relevance.

Realizing the potentially dangerous activities of eunuch sectarians, which in relation to modern realities can be classified as extremist, the tsarist legislator, in order to prevent the spread of subversive ideology for the Russian Em-

pire, provided for strict isolation for this category of convicts, preventing them from recruiting new supporters into their ranks.

The combination of the possibility of replacing a more lenient punishment in relation to one category of convicts and the establishment of a ban on replacing references to settlement in relation to sectarians and other apostates from the official religion was determined not only by the preservation of the traditional religious worldview as the dominant state ideology of the tsarist regime, but by the need to apply preventive measures of criminal justice legal influence to prevent the spread of a worldview that poses a danger to society and the state.

Unfortunately, in modern conditions, as noted above, it is not possible to contain the growth of extremist activity, which is expressed in the strengthening of the position of radical Islamic religious movements. This indicates that the current measures of criminal law, enshrined not only in criminal legislation, but in criminal procedural and penal legislation, are not able to achieve the preventive objectives established by Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

When establishing sanctions for committing crimes that provide for liability for the creation of an extremist community (Part 1 of Article 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the organization of the activities of a public or religious association or other organization, in respect of which the court has made a decision that has entered into legal force to liquidate or prohibit activities in connection with the implementation of extremist activities (Part 1 of Article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), increase the maximum sanction to twelve years in prison, thereby classifying the offenses as particularly serious crimes.

The main purpose of increasing the maximum term of criminal punishment is determined not so much by the tightening of criminal liability aimed at intimidation, since they do not particularly frighten adherents of radical religious movements, but by the need for maximum isolation of this category of convicts, which seems possible only in conditions of imprisonment. The proposed measures will not only fulfill the preventive tasks of criminal law, provided for in Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, thereby limiting the possibility of involving new members in this kind of extremist organizations, but to a certain extent will contribute to the psychological breakdown of the organizers and (or) leaders of extremist organizations or communities in conditions of maximum isolation from the outside world.

Legislative proposals to increase the terms of imprisonment for organizers and (or) extremist organizations or communities will comply with the principle of justice, enshrined in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides that punishment and other measures of a criminal legal nature must be fair, that is, they must correspond to the nature and extent of the crime committed, the circumstances of its commission and the identity of the perpetrator.

It seems that the principle of justice is mandatory not only for the law enforcer, but also for the legislator, who himself establishes the types and amounts of punishment in the Special Part of the Criminal Code of the Russian

Federation, therefore the legislator in law-making activities is obliged to be guided by the principles of criminal legislation, which serves as its basis.

Taking into account the increased public danger of the organizers of extremist activities, the ability of its leaders to attract new participants into their ranks of supporters banned by the Supreme Court, and the possibility of further participation in terrorist activities, it is proposed to add to Part 2.1 of Art. 58 of the Criminal Code of the Russian Federation, adding to it the elements, crimes provided for in Part 1 of Art. 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, establishing criminal liability for the organization and leadership of an extremist organization or community

For maximum isolation of convicts, recognized by a court verdict that has entered into legal force, in committing crimes under Part 1 of Art. 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and strengthening the corrective impact of the imposed punishment, it is proposed to keep them in a strict prison regime with the introduction of appropriate additions to Part 3 of Art. 130 of the Penal Code of the Russian Federation.

Taking into account the potential possibility of involving new supporters and the increased public danger of terrorist crimes, it is also proposed to establish a strict prison regime in relation to the organizers and leaders of terrorist organizations or communities (Part 1 of Article 205.4 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Article 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) .

Therefore, Part 3 of Art. 130 of the Penal Code of the Russian Federation shall be stated as follows:

“Convicts who have committed crimes under Part 1 of Art. 282.1, part 1 art. 282.2, part 1 art. 205.4, part 1 art. 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, admitted to this correctional institution, and convicts transferred from general regime.”

At the same time, in order to suppress other criminal acts that pose an increased public danger, providing for responsibility for organizing and (or) directing various forms of criminal activity, depending on the circumstances of the crime, provide for the possibility of serving a sentence by establishing a strict prison regime.

The above-mentioned category of convicted persons may include organizers of an illegal armed group (Part 1 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation), a gang (Part 1 of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation), a criminal community (criminal organization) (Part 1 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation) , occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), armed rebellion (Article 279 of the Criminal Code of the Russian Federation), planning, preparation, unleashing of an aggressive war (Part 1 of Article 353 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Accordingly, Art. 130 of the Penal Code of the Russian Federation shall be supplemented with Part 3.1 and stated as follows:

“Persons who have committed crimes under Part 1 of Art. 208, part 1 art. 209, part 1 art. 210, art. 210.1, Art. 279, part 1 art. 353 of the Criminal Code of the Russian Federation.”

Due to the fact that the norm provided for in Part 3.1 of Art. 130 of the Penal Code of the Russian Federation is of an alternative nature and has an increased punitive potential, therefore the appointment of a high-security prison sentence by the court should be carried out by the court with the help of a legislative mechanism, which should be provided for in Art. 58 of the Criminal Code of the Russian Federation by introducing additions in the form of Part 2.2 and state it in the following wording:

“Men sentenced to imprisonment for committing crimes under Part 1 of Article 208, Part 1 of Article 209, Part 1 of Article 210, Article 210.1, Article 279, Part 1 of Article 353 of this Code are assigned to serve part of their sentence in prison. In this case, the period of serving the sentence in prison after counting the time the person was held in custody until the conviction comes into force must be at least one year. Determining the type of correctional institution for serving the sentence remaining after serving part of the sentence in prison is carried out according to the rules established by this article.”

The possibility of judicial discretion in the proposed above-mentioned provisions of the criminal and penal legislation leads to the need to clarify judicial practice, therefore it is proposed that the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2014 No. 9 “On the practice of appointing and changing types of correctional institutions by courts” is proposed to be added to clause 5, paragraph 3 and stated as follows:

“when imposing punishment in accordance with Part 2.2 of Art. 58 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to categories of convicts found guilty of committing crimes under Part 1 of Art. 208, part 1 art. 209, part 1 art. 210, art. 210.1, Art. 279, part 1 art. 353 of the Criminal Code of the Russian Federation, with detention in a maximum security prison, the court must take into account the number of persons involved in a particular type of criminal activity, the nature and extent of the harm caused by the above criminal organizations (communities), the behavior before and after the commission of a crime of such a convicted person, other circumstances indicating increased public danger of such a conviction. All the stated arguments presented for imposing a sentence in a maximum-security prison must be motivated in the court’s verdict.”

Bibliography

1. National security strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_dos_LAW_389271/?ysclid=lm3fjvuq2o127598870 (date of access – September 3, 2023).

2. The verdict of the magistrate of the judicial district No. 6 of the Almetyevsk district and the city of Almetyevsk RT dated April 6, 2005. Shaikhutdinov I.Kh., Fairuzov T.A., Khamzin E.R., Nurullin A.M., Nizamov E.G. were convicted under Part 2 of Art. 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation for participation in the extremist organization “Hizb ut-Tahir al-Islami”. //Archive of the magistrate of judicial

district No. 6 in the Almetyevsky judicial district of the Republic of Tatarstan for 2005. Case No. 1–8/06].

3. Three Islamists who were collecting money “for jihad” in Syria were detained in Tatarstan. [Electronic resource] //Access mode: eadaily.com/ru/news/2023/04/11/v-tatarstane-zaderzhali-treh-islamistov-sobiravshih-dengi-na-dzihad-v-sirii (date of access – September 3 2023).

4. In Russia, the number of extremist crimes has increased by 160% over the year. [Electronic resource] //Access mode: //https://www.kommersant.ru/doc/5861839?ysclid=lgkkcefyu2678822481 (accessed September 3, 2023).

5. In the Russian Federation in 2022, a record number of extremist crimes was recorded in five years. [Electronic resource] //Access mode: //https://tass.ru/obshchesto/16910891?ysclid=lgkkiul3c9698113902.

6. The Ministry of Internal Affairs spoke about the number of extremist crimes in Russia. [Electronic resource] //Access mode: //https://ria.ru/20221029/rossiya-1827701089.html?ysclid=lgkk415c2i463638121 (accessed September 3, 2023).

7. New Criminal Code, Supremely approved on March 22, 1903, with the annex of the Subject Alphabetical Instruction. St. Petersburg: Edition of the Kamenostrovsk legal bookstore V.P. Anisimova, 1903. P. 27.

8. Forensic medical studies of SKOPCHESTV historical records about him by the director of the medical department Evgeniy Pelikan (with chromolithographed drawings, maps and polytypes). Part two (forensic). St. Petersburg: printed by V.I. Golovin, near the Vladimir Church, house No. 15, apt. No. 3, 1872. P. 137.

For citation: Gareev M.F. Selected aspects of prevention of extremist activities on the example of legislation of Tsar Russia: article // Legal Thought. 2023. No. 3 (131). P. 110–116.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.131.3.103

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре**. Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. **Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).**

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте (**в отпечатанном виде**) и с **электронной копией**.

8. **Рецензии присылаются вместе со статьями.** В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House “Law Institute” (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author)**, indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или ***магистра***

(в зависимости от срока обучения)

и выдается ***диплом государственного образца о высшем образовании***

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим (неюридическим) образованием*** –
ускоренный курс обучения – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 5.1.2.– Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
- 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

**199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: <http://lawinst-spb.ru/magazine>
<http://matgip.ru>
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 27.09.2023. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 14,54. Усл. п.л. 8,28. Тираж 100 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru